

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное Время

Scientific journal

Научный журнал

№4(28)

2021

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

4 (28)
2021

Научный журнал

Издаётся с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426
Тел.: 8(8362)68-60-40, 8(8362)68-68-00. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 07.00.00 – «Исторические науки и археология»; 22.00.00 – «Социологические науки»; 09.00.00 – «Философские науки».

Редактор русского текста *Н. М. Москвичева*
Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 27.01.2022. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 10,85. Тираж 500 экз. Заказ № 10849/16
Дата выхода в свет: 31.01.2022. Цена свободная

Поволжский государственный технологический университет. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3
Отпечатано в ООО «Принтекс». 424002, г. Йошкар-Ола, бульвар Победы, 14, пом. III

Перепечатка или воспроизведение материалов номера
допускается только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный
технологический университет, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) – главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Кутырев Владимир Александрович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) – отв. секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России

Аршинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмеринович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Дабаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Ершов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Матвеева Наталья Александровна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Стирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шалаева Светлана Леонидовна, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Нижний Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Илиева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левицка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тараров Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

4 (28)
2021

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square, room 426.
Tel.: 8(8362)68-60 40, 8(8362)68 68 00. E-mail: sociotime@volgatech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 07.00.00 – «Historical sciences and archeology»; 22.00.00 – «Sociological sciences»; 09.00.00 – «Philosophical sciences».

Editor *N. M. Moskvicheva*
Computer imposition *V. V. Khrenkov*

Signed in 27.01.2022. The format 70×100/16. Offset paper

Circulation 500 ind. Ordering № 10849/16

Release date: 31.01.2022. Open price

Volga State University of Technology, 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square

Printed from the original layout at LLC «Printecs». 424002, Yoshkar-Ola, room III, 14, Pobedy Boulevard

Reprint or reproduction of material numbers is permitted only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2021

EDITORIAL BOARD

Shalaev V.P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief
Dakhin A.V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V.I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Kutyrev V.A., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Lepsky V.E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S.V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A.A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T.M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V.V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Executive Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• **Members of the editorial board in the regions of Russia**

Arshinov V.I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafyeva O.N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A.M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V.A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V.E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S.N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Dadaeva T.M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dunets A.N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A.N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A.V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K.I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Maksimova S.G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G.G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Matveeva N.A., Doctor of Sociology (Barnaul)
Nabiyev R.A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A.N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O.V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V.V., Doctor of Philosophy (St. Petersburg)
Sergeyev S.A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O.N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N.M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Spirova E.M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M.G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I.V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A.N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shalaeva S.L., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Shashkova Y.Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M.D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G.S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad**

Babosov E.M., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P.A., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Zelenkov A.I., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Tmava, Slovakia)
Muza D.E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Perinchek M.B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoev Y.V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Артамонов Д. С.

«Часы судного дня» и мифологизация времени в цифровую эпоху	9
---	---

СОЦИОЛОГИЯ

Богатова О. А., Долгаева Е. И.

Структура и тенденции развития социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации.....	22
---	----

Матвеева Н. А., Демин М. А., Куляпин А. И., Никитина Л. А., Шпильная Н. Н.

Методологическое пространство современных гуманитарных исследований: по результатам реализованных грантовых проектов РФФИ.....	39
--	----

Мухаметзянова-Дуггал Р. М., Кляшев А. Н., Мухамадеева Р. Р.

Мусульмане Башкортостана на современном этапе: мусульманское духовенство и регулярные члены общин	56
---	----

Помозова Н. Б.

Социологический анализ динамики кадровой политики КНР и КПК (2013 – 2021 гг.)	66
---	----

ИСТОРИЯ

Буньямин Г. Н. оглы

Метание при помощи пращи.....	77
-------------------------------	----

Мокроусова Л. Г., Павлова А. Н.

Политические настроения советского провинциального общества середины 50-х гг. (часть II)	85
--	----

Охотина Н. М.

История развития туризма в Марий Эл	98
---	----

Шалаев В. П.

Славный путь Вавиловских чтений в Марий Эл и России: от истоков к современности.....	107
--	-----

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

Дахин А. В., Пищик А. М., Шалаев В. П.

Подвижник, созидатель отечественной науки.....	118
--	-----

Подготовка и порядок приёма рукописей.....	121
--	-----

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Artamonov D. S.

The doomsday clock and the mythologization of time in the digital age	9
---	---

SOCIOLOGY

Bogatova O. A., Dolgaeva E. I.

Structure and trends in the development of the so-cial identity of the capital of the republic in structure of Russian Federation	22
---	----

Matveeva N. A., Demin M. A., Kulyapin A. I., Nikitina L. A., Shpilnaya N. N.

Methodological space of modern humanitarian research: on the results of the implemented RFBR grant projects	39
---	----

Mukhametzyanova-Duggal R. M., Klyashev A. N., Mukhamadeeva R. R.

Muslims of Bashkortostan at the modern stage: Muslim spirits and regular communities	56
--	----

Pomozova N. B.

Sociological analysis of the dynamics of the human resources policy of the PRC and the CPC (2013 – 2021)	66
--	----

HISTORY

Bunyamin G. N. oğlu

Throwing with a sling	77
-----------------------------	----

Mokrousova M. G., Pavlova A. N.

The political moods of the soviet provincial society of the middle of the 1950s. (Part II)	85
--	----

Okhotina N. M.

History of tourism development in Mari El	98
---	----

Shalaev V. P.

The glorious way of Vavilov readings in Mari El and Russia: from origins to modernity	107
---	-----

IN MEMORY OF A COLLEAGUE

Dakhin A. V., Pishchik A. M., Shalaev V. P.

Ascetic, creator of Russian science	118
---	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	121
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В двадцать восьмом номере научного журнала «Socio Time / Социальное время» (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК рецензируемых журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учёными и исследователями из различных университетов и научных учреждений России. Материалы посвящены актуальным вопросам философского, социологического и исторического знания. В фокусе статей издания – современные и исторические процессы развития человека и общества.

Журнал позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Широкий круг редколлегии и международного редакционного совета представлен исследователями из университетов и академических институтов, в том числе Российской академии наук, из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Барнаула, а также университетских центров зарубежных стран: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана.

География участников представленного номера носит общероссийский и международный характер. В 28 номере журнала «SocioTime/Социальное время» опубликованы девять научных работ авторов, представляющих научные сообщества Москвы, Саратова, Уфы, Барнаула, Саранска, Йошкар-Олы, а также Баку (Азербайджан).

В раздел «Философия» включена работа *Д. С. Артамонова* (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов), исследующего феномен «часов судного дня» в контексте проблемы мифологизации времени в цифровую эпоху.

В разделе «Социология» представлены четыре научные работы. Его открывает статья *О. А. Богатовой, Е. И. Долгаевой* (Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск), где рассматриваются структура и тенденции развития социальной идентичности столицы Республики Мордовии – города Саранска в составе Российской Федерации. Коллективная статья *Н. А. Матвеевой, М. А. Демина, А. И. Куляпина, Л. А. Никитиной, Н. Н. Шпильной* (Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул) посвящена анализу методологического пространства современных гуманитарных исследований (по результатам реализованных грантовых проектов РФФИ). В статье авторов из Уфы *Р. М. Мухаметзяновой-Дуггал, А. Н. Кляшева, Р. Р. Мухамадеевой* (Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа) рассмотрена тема мусульманского духовенства и регулярных членов общин Башкортостана в современном российском обществе. Работа *Н. Б. Помозовой* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) посвящена социологическому анализу динамики кадровой политики КНР и КПК с 2013 по 2021 годы.

В разделе «История» также представлены четыре научные работы, три из которых принадлежат учёным из Йошкар-Олы. Открывает раздел статья автора

из Баку *Г. Н. оглы Буньямин* (Азербайджанский университет туризма и менеджмента, Баку, Азербайджан), проработавшего оригинальную историческую тему метания при помощи пращи. В коллективной статье учёных из Йошкар-Олы *Л. Г. Мокроусовой, А. Н. Павловой* (Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола) продолжен опыт авторского анализа политических настроений советского провинциального общества середины 50-х гг. (часть II). В статье *Н. М. Охотиной* (Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола) анализируются актуальные контексты истории развития туризма в Марий Эл. Тема славного пути Международной междисциплинарной научной конференции «Вавиловские чтения» в Республике Марий Эл, как общероссийского научно-просветительского форума, предложена в работе *В. П. Шалаева* (Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола).

Таким образом, в 28 номере «SocioTime» представлена широкая палитра трудов философского, социологического и исторического характера, от философской темы мифов в цифровую эпоху – до темы, связанной с историей известного научно-просветительского форума России.

Редколлегия «SocioTime/Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвящённые творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, особое внимание мы уделяем поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы развития современной философии, социологии и истории в области актуальных проблем рационального понимания современной цивилизации и культуры, человека и общества.

Уважаемые коллеги, мы рады оказать вам содействие в публикации ваших исследований и их результатов. Наша журнальная площадка открыта для творческих обсуждений и дискуссий. Журнал «Socio Time / Социальное время» – это, несомненно, ваше социальное время в нашем едином социальном пространстве, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб. 426, 430а.

Телефоны: редакция – 8(8362)68-68-00; главный редактор – 8(8362)68-68-40.

E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте нашего журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) и в системе Elibrary.

Редколлегия желает вам оптимизма, неустанных творческих исканий и успехов на путях научного познания и нашего совместного труда по обретению опыта в деле совершенствования человека и общества в единой истории и культуре.

В. П. Шалаев,
доктор философских наук, профессор.

УДК 115 + 291.217

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.9

«ЧАСЫ СУДНОГО ДНЯ» И МИФОЛОГИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ¹

Д. С. Артамонов

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Саратов (Россия)*

Введение. Статья посвящается исследованию роли журнала «Бюллетень учёных-атомщиков» и используемой этим изданием метафоры «Часы Судного дня» в мифологизации времени, характерной для медиасферы цифрового общества. Темпоральные мифы в цифровую эпоху подвергаются серьёзной трансформации под воздействием медиа, конструирующих социальную реальность. Часы Судного дня выступают одним из важнейших инструментов воспроизводства эсхатологического мифа в современном цифровом мире. Медиаобраз данной метафоры оказывает сильное влияние на формирование представлений о времени.

Методы. Методологический проект исследования ориентирован на постнеклассическую парадигму изучения мифологизации времени. Анализ процессов трансформации темпоральной социальной мифологии в цифровую форму в современной медийной среде делает востребованным конструктивистский подход к исследованию социальной реальности. Важную роль в исследовании играет методология изучения социального времени, предполагающая проведение функционального анализа.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Часы Судного дня, изображённые на обложке «Бюллетеня учёных-атомщиков», стали узнаваемым медиаобразом, символизирующим нерешаемость глобальных проблем человечества, которые могут привести к его гибели. В современной медиасреде Часы Судного дня воспроизводят эсхатологический миф в новом цифровом формате, визуализируя фундаментальные планетарные угрозы. Подводя стрелки Часов к полуночи и предвещая скорый Конец Света, издатели Бюллетеня преследуют цель наглядной демонстрации серьёзности надвигающейся опасности планетарной катастрофы. Для этого они используют апокалиптический миф, обладающий огромным потенциалом эмоционального воздействия. В то же время периодическое уменьшение количества времени до гибели Мира (счёт идет уже на секунды), с одновременным постоянным его переносом на следующий год, приводит к мифологизации времени.

Заключение. Метамодернистский контекст объединения несочетаемых характеристик времени, представленных в метафоре Часов Судного дня, способствует его восприятию на мифологическом уровне. Мифология апокалиптического времени задаёт рамки социальных действий и определяет темпоральную модальность цифрового общества.

Ключевые слова: Часы Судного дня; Бюллетень учёных-атомщиков; мифологизация времени; цифровая мифология; конец истории; эсхатология; социальное время.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00297 «Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики».

Введение. Восприятие времени в цифровую эпоху зависит от того, как оно представлено в медиа. Под медиа в данном случае следует понимать все средства коммуникации и способы передачи информации, конструирующие реальность. Реальность, представленная в медиа, подвержена мифологизации, что обусловлено особенностями её конструирования. Наблюдение социальной действительности осуществляется человеком посредством медиа, которые, создавая представление о реальности, закладывают в неё элементы мифа, чтобы сделать её более понятной и доступной.

Способность медиа конструировать реальность была подмечена Н. Луманом. Он утверждал, что средства массовой коммуникации порождают время, которое сами себе и предпосылают, а общество к этому приспосабливается, что подтверждается «прямо-таки невротической одержимостью инновациями в экономике, политике, науке и искусстве» [Луман, с. 38]. Время, как считает учёный, становится доминирующим смысловым измерением, в котором прошлое и будущее являются искусственно организованной хронометрией, выводящей настоящее из времени. Настоящее в медиа не предстаёт во времени, оно представляет собой позицию наблюдателя, различающего прошлое и будущее, либо становится точкой преломления их. Н. Луман сравнивает настоящее с тем, что до модерна мыслилось как вечность и всеприсутствие Бога, наблюдающего все эпохи одновременно.

Медиа вбирают в себя все сведения о прошедшей реальности и возможном будущем, что позволяет им быть пространством, где фиксируется информация, принимаются решения и происходит коммуникация с целью понимания происходящего в обществе и мире [Луман, с. 131]. Медиа осуществляют модализацию времени, делая его зависимым от фигуры наблюдателя, которому доступно наблюдение только второго порядка в модусе наблюдения наблюдателей. Общество передало своё самонаблюдение в ведение функциональной системы массмедиа, преобразующей результаты отрефлексированного наблюдения в продукты культуры [Тихонова, 2005, с. 98]. Восприятие времени, таким образом, является продуктом культурной рефлексии, произведённой обществом посредством медиа, поэтому в них часто можно обнаружить элементы мифа, так как в культуре происходит постоянная конвергенция нового знания с устоявшимися представлениями о реальности.

Методы. Методологической основой исследования является постнеклассическая парадигма, ориентированная на изучение мифологизации времени в широком историческом и социокультурном контексте. Рассмотрение темпоральности цифрового общества предполагает проведение социально-философского исследования представлений о времени с применением конструктивистского подхода, предполагающего исследование социальной реальности как результата субъективной и интерсубъективной творческой деятельности человека.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Время как реальность, конструируемую медиа, можно описать при помощи концепции социального времени П. Сорокина и Р. Мертон. По их мнению, человек не ощущает астрономическое время, а календарное дробление времени и измерение времени по часам ничего не говорит его сознанию, так как он не способен

мыслить время абстрактными категориями. Время имеет социальное значение и делится на отрезки, ассоциируемые со значимыми событиями, являющимися «референтными точками», т. е. «социальное время отражает изменения, движение социальных феноменов в терминах других социальных феноменов» [Сорокин, Мертон, с. 114]. Природу социального времени определяет последовательность социальных событий, обладающих символической характеристикой. Превращение события в символ, становящийся референтной точкой социального времени, сопровождается его драматизацией, т. е., оставаясь в прошлом, оно должно пробуждать впечатление «будто только что произошедшее всё ещё остаётся настоящим, всё ещё интересно и информативно» [Луман, с. 46]. «Оставлять» события в настоящем – основная задача медиа, воссоздающих социальные реалии.

Современные медиа ориентированы на фиксацию событий, вызывающих сильные эмоциональные переживания, постоянное самораздражение общества. Фактором возбуждения общественного интереса являются сенсационные сообщения, на короткое мгновение привлекающие внимание аудитории. Они создают эффект ускорения времени, так как растворяются в нём, «выстраиваясь в общий сценарий эволюции медиасобытия» [Витвинчук, с. 62]. Ориентация медиа на драматичность заставляет их в большей степени фиксировать трагические события, вызывающие наиболее сильные эмоции. Сообщения о трагедиях описываются в семантике катастроф и вызывают острые ощущения аудитории, привыкающей получать негативную информацию. Модус негативности события они переносят на время, которое начинают воспринимать как ускоренное и катастрофичное, что соотносится с мифом о его конечности и способствует формированию представления об апокалиптичности социального времени.

Дж. Агамбен называет апокалипсисом такую модальность времени, которая переживается как его окончание, противопоставляя ему время мессианское. Мессианское время он определяет как настоящее, которое отведено для завершения времени вообще. Пытаясь кратко сформулировать разницу между мессианским и апокалиптическим временем, Агамбен отмечает, что «...мессианское является не концом времени, но временем конца», в котором прослеживается «соотношение каждого мгновения, каждого времени (*kairos*) с концом времени и вечностью» [Агамбен, с. 65]. Другими словами, люди являются очевидцами собственного конца, живущими в ситуации перманентного кризиса – экономического, политического, социального, морального, экологического и т. д. и т. п. Кризис – явление не стихийное и природное, а прежде всего социальное, т. е. рукотворное, конструируемое [Тихонова, Афанасьев, 2009, с. 60]. Он воспринимается как конец определённого отрезка времени или начало конца, представляя собой реферативную точку социального времени. Осмысление кризиса в парадигме христианской теологии приводит к его пониманию как времени апокалипсиса, «Судного дня», термина, утвердившегося в массовой культуре в качестве обозначения конца истории.

В массовой культуре метафора «конец истории» прочно утвердилась после публикаций работ Фрэнсиса Фукуямы, вызвавших медийный резонанс, и последующего научного обсуждения его идей. Под концом истории он понимал некое завершение Универсальной Истории, что не означало, однако, прекращение исто-

рии человечества или его гибель. Взгляд на конец земной истории, когда «Земля и земные события перестанут существовать в буквальном смысле» [Фукуяма, с. 53], характерен для христианской традиции, оперировавшей понятием «Судный день». В то же время, по мнению Ф. Фукуямы, именно христианский взгляд на историю ясно показывает, что «конец истории» неизбежно последует при достижении определённой исторической цели. Концепция Универсальной Истории предполагает, что «действует фундаментальный процесс, диктующий общую эволюционную закономерность для всех человеческих обществ» [Фукуяма, с. 50]. Каждое конкретное событие исторического процесса имеет значение только по отношению к некоему большему событию, наступление которого ведёт к прекращению истории. Окончательный финал человеческой истории придаёт потенциальный смысл всем частным событиям, поэтому его предположение является необходимым условием исторического развития.

Для обозначения финальной точки Истории в массовой культуре часто используется образ Судного дня. В религиозном дискурсе словосочетание «Судный день» представляет собой номинативную единицу с эсхатологическим значением. Как показано в исследовании Ф. Ф. Фархутдиновой и Х. А. Якупова, «оборот «Судный день» стал деривационной базой для целого ряда устойчивых оборотов, связанных с угрозой начала Третьей мировой войны» [Фархутдинова, Якупов, с. 97]. Данный оборот активно используется в политическом дискурсе разных языков, приводя к появлению таких гипонимических образований, как устройство Судного дня, машина Судного дня, самолёт Судного дня, оружие Судного дня, ракеты Судного дня. Этот яркий эсхатологический образ оказался востребован в кинематографе («Звёздный путь» шестой эпизод 1967 г., «Терминатор 2: Судный день» (режиссёр Джеймс Кэмерон) 1991 г., «Doctor Who (Доктор Кто)» сезон 2006 года, «Doomsday» (режиссёр Нил Маршалл) 2008 г., «Судный день» (режиссёр Дуглас Аарниакоски) 2011 г., «Судный день» (режиссёр Джозель Новоа) 2016 г.) и компьютерных играх («Петька и Василий Иванович 2: Судный день», «Муму: Судный день»).

Большую роль в популяризации образа Судного дня как конца истории человечества в массовой культуре сыграл проект «Часы Судного дня» журнала «Бюллетень учёных-атомщиков» (The Bulletin of Atomic Scientists). Часы в виде изображения на обложке журнала символизировали аллегорический отсчёт времени до возможного наступления Конца Света. По замыслу создателей проекта, они должны напоминать людям об опасности ядерной катастрофы и других глобальных угрозах, способных привести к уничтожению всего живого на планете Земля. Начиная с 1947 г., ежегодно учёные и эксперты анализируют ситуацию в мире и определяют символическое положение стрелок, и чем напряжённее им представляется международная обстановка, тем ближе минутная стрелка к полуночи. Полночь на Часах Судного дня и означает Конец Света.

Работая над дизайном обложки первого выпуска журнала «Бюллетень учёных-атомщиков», за июнь 1947 г., художница Мартил Лэнгсдорф, супруга одного из авторов проекта, предложила часы в качестве символа ядерной угрозы, хотя изначально она собиралась поместить на обложке букву U (обозначение урана как

химического элемента) или сильно искажённые изображения грибовидных облаков атомного взрыва. Из разговоров учёных, работавших над бомбой, она поняла, что главным лейтмотивом всех обсуждений последствий применения новой военной технологии была безотлагательность действий, направленных на предупреждение катастрофы, и осознание того факта, что, если по миру прокатится ядерная война, она будет самой короткой из всех. Поэтому часы были наиболее эффективной визуальной аналогией, объединяющей «надвигающуюся полночь с драмой тикающей бомбы замедленного действия» [Bierut], они отражали убеждение, что у человечества не так много времени, чтобы взять атомное оружие под контроль. Выбор установки минутной стрелки часов без семи минут полночь на первой обложке, объяснялся ею только тем, что так «она хорошо выглядела», но уже через два года, когда СССР испытал собственное ядерное оружие и началась гонка вооружений, часы были переведены на три минуты до полуночи. Со временем Часы Судного дня стали узнаваемым символом, а перевод стрелок превратился в большое событие [Ангашанова].

С 2007 г. на положение стрелок часов влияют катастрофические сбои в жизни планеты, происходящие в результате изменения климата и любых действий человечества, создавшего опасные технологии и ситуации, угрожающие всему живому. За весь период существования часов критическое время колебалось от 17 минут в 1991 г., в период наивысшей разрядки международной напряжённости, до 2 минут в 1953 г., когда была испытана водородная бомба. В 2017 г. впервые в истории часов были использованы дробы в определении количества времени до глобальной катастрофы, оно составило 2,5 минуты и было связано с угрозой возобновления гонки вооружений между США и Россией. В следующий 2018 г. стрелки часов достигли 2 минут, т. е. уровня 1953 г., в основном из-за ядерного риска и растущей угрозы изменения климата. В 2020 г. Часы Судного дня были установлены всего за 100 секунд до полуночи, что зафиксировало максимальное приближение к концу истории и символизировало самую опасную ситуацию, с которой когда-либо сталкивались люди. В 2021 г. совет по науке и безопасности «Бюллетеня учёных-атомщиков» подтвердил данную настройку часов.

В заявлении о Часах Судного дня 2021 г. в центр внимания ставится проблема пандемии COVID-19, в нём говорится, что хотя она не сможет уничтожить цивилизацию и не представляет собой реальной опасности, всё же её можно считать тревожным сигналом, «яркой иллюстрацией того, что национальные правительства и международные организации не готовы управлять ядерным оружием и изменением климата» [Bulletin, 2021], а именно это в настоящее время представляет собой экзистенциальную угрозу для человечества. В этом документе так же, как и в заявлении 2020 г., мультипликатором ядерной и климатической угроз определяется продолжающееся искажение информационной экосферы, от которой зависит принятие людьми решений [Bulletin, 2020]. Информационные войны, фальшивые новости, фейки, ложная и вводящая в заблуждение информация, распространяемая через Интернет, пренебрежение к науке и широкомасштабное распространение конспирологии, инфодемия, выражающаяся в избытке информации, из-за которой людям трудно найти надёжные источники и рекомендации, подрывают доверие к

действиям национальных и глобальных лидеров и затрудняют их усилия по обеспечению безопасности. Искажение информации, как полагают эксперты, может привести к непоправимым последствиям, в случае кризиса, возможно, ведущим к ядерной войне, которая положит конец мировой цивилизации. Но даже и без этого, как показала пандемия, социальные сети, поисковые системы, постоянно работающие мобильные вычислительные технологии и другие технологические приложения могут использовать когнитивные способности человека и вводить его в заблуждение, приводя в ярость и заставляя импульсивно реагировать, обостряя политические и идеологические разногласия.

Отмечаемые в Бюллетене проблемы информационной экосистемы касаются и его самого. Будучи неотъемлемой частью медиасферы, оказывающей на неё огромное влияние, он мифологизирует действительность и само время. Критик Часов Судного дня когнитивный психолог Стивен Пинкер отмечал, что их декларируемая цель заключается в сохранении цивилизации путём «запутывания людей до рациональности», однако, это всего лишь пропагандистский трюк, применяемый учёными-физиками, считающими, что страх может быть эффективным способом мобилизации общественности на решение глобальных проблем. В доказательство он приводит тот факт, что положение стрелок непоследовательно, зависит только от политической обстановки и не основано на каких-либо объективных показателях безопасности. Например, время до полуночи после кубинского ракетного кризиса 1962 г. было больше, чем в «гораздо более спокойном 2007 г.». С. Пинкер видел в этом свидетельство приверженности человечества к историческому пессимизму, он сравнивал Бюллетень с другими предсказаниями учёных о самоуничтожении человечества, которые не подтвердились, цитируя слова одного из создателей журнала Евгения Рабиновича, пожалевшего о стратегии издания, напугавшего «многих до крайнего страха или слепой ненависти» [Pinker, 2018, 335–338].

Писатель-футурист Жамэ Кассио, анализируя глобальные угрозы, предположил, что апокалипсис, который они вызовут, вероятно, не будет быстрым и окончательным. Завершающую историю человечества катастрофу он рассматривал не как событие или конечную точку, а как формирование среды страдания, где медленно будет происходить угасание цивилизации. По его мнению, хотя предположение наихудших сценариев теоретически может упростить предотвращение ужасных последствий, однако, в случае «медленных апокалипсисов», таких как изменение климата, людям трудно представить себе масштаб проблемы и представить, как они на самом деле столкнутся с ней. [См.: Weisberger, 2020].

Историк науки Кэтрин Пандора в комментарии публицистическому изданию «Live Science» в 2016 г., когда стрелка Часов Судного дня осталась на трёх минутах до полуночи, несмотря на заключение Парижского соглашения по климату, утверждала, что использование апокалиптической риторики не помогает обсуждению трудных и сложных вопросов, связанных с глобальными угрозами человечеству. По её мнению, так как все переживали в своей жизни такие события, когда всего несколько мгновений могли кардинально её изменить, «метафора с часами вызывает ассоциации с эмоциональным воздействием на внутреннем уровне переживания этих моментов и их последствий, усиливая значение этого символа»

[Ghose, 2016]. Оставляя несколько минут жизни человечеству, Часы Судного дня, с одной стороны, являются инструментом мобилизации человечества на решение важнейших вопросов современности, а с другой, – способствуют привыканию людей жить в состоянии постоянной паники, эксплуатируя их эмоциональное состояние.

Прогнозы «Бюллетеня учёных-атомщиков» соответствуют феномену постправды (post-truth), определяемому как информационный поток, в котором обращение к эмоциям и личным убеждениям является более значимым фактором при формировании общественного мнения, чем апеллирование к объективным фактам. Экосистему постправды составляют фейки, представляющие собой «информационную мистификацию или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных СМИ с целью введения в заблуждение для того, чтобы получить финансовую или политическую выгоду» (Hunt, 2016). Анализ текущей мировой ситуации, приводимый на страницах журнала, строится на достоверных данных, в чём никто не склонен сомневаться, однако, их медийная репрезентация через Часы Судного дня, оставляющая всего несколько минут и даже секунд цивилизации, вписывается в логику фейка, воздействующего через эмоции на сознание человека. Фейки называют мифами нашего времени (Ruzicka, 2019), подразумевая не только то, что они выполняют их функцию по конструированию и объяснению реальности, но и включают мифологические элементы в структуру фейковых сообщений. Восприятие предсказаний Бюллетеня строится на использовании образов апокалиптических мифов, обещающих человечеству неизбежный Конец Света.

Эсхатологическая мифология формирует у человека страх перед будущим, так как предполагаемое ей Время Конца обозначает неотвратимую и ужасную гибель Мира, тотальную смерть всего природного и человеческого. Вместе с тем циклическое представление о времени в мифе, отголоски которого содержат даже темпорально-линейные религиозные доктрины, подразумевает возрождение мира сразу после его гибели. В мифе Вселенная погибает, когда божество настигает сон, а после пробуждения оно творит её вновь, повторяя это бесчисленное число раз – в монотеистических религиях после Конца Света должен возникнуть новый, светлый и чистый мир, Царство Божие [Пилипенко, 2015, с. 166-167], а в современной массовой культуре – постапокалиптическое общество. Время постапокалипсиса, изображаемое в художественной фантастике, литературе и кинематографе, представляет собой не просто деградацию цивилизации, а проецирование прошлого в будущее. Апокалипсис отбрасывает человечество назад, смешивая два времени, так как представить человеку то, что будет, возможно только через то, что уже было.

Часы Судного дня, предвещая апокалипсис, одновременно подразумевают возможность постапокалиптического времени, давая импульс художественному творчеству создавать воображаемые миры будущего, что объясняет широкое распространение образа в медиапространстве. Предсказания Бюллетеня накладываются на популярные в массовой культуре представления о Конце Света и времени после него, ставя его в один ряд с произведениями фантастики. Таким образом,

культурное воздействие издания учёных-атомщиков и используемой им метафоры гораздо значительнее, чем их политические и социальные последствия. Одним из аспектов этого влияния является мифологизация времени в современной медиасреде.

По мнению А. Г. Иванова, мифологизация времени представляет собой «процесс наделения мифологической образностью и символикой аспектов действительности (социальной, художественной) любого модуса времени, осуществляемый как отдельным индивидом, так и социальными группами, обществом в целом» [Иванов, 2020, с. 311]. Следует добавить, что в этом процессе участвуют также медиа и цифровые технологии, как обезличенные акторы, транслирующие образы и символы на широкую аудиторию. Часы Судного дня являются мощным медиаобразом, оказывающим серьёзное влияние на мифологизацию времени.

Представление о времени, конструируемое «Бюллетенем учёных-атомщиков» и метафорой Судного дня, укладывается в концепцию Дж. Агамбена, показавшего, что существует «оперативное время, подгоняющее время хронологии, прорабатывающее и трансформирующее его изнутри, время, требующееся нам, чтобы довести время до конца» [Агамбен, 2018, с. 92]. Понятие оперативного времени Дж. Агамбен позаимствовал у лингвиста Густова Гийома, определявшего его как время, которое сознание должно затрачивать на формирование времени-образа, имплицитного времени как такового. Время Часов Судного дня, остающееся до полуночи, – это оперативное время, необходимое человечеству для осознания глобальных проблем и необратимости Конца времён, которое Агамбен также называет мессианским.

В хронологическом времени, в котором существует человек, у него нет возможности осознавать происходящие процессы и время вообще, тем более задумываться о его завершении, так как в нём он отделён от самого себя, превращён в бессильного зрителя, взирающего на убегающее время, в вечной нехватке времени на самого себя. В мессианском оперативном времени складывается завершённое представление о времени, где человек осознаёт его как единственно реальное и ограниченное время, единственным временем, которым он располагает. Метафора Часов Судного дня добивается того, чтобы человек воспринимал время, оставшееся до полуночи, как период, который может лишить его времени вообще, подразумевая благополучный исход только в случае деятельного осознания безграничной ценности этого временного отрезка.

Конец времени – это время-образ, представляемый как крайняя точка на хронологической линии, имеющий тенденцию бесконечно себя отсрочивать. В этом смысле оперативное время превращается в дополнительное, которое добавляется к хронологическому, чтобы бесконечно откладывать его конец [Агамбен, 2018, с. 96]. Периодическое ежегодное повторение прогнозов Бюллетеня и манипуляции со стрелками часов, которые бесконечно приближаются к концу времени, но не могут приблизиться к нему окончательно, оставаясь в пространстве реальности, позволяет сформировать представление о времени до Полуночи, как дополнительном времени.

Дополнительное время, как время, постоянно продлевающее жизнь, рассматривается в работах Ж. Деррида «Пережить» и «Призраки Маркса», который связывал его с определённым представлением о времени, как о чём-то добавочном по отношению к привычному. В этом смысле дополнительным время считается по отношению к некоему моменту в прошлом, обладающему характеристикой призрачности. Призрачным называется такое событие в прошлом, которое могло произойти, но не произошло, например, смерти в детстве, юности или два-три года назад, поэтому само время нашей жизни или выживания является дополнительным. Ж. Деррида говорит о существовании некоего времени призраков, не живущих в настоящем, но оказывающих воздействие на исторический ход развития событий [Косыхин, 2021, с. 164 – 166].

Комментируя «Призраки Маркса» Ж. Дерриды, Рафаэль Хэддок-Лобо призывает отдать должное его «фантазмагории, которая порывает с временностью и идеалом присутствия, чтобы мы начали действовать с ответственностью по отношению ко всем другим – живым или мёртвым, смертным или бессмертным, человеческим или нечеловеческим существам, бывшим, настоящим или будущим [Haddock-Lobo, 2005, p. 49]. Призыв к ответственности является основным смыслом издания «Бюллетеня учёных-атомщиков», который он транслирует через метафору Часов Судного дня, как бы дающего человечеству дополнительное время. По мнению Ж. Деррида, «грядущее может возвещаться как таковое и в своей чистоте лишь после какого-то свершившегося конца: если возможно, уже по ту сторону последней крайности» [Деррида, 2006, с. 56]. Полночь Часов Судного дня – это моделирование последней крайности, за которой людей ждёт безрадостный конец истории.

Ф. Фукуяма вслед за эсхатологическими учениями, объявив о наступлении «конца истории», мифологизировал его, так как вслед за этим объявлением завершения исторического процесса не последовало. «Бюллетень учёных-атомщиков» идёт дальше, он мифологизирует само время, постулируя его как оставшееся и дополнительное, быстро приближающееся к концу и остановившееся, неумолимо идущее вперёд и отодвигаемое назад, одновременно. Время Часов Судного дня вписано в метамодернистский контекст сочетаемости несочетаемого, в котором настоящее, согласно «Манифесту метамодерниста» Люка Тернера, – «симптом двойственного рождения безотлагательности и угасания», где благодаря новым технологиям существует возможность «одновременного восприятия и разыгрывания событий с множества позиций» [Turner, 2011], а люди в равной степени привержены ностальгии и футуризму.

Заключение. Модальность времени Часов Судного дня заключает в себе переживание апокалипсиса в настоящем. Люди становятся очевидцами своего собственного конца, который неумолимо надвигается, но не наступает, создавая ситуацию, когда смерть человечества может длиться дольше, чем вся его предыдущая жизнь, его история. Создаваемая мифология времени задаёт темпоральные рамки социальных действий, требуемых от индивида для своего спасения. В условиях перманентного кризиса и постоянного риска эсхатологический миф современного цифрового общества погружает человека в конкретный контекст социального дей-

ствия, но в тоже время освобождает его от временных условий решения стоящих перед ним задач. Находясь перед самым концом истории и своего существования, человек понимает, что невозможно прожить свою жизнь, совершить действие и отворотить катастрофу за то время, которое отведено Часами Судного дня, но одновременно есть понимание, что это время не движется, бесконечно приближаясь к полуночи, оно стоит на месте, по крайней мере в течение целого года. Время Часов Судного дня – это время во времени, другое его измерение, не опосредованное конкретным местом осуществления социального действия. Делокализация времени Часов Судного дня в пространстве и «растворение» его в социальном времени современного общества не связывают его с определённым событием, но одновременно соотносят его со всеми социальными действиями человечества. Проблема предотвращения гибели Мира становится во времени «Бюллетеня учёных-атомщиков» постоянной, но нерешаемой, так как он не оставляет человечеству на это времени.

Список литературы

1. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис. 2005. 256 с.
2. Тихонова С. В. Пространственные структуры эпохи «Пост»: человек в глобализирующемся мире. Саратов: Сарат. гос. соц.-эконом. ун-т. 2005. 122 с.
3. Сорокин П. А., Мертон Р. К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6 (242). С. 112–119.
4. Витвинчук В. В. «Социальное время» в массовом информационном потоке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2012. Т. 11. № 11. С. 58–63.
5. Агамбен Дж. Что современно? Киев: ДУХ І ЛІТЕРА. 2012. 78 с.
6. Тихонова С. В., Афанасьев И. А. Общество риска: мифологизация одной парадигмы // Человек. 2009. № 3. С. 57–63.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ. 2015. 259 с.
8. Фархутдинова Ф. Ф., Якупов Х. А. Фразеологизм Судный день: история и семантические сдвиги в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 90–99.
9. Bierut M. Designing the Doomsday Clock. The simple, brutal image captures scientists' level of anxiety about technologies that could destroy humanity // URL: <https://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2015/11/doomsday-clock-michael-bierut-design/412936/> (дата обращения: 07.11.2021).
10. Ангапанова Н. «Апокалипсис сегодня»: что такое Часы Судного дня и для чего они нужны? // URL: <https://esquire.ru/articles/82082-apokalipsis-segodnya-chto-takoe-chasy-sudnogo-dnya-i-dlya-chego-oni-nuzhny/#part0> (дата обращения: 09.11.2021).
11. This is your COVID wake-up call: It is 100 seconds to midnight. 2021 Doomsday Clock Statement // Bulletin of the Atomic Scientists. URL: <https://thebulletin.org/doomsday-clock/current-time/> (дата обращения: 10.11.2021).
12. Closer than ever: It is 100 seconds to midnight. 2020 Doomsday Clock Statement // Bulletin of the Atomic Scientists. URL: <https://thebulletin.org/doomsday-clock/2020-doomsday-clock-statement/> (дата обращения: 15.11.2021).
13. Pinker S. Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress. New York: VIKING. 2018. 655 p.
14. Weisberger M. Doomsday Clock is now 100 seconds from midnight // URL: <https://www.livescience.com/doomsday-clock-update-2020.html> (дата обращения: 11.11.2021).
15. Ghose T. Is the Doomsday Clock Still Relevant? // Live Science. 2016. February 24. URL: <https://www.livescience.com/53801-doomsday-clock-relevance.html> (дата обращения: 12.11.2021).

16. Hunt E. What is fake news? How to spot it and what you can do to stop it // The Guardian. 2016. URL: <https://www.theguardian.com/media/2016/dec/18/what-is-fake-news-pizzagate> (дата обращения: 14.11.2021).
17. Ruzicka V., Kang E., Gordon D., Patel A., Fashimpaur J., Zaheer M. The Myths of Our Time: Fake News. 2019 // ArXiv, abs/1908.01760.
18. Пилипенко Е. А. Концепт мифологического времени // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 6 (51). С. 162–168.
19. Иванов А. Г. Что считать мифологизацией времени? // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции, Севастополь, 26-27 июня 2020 года. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе. 2020. С. 307–312.
20. Агамбен Дж. Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам. М.: Новое литературное обозрение. 2018. 219 с.
21. Косыхин В. Г. Сверхнормативность времени в перспективе метамодернизма // Мир человека: нормативное измерение – 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма: Сборник трудов международной научной конференции, 7–9 июня 2021 г. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия. 2021. С. 163–167.
22. Haddock-Lobo R. Derrida: Survival as Heritage // German Law Journal, volume 6, issue 1: Articles: Special issue – A Dedication to Jacques Derrida. 2005. Pp. 47–51.
23. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. М.: Logos-altera, издательство «Ессе homo». 2006. 256 с.
24. Turner L. Metamodernist || Manifesto // URL: <http://www.metamodernism.org/> (дата обращения: 22.11.2021).

Авторская справка

АРТАМОНОВ Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия.
E-mail: artamonovds@mail.ru

UDC 115 + 291.217

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.9

THE DOOMSDAY CLOCK AND THE MYTHOLOGIZATION OF TIME IN THE DIGITAL AGE²

D. S. Artamonov

Saratov State University, Saratov (Russia)

Introduction. The article is devoted to the study of the role of the Bulletin of Atomic Scientists magazine and the metaphor "Doomsday Clock" used by this publication in the mythologization of time, characteristic of the media sphere of digital society. Media in the digital age are undergoing a serious transformation of temporal myths that construct social reality. The Doomsday Clock is one of the most important tools for reproducing the eschatological myth in the modern digital world. The media image of this metaphor has a strong influence on the formation of ideas about time.

² This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00297 «Time mythologization in the modern media environment: the risks of transformation, construction strategies, discursive practices».

Methods. The methodological project of the study is focused on the post-non-classical paradigm of studying the mythologization of time. The analysis of the processes of transformation of temporal social mythology into digital form in the modern media environment makes a constructivist approach to the study of social reality in demand. An important role in the study is played by the methodology of studying social time, which involves a functional analysis.

Results. The Doomsday Clock, placed on the cover of the Bulletin of Atomic Scientists, has become a recognizable media image symbolizing the unsolvability of global problems of humanity that can lead to its death. In the modern media environment, the Doomsday Clock reproduces the eschatological myth in a new digital format, visualizing fundamental planetary threats. By bringing the hands of the Clock to midnight and predicting the imminent end of the World, the publishers of the Bulletin pursue the goal of clearly demonstrating the seriousness of the impending danger of a planetary catastrophe. To do this, they use an apocalyptic myth that has a huge potential for emotional impact. At the same time, the periodic decrease in the amount of time before the death of the World (the count is already in seconds), with its simultaneous constant transfer to the next year, leads to the mythologization of time.

Conclusion. The metamodern context of combining the incongruous characteristics of time represented in the Doomsday Clock metaphor contributes to its perception at the mythological level. The mythology of apocalyptic time sets the framework for social actions and defines the temporal modality of digital society.

Keywords: Doomsday Clock, Bulletin of atomic scientists, mythologization of time, digital mythology, the end of history, eschatology, social time.

References

1. Luman N. Realnost massmedia [The reality of mass media] Moscow: Praksis. 2005. 256 p.
2. Tihonova S. V. Prostranstvennye struktury jepohi «Post»: chelovek v globalizirujushhemsja mire [Spatial structures of the «Post» era: a person in a globalizing world]. Saratov: Sarat. gos. soc. -jekonom. un-t. 2005. 122 p.
3. Sorokin P. A., Merton R. K. Socialnoe vremja: opyt metodologicheskogo i funkcionalnogo analiza [Social time: the experience of methodological and functional analysis]. *Sociological Studies*, 2004, no 6 (242). Pp. 112–119.
4. Vitvinchuk V. V. «Socialnoe vremja» v massovom informacionnom potoke [«Social time» in mass information flow]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija*. 2012. Vol. 11. No 11. Pp. 58–63.
5. Agamben Dzh. Chto sovremenno? [What is modern?] Kiev: DUH I LITERA. 2012. 78 p.
6. Tihonova S. V., Afanas'ev I. A. Obshhestvo riska: mifologizacija odnoj paradigmy [Risk society: mythologization of one paradigm]. *Chelovek*. 2009. No 3. Pp. 57–63.
7. Fukujama F. Konec istorii i poslednij chelovek [The end of history and the last man]. Moscow: AST. 2015. 259 p.
8. Farhutdinova F. F., Jakupov H. A. Frazеologizm Sudnyj den': istorija i semanticheskie sdvigi v sovremennom politicheskom diskurse [Phraseologism Judgment Day: history and semantic shifts in modern political discourse]. *Political Linguistics*. 2019. No 1 (73). Pp. 90–99.
9. Bierut M. Designing the Doomsday Clock. The simple, brutal image captures scientists' level of anxiety about technologies that could destroy humanity. Available at: <https://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2015/11/doomsday-clock-michael-bierut-design/412936/> (accessed 7 November 2021)
10. Angashanova N. «Apokalipsis segodnja»: chto takoe Chasy Sudnogo dnja i dlja chego oni nuzhny? [«The Apocalypse today»: what is the Doomsday Clock and what are they for?]. Available at: <https://esquire.ru/articles/82082-apokalipsis-segodnja-chto-takoe-chasy-sudnogo-dnja-i-dlja-chego-oni-nuzhny/#part0> (accessed 9 November 2021).
11. This is your COVID wake-up call: It is 100 seconds to midnight. 2021 Doomsday Clock Statement. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Available at: <https://thebulletin.org/doomsday-clock/current-time/> (accessed 10 November 2021).
12. Closer than ever: It is 100 seconds to midnight. 2020 Doomsday Clock Statement. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Available at: <https://thebulletin.org/doomsday-clock/2020-doomsday-clock-statement/> (accessed 12 November 2021).

13. Pinker S. *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*. New York: VIKING. 2018. 655 p.
14. Weisberger M. Doomsday Clock is now 100 seconds from midnight. Available at: <https://www.livescience.com/doomsday-clock-update-2020.html> (accessed 14 November 2021).
15. Ghose T. Is the Doomsday Clock Still Relevant? *Live Science*. 2016. February 24. Available at: <https://www.livescience.com/53801-doomsday-clock-relevance.html> (accessed 14 November 2021).
16. Hunt E. What is fake news? How to spot it and what you can do to stop it. *The Guardian*. 2016. Available at: <https://www.theguardian.com/media/2016/dec/18/what-is-fake-news-pizzagate> (accessed 14 November 2021).
17. Ruzicka V., Kang E., Gordon D., Patel A., Fashimpaur J., Zaheer M. The Myths of Our Time: Fake News. 2019 // ArXiv, abs/1908.01760.
18. Pilipenko E. A. Koncept mifologicheskogo vremeni [The concept of mythological time]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. 2015. No 6 (51). Pp. 162–168.
19. Ivanov A. G. Chto schitat' mifologizaciej vremeni? [What is considered the mythologization of time?]. *Mif v istorii, politike, kulture: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii, Sevastopol, 26–27 iyunja 2020 goda*. Sevastopol: Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole. 2020. Pp. 307–312.
20. Agamben Dzh. Ostavsheesja vremja: Kommentarij k Poslaniju k Rimljanam [The remaining time: Commentary on the Epistle to the Romans]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. 219 p.
21. Kosyhin V. G. Sverhnormativnost' vremeni v perspektive metamodernizma [The excess of time in the perspective of metamodernism]. *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie – 7.0. Problema obosnovaniya norm v razlichnykh perspektivah: ot realizma do konstruktivizma i transcendentalizma: Sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 07–09 iyunja 2021 g.* Saratov: Saratovskaja gosudarstvennaja juridicheskaja akademija. 2021. Pp. 163–167.
22. Haddock-Lobo R. Derrida: Survival as Heritage. *German Law Journal*, vol. 6, issue 1: Articles: Special issue – A Dedication to Jacques Derrida. 2005. Pp. 47–51.
23. Derrida Zh. Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyj internacional [The ghosts of Marx. The state of debt, the work of sorrow and the new International]. Moscow: Logos-altera, izdatel'stvo «Esse homo». 2006. 256 p.
24. Turner L. Metamodernist || Manifesto. Available at: <http://www.metamodernism.org/> (accessed 22 November 2021).

Author's Bio

ARTAMONOV Denis Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Saratov State University, Saratov, Russia.
E-mail: artamonovds@mail.ru

Библиографическая ссылка

Артамонов Д. С. «Часы Судного дня» и мифологизация времени в цифровую эпоху // SocioTime / Социальное время. 2021. № 4 (28). С. 9 – 21.
DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.9

УДК 316.35

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.22

СТРУКТУРА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТОЛИЦЫ РЕСПУБЛИКИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О. А. Богатова, Е. И. Долгаева

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарёва, Саранск (Россия)*

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Конструирование социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации (на примере Республики Мордовия и Удмуртской Республики)», грант РФФИ № 20-011- 00588.

Введение. Целью статьи является анализ структуры столичной идентичности в республиках в составе Российской Федерации на примере столицы Мордовии г. Саранска.

Методы. На основании данных качественных (фокус-группы с горожанами) и количественного (массовый опрос населения города) социальных исследований авторы выявляют основные компоненты социальной идентичности жителей Саранска, оценивают их значимость и потенциал трансформации для формирования стабильной городской самоидентификации населения.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. С целью выявления структурно-функциональных особенностей социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации конкретизируются основные компоненты и уровни формирования столичной идентичности городов – административных центров республик, оцениваются степень сформированности и вклад отдельных компонентов столичной идентичности (этнонационального, гражданского, примордиального, центр-периферийного). В исследовании выявлено амбивалентное представление горожан о Саранске как «провинциальной столице», занимающей доминирующее положение относительно остальной территории республики, но имеющей периферийный статус в российском социальном пространстве относительно более крупных региональных центров.

Заключение. В статье констатируется доминирование центр-периферийного компонента столичной идентичности Саранска над остальными, в то время как воздействие культурно-символических механизмов политики республиканской идентичности, включая этнокультурные, нейтрализуется низкой степенью удовлетворённости качеством городской среды и способствует формированию идентификации «транзитного города». В качестве альтернативы миграционному оттоку проблематизируется возможность перехода от экстенсивной к интенсивной модели развития городской среды в соответствии с потребностями горожан. Отмечается, что достижение необходимого для смены приоритетов развития уровня зрелости гражданской идентичности ограничивается как инерцией сложившейся модели городской политики, так и миграционной привлекательностью и относительной близостью Москвы и столичного региона в качестве территорий, удобных для индивидуальной модернизации.

Ключевые слова: городские исследования; столичная идентичность; городская идентичность; Саранск; Мордовия; регион; республики в составе Российской Федерации.

Введение. Целью статьи является анализ структуры столичной идентичности в республиках в составе Российской Федерации на примере столицы Мордовии – г. Саранска. На основании данных качественных (фокус-группы с горожанами) и количественного (массовый опрос населения города) полевых социальных исследований, предпринятых в конце 2020 г., авторы выявляют основные компоненты социальной идентичности жителей Саранска, оценивают их значимость и потенциал трансформации для формирования стабильной городской самоидентификации населения.

Актуальность данной проблемы в теоретическом и практическом аспектах связана с такими вызовами регионального развития, как продолжающийся миграционный отток из ряда республик Поволжья и Севера европейской части России и истощения региональных людских ресурсов для пополнения населения столичных городов. Проблематизация этих вызовов, на наш взгляд, призвана способствовать переходу от экстенсивного к интенсивному развитию республиканских столиц, переориентации с территориального и демографического роста на совершенствование городской среды, независимо от прогнозируемой динамики численности населения и административно-территориального статуса. Эти проблемы в особенности очевидны на примере Саранска (317,4 тыс. чел. на 1 января 2021 г.), составляющего в настоящее время 41 % населения Мордовии¹.

Методы. Теоретико-методологическую основу исследования составили социологические концепции «городов власти» Й. Тёрборна и В. Н. Лексина, интерпретирующие городскую идентичность в качестве властного конструкта и продукта отношений социального неравенства, формирующих «городской текст» и самооценку статуса городского населения в социальном пространстве региона и страны. Методика исследования носила смешанный характер и включала качественное исследование, предпринятое в ноябре 2020 г. на платформе Zoom методом фокус-групп с жителями Саранска с высшим образованием (ФГ-1, 8 информантов) и без высшего (ФГ-2, 10 информантов), и массовый количественный анкетный опрос жителей Саранска на тему «Саранск – столица Мордовии» по квотной выборке, включавшей 443 человека, отобранных с учётом параметров пола, возраста и административного района проживания респондентов со случайным отбором улиц и домов, поэтапным отбором квартир для личного опроса.

В настоящее время социальная идентичность как городов вообще, так и субнациональных административных центров составляет предмет междисциплинарных социальных исследований, включая социальную философию, социологию, социальную географию и урбанистику, политологию и т. п. В современных городских исследованиях прослеживается зависимость формирования городской

¹ Численность постоянного населения на 01-01-2021 [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. 14.05.2021. URL: [https://mrd.gks.ru/storage/mediabank/MDTVSh9y/Численность постоянного населения на 01-01-2021.xlsx](https://mrd.gks.ru/storage/mediabank/MDTVSh9y/Численность%20постоянного%20населения%20на%2001-01-2021.xlsx) (дата обращения: 25.07.2021).

идентичности от политического и экономического статусов города, качества городской среды и политики идентичности [1; 2. Р. 20 – 23; 3; 4. Р. 150 – 159; 5; 6; 7; 8].

С точки зрения Й. Тёрборна, городской текст социальной идентичности формируется «устройством городского пространства, определённым в категориях разделения/связи, центра/периферии, иерархии/равенства и комфорта/дискомфор-та/нищеты», с одной стороны, а с другой – сконструированными властвующими элитами «смыслом жизни в городе: возможностями и ограничениями, чувством и приоритетами городской жизни, идентичностями в городе, смыслами прошлого города и страны, настоящим и будущим, к которому стремятся люди» [7, с. 21].

Видя основную характеристику идентичности горожанина в том, что «город, давая нам возможность освободиться от власти сообщества, в то же время открывает нам возможность для выстраивания слабых связей» [5, с. 12], урбанисты рассматривают в качестве критерия успешности города в целом его способность создавать условия для формирования такого рода взаимодействий, дающих индивиду возможность «ощутить чувство общности, но ...успешно существовать, не считая себя частью какого-либо единого целого» [6, с. 76]. Так, К. Александер считает основой городского планирования социальную структуру «естественного города» [1, р. 59]. Л. Холлис, исходя из общих принципов акторно-сетевой теории, характеризует город как «не просто собрание мест и людей, а живую взаимосвязанную сеть, где здания, знаки, пользователи и машины контактируют друг с другом в реальном времени» [8, с. 267].

Вслед за социологами и социальными антропологами современные архитектурные критики утверждают, что, сводя функции городской среды к простому размещению населения, деловым перемещениям и удовлетворению элементарных материальных потребностей горожан, архитектурный модернизм XX в. препятствует спонтанному общению с незнакомцами по отдельным предметам и формированию «слабых связей» с малознакомыми людьми, которые могут быть чрезвычайно важными с точки зрения потребностей относительно изолированного городского индивида, что не способствует развитию города. Дж. Скотт на примере архитектурного проекта г. Бразилиа, основанном на идее «смерти улицы» и последствий его реализации, демонстрирует, как такого рода архитектурные решения ухудшают социальное и психологическое самочувствие горожан и способствуют стихийной самосегрегации в городских районах [9, с. 198–206].

Анализ теоретических подходов к исследованию социальной идентичности региональных «столиц» в современных социальных науках позволяет охарактеризовать её применительно к современной России в качестве конструкта, сформированного, с одной стороны, в результате воздействия целенаправленной символической политики, направленной на создание как городской, так и региональной/республиканской идентичности, и, с другой стороны, городского развития на основе использования преимуществ «города власти» в качестве политического, экономического и культурного центра региона, в противоположность региональной периферии [10, с. 120-121].

Объём понятия столичности на субгосударственном уровне в современных российских науках остаётся дискуссионным. Геоурбанисты А. И. Трейвиш и Т. Г. Нефёдова относят его к столицам республик, но не остальным региональным административным центрам [11, с. 50]. В. Н. Лексин, с точки зрения политической социологии, отмечает, что «региональные столицы сильно различаются... их относительное благополучие заметно только на фоне окружающих территорий» [12, с. 6], что обуславливает реальное неравенство экономического и административного ресурсов «городов власти», значительная часть из которых не может самостоятельно справиться с решением собственных инфраструктурных проблем и сильно зависит в этом отношении от властей регионов и федерального центра.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Приобретение статуса столицы Мордовской АССР в 1934 г. явилось, вероятно, одним из наиболее драматичных по последствиям событий в истории Саранска, основанного в 1641 г. и с 1651 г. имевшего статус уездного (территория Саранского уезда сильно сократилась после губернской реформы и вхождения в состав Пензенской губернии). В результате характеристиками столичной идентичности Саранска стали её нестабильность и частичное поглощение республиканской этнотерриториальной идентичностью, обусловленные его превращением в основной центр урбанизации в республике, в каждом поколении одновременно «стягивающий» её людские ресурсы и отдающий социально активную часть населения более крупным и развитым городам и регионам.

Как отмечает историк архитектуры В. Б. Махаев, в результате советизации облика дореволюционного торгово-промышленного малого города в 1930 – 1980-е гг. «в Саранске был разрушен создававшийся веками ансамбль центра русского города, утрачены православные святыни и выразительная панорама» [13, с. 38]. Позднее, с конца 1950-х до начала 1990-х гг., развернулось экстенсивное градостроительство, обусловившее относительно низкое качество застройки и городской среды, разбросанность города [13, с. 41] и фрагментацию городской идентичности, обусловленную экстенсивным градостроительством, маргинализацией и геттоизацией населения новых жилых районов, построенных в соответствии с принципами «высокого модернизма» со всеми его социальными дефектами.

Однако развитие города в конце XX – начале XXI вв., позволившее решить некоторые из перечисленных проблем за счёт десеграции структуры занятости в результате закрытия или сокращения штатов предприятий, к которым тяготело население «спальных» районов, увеличения количества городского транспорта и продолжения реконструкции города, создаёт дополнительные условия для «пересборки» и формирования полноценной городской идентичности республиканской столицы, включающей не только этнополитические, но и гражданские компоненты в виде осознания права на город, социальной активности и ответственности за его развитие. Оценке результатов формирования этих компонентов посвящено исследование.

Анализ понятия столичной идентичности в республиках в составе Российской Федерации позволяет выделить такие характеристики этого феномена, как: 1) «этнонациональный» компонент, включая этнополитический (столица респуб-

лики как центр политики (вос)производства, «фабрика этничности») и этнокультурный (центр культурной индустрии титульной этнической общности); 2) «примордиальный», связанный с представлением о городе детства и солидарностью по принципу происхождения и «малой родины»; 3) центр-периферийный (представление о республиканской столице как символическом, политическом, экономическом и научно-образовательном центре республики по сравнению с окружающими периферийными территориями); 4) гражданские компоненты, включая ответственность и готовность к совместным действиям в общих интересах.

В дискуссии была выявлена значимость этнических функций республиканской столицы и столичной идентичности только для отдельных категорий горожан – представителей «титульной» этнической общности, составляющих примерно четверть населения Саранска:

– *Меня объединяет, именно, возможно, какое-то общее самосознание национальное. Просто время от времени я чувствую себя частью этого города. Частью что-то общее с этими людьми я имею. То есть, именно какая-то общая принадлежность. Общую принадлежность я ощущаю* (ФГ-2, Юля, 18 лет, родилась в Саранске).

Обсуждая спонтанно возникший «национальный вопрос», участники дискуссии исходили из спонтанного конструктивистского либо инструменталистского (мобилизация с целью получения политически мотивированных результатов переписи населения) подходов:

– *Когда была последняя перепись населения, если мы бы недобрали какой-то процент мордвы, нас бы сделали Саранской областью. ... Все переживали как раз этот момент. Да, да, да, что переживали, что, если не будет, то у нас будет обычная республика, и мы ничем не будем отличаться от Ульяновска, Пензы и никакой вот этой самобытности уже не будет* (ФГ-1, Ксения, 30 лет, проживает в Саранске 12 лет).

Такой феномен повседневной этничности, как билингвизм (в отличие от специфического регионального акцента в русской речи), был упомянут только одним информантом, очевидно, вследствие того, что в публичной сфере в Саранске он представлен слабо:

– *Для национальных республик это логично, что иногда говорят и на двух языках сразу* (ФГ-2, Павел, 19 лет, родился в Саранске).

Уроженцы города позволяют себе свободно манипулировать этническими смыслами, например, перекодируя информацию о происхождении названия Саранска от мордовского слова «сара» (болото), опосредованного гидронимом «Саранка» в жанре альтернативной истории при помощи тюркского корня «сары» (жёлтый):

– *Кстати, кроме финно-угорского, с татарского «сара» переводится как жёлтый. И есть одна из легенд возникновения названия Саранска, как во время татаро-монгольского ига они прискакали в это место, а у нас же здесь ковер одуванчиков на этих холмах, если их не выкашивать. И они увидели это где-то в*

мае, что ковер жёлтый и... Понятно, что это бред, это миф, но хотя бы красивый (ФГ-1, Виталий, 36 лет, родился в Саранске).

Упоминаются не только местные этнические группы (русские, мордва, татары), но и этнические мигранты и визитёры, включая студентов:

– Саранск – относительно небольшой город. Но всё-таки Саранску присущ достаточно многообразный пёстрый состав населения, потому что очень много студентов из разных стран приезжают, и университет очень ориентирован на иностранных студентов. По-моему, учится порядка 50 национальностей, и все из Ближнего Востока, Азии, но очень мало европейцев (ФГ-1, Олег, 22 года, проживает в Саранске 4 года).

Мордовские этнокультурные компоненты столичной идентичности Саранска упоминаются в качестве его атрибута, но чаще всего в «конструктивистском» аспекте, в качестве продуктов республиканской культурной и туристической инфраструктуры, аутентичность которых у информантов вызывает определённые сомнения. Наиболее часто в дискуссии упоминается такой феномен, как выставка в республиканском музее изобразительных искусств работ дореволюционного и советского скульптора С. Д. Эрзи – этнического мордвина, долгое время жившего за границей, в творчестве которого представлена этническая тематика:

– Краеведческий музей, потому что там очень много самобытного того, ... то есть, что хотя бы осталось, ну в искусственно созданном антураже таком. Ну и музей Эрзи (ФГ-1, Ксения).

– Вы знаете, для людей, приехавших... ну, им интересна самобытность. Вот мои попытки найти что-то, связанное с Мордовией, пусть это будет разделение на Эрзю и Мокшу, ну то есть, как бы ту же Подлесную Тавлу [центр эрзянской культуры] или «Мордовское подворье» [ресторан мордовской кухни]. Я их не отношу, что их можно туристам показывать. То есть это немножечко какой-то новодел. И остаётся только Эрзя (ФГ-1, Алина, 48 лет, проживает в Саранске более 10 лет).

Дискуссия выявила и другие особенности процесса формирования столичной идентичности административных центров в Мордовии и других республиках, а именно: частичное поглощение собственно городской идентичности, с одной стороны, и этнической идентичности «титulyной» этнической общности, с другой, – региональной (республиканской) идентичностью. Тенденция к регионализации и, следовательно, частичной деэтнизации «титulyной» этнической идентичности проявляется в манере говорить о населении региона, где на протяжении всей советской и постсоветской истории этническая мордва составляла меньшинство, в целом как о «мордве». При этом информанты отмечают, что установка на использование этнонима в качестве категории территориальной идентичности (административного политонима) исходит от жителей других регионов, служа формой стереотипизации населения республики, и усваивается самими жителями Мордовии:

– Так, ну, во-первых, что такого необычного заметил я, живя здесь? Это про то, что тянущиеся гласные – это да, потому что я много раз ездил на со-

ревнования в другие города, я много раз слышал, что «о, приехала мордва, сейчас будут петь» (ФГ-2, Артём, 19 лет, родился в Саранске).

– Вообще, самая примитивная ассоциация – это... Саранск с мордвой. А также это друг семьи, который проводил активную пиар-кампанию этого города, чтоб я туда поступала, то, что он такой прекрасный и всё в нём супер (ФГ-2, Полина, 19 лет, проживает в Саранске 1 год.).

– Также хотелось бы показать, вот, обширные аллеи на улице Пролетарской, вроде бы, она называется. Также хотелось бы... стадион. Наш, мордовский [стадион «Мордовия Арена»]. Чемпионат мира всё-таки проводился (ФГ-2, Павел).

Со стороны по крайней мере некоторых информантов эта стереотипизация часто носит негативный характер, указывая на недостаток общей культуры и социальных навыков:

– От людей, конечно, всё зависит от людей, но я часто сталкивался с таким, как сказать, я работал в коллективах простых работах и вот опять же, наверное, это какая-то хитрость мордовская, каждый сам за себя всё равно стоит (ФГ-1, Иван, 30 лет, проживает в Саранске 9 лет).

– Моя ложка дёгтя. Культура вождения, культура поведения в общественных местах, культура общения между собой очень низкая. А связывает меня [с населением Саранска] только место жительства.

Модератор: Культура поведения, культура общения – это вот что конкретно имеется в виду?

– Вот как бы сразу можно отличить, что это мордвин, житель Мордовии. Очень вызывающе ведёт себя, очень крикливо разговаривает, очень как-то... даже не могу объяснить, ну видно человека, когда человек бескультурный, он не слушает другого, и ведёт себя неподобающе.

Модератор: И то же самое на дороге, да?

– Да, да, да (ФГ-2, Ольга, 50 лет, родилась в Саранске).

Аналогичные данные о культурных компонентах столичной идентичности Саранска были получены и в массовом опросе горожан. Функции социальных институтов, локализованных в столице Республики Мордовия, персоналии и достопримечательности, связанные с воспроизводством культуры титульного этноса, упоминаются респондентами, независимо от национальности, в числе характеристик («самобытная мордовская культура», «центр мордовской культуры») столичного города. К показателям этнокультурной самоидентификации всего столичного населения с деятелями мордовской культуры относятся также предпочтения в выборе наиболее известных персоналий, прославивших г. Саранск: мордовский скульптор С. Д. Эрзя (82 % респондентов), Н. П. Огарёв, советский художник Ф. В. Сычков, автор картин с этническими сюжетами (36 %), бывший Глава Республики Мордовия Н. И. Меркушкин.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о жителях Саранска, наиболее прославивших его; сумма ответов превышает 100 % (опрос населения г. Саранска. 2020, n=443)

Варианты ответов	% наблюдений
М. М. Бахтин (русский философ, литературовед, теоретик европейской культуры и искусства)	5
С. Д. Эрзя (русский и советский художник, ваятель, мастер скульптуры из дерева)	82
Н. И. Меркушкин (русский государственный деятель, политик. Глава Республики Мордовия в 1995 – 2012 гг.)	27
В. Д. Волков (Глава Республики Мордовия в 2012 – 2020 гг.)	12
Н. П. Огарёв (русский поэт, публицист, революционер)	47
Ф. В. Сычков (русский, советский художник-живописец)	36
А. И. Сухарев (русский философ и социолог, общественный и политический деятель, организатор науки и образования)	1
О. Н. Канискина (русская легкоатлетка, олимпийская чемпионка 2008 года)	21
И. М. Яушев (советский певец, заслуженный артист РСФСР)	6
Ж. Депардьё (французский актёр)	7
Другое	1
Затрудняюсь ответить	7
Итого	253

Можно отметить, что в данном случае отбор персоналий, как и достопримечательностей столицы республики для осмотра гостями, демонстрирует поликультурную специфику столичной культурной идентичности, основу которой составляют усвоенные в советский период идеологемы многонациональности и дружбы народов, которые диктуют региональные нормы политкорректности и оказывают существенное влияние на оценку межгрупповых отношений в республике представителями наиболее многочисленных этнических групп. Так, характеризуя культурно-языковую идентичность Саранска, 60,8 % респондентов (в том числе 58,7 % опрошенных русских и 71,6 % респондентов мордовской национальности) определили его в качестве многонационального города, несмотря на преимущественно русскую языковую среду, русским городом – 28,4 %, в том числе 31,6 % русских и 13,6 % мордвы; городом мордвы – 6,6 % опрошенных, в том числе 5,2 % русских и 13,6 % респондентов мордовской национальности.

Распределение мнений респондентов относительно критериев идентификации «настоящего» столичного горожанина показывает, что к числу самых важных из них представители наиболее многочисленных этнических групп относят императивы «любить свой город» (71 %), «культурно себя вести» (33 %) и «быть образованным человеком» (23 %). Знание одного из мордовских языков считают нормой всего 7 % респондентов – жители столицы Мордовии, в том числе 4 % русских и 17 % мордвы.

Очевидно, в данном вопросе национальность респондента оказывает заметное влияние на восприятие и трансляцию индивидом установок республиканской

языковой политики, включающей пропаганду выбора мордовских языков в качестве школьного курса «Родной язык», независимо от национальности детей, но не настолько существенное, чтобы изменить языковую ситуацию в городе или спровоцировать межгрупповую напряжённость.

В целом, влияние этнополитических компонентов столичной идентичности, формирующих восприятие административного центра республики как столицы субъекта этнической федерации, на самоидентификацию населения Саранска можно оценить как незначительное, в отличие от этнокультурного компонента, заключающегося в наличии у большинства городского населения представлений о столице республики как поликультурном пространстве, значимым аспектом которого являются мордовская этническая культура и культурное наследие.

Переходя к вопросу о том, что связывает информантов с городом, можно отметить наличие «примордиального» компонента идентичности, основанного на общности происхождения и судьбы с населением города, по крайней мере в ранний период жизни, – представления о «родном месте», семье, друзьях детства. Как можно заключить из комментариев в сообществах ВКонтакте, «Саранск – вспомнить всё», «Саранск – фотоистория», объектом «примордиальной» самоидентификации по воспоминаниям детства могут служить любые точки городского пространства, включая непривлекательные жилые массивы, пустыри, деградировавшие пригородные ландшафты («здесь мы гуляли с одноклассниками», «на этом пустыре была лужа, здесь мы ловили лягушек» и т. п.).

В обеих группах спонтанная артикуляция «примордиального» аспекта идентичности выявила развитую в условиях территориальной разбросанности Саранска идентификацию с вернакулярными городскими районами, закреплённую в их «народных» названиях (Юго-Запад, Химмаш, Светотехстрой, «Цыганский посёлок», Центр) на фоне слабой идентификации с городом в целом (информанты приводили разные названия для населения Саранска – «саранцы», «саранчане», но в основном старались их избегать):

– *Это, прежде всего, Ленинский парк культуры и отдыха с колесом обозрения, которого сейчас уже нет. То есть воспоминания детства, скажем так. Частный дом в центре города, в котором я жил (ФГ-1, Александр).*

– *Прежде всего, это мой родной Юго-Запад. Мой родной дом. Мой лес, в который я каждый раз гулять хожу (ФГ-2, Ольга).*

– *Для меня Саранск – это моя родная школа, 13-я. Мой родной район Химмаш, Цыганский, также университет. В основном приятные воспоминания, когда вспоминаю Саранск. Но всё равно хочу покинуть это место (ФГ-2, Павел).*

– *Я тоже хотел сказать про район. Про Светотехстрой, потому что я там рос, хоть там сейчас и не живу (ФГ-2, Артём).*

Исторические топонимы, отражающие особенности первоначального заселения, названия географических объектов или строительных организаций, возводивших «спальные» районы в 1960-е гг. (Светотехстрой, Химмаш), а также ментальные границы вернакулярных районов города, не совпадающие с офици-

альными, наряду с устаревшими названиями отдельных объектов, передаются из поколения в поколение, образуя ментальные карты горожан и специфический культурный код, приобщение к которому отличает старожилов от визитёров и недавних мигрантов:

– *Касательно того, что меня объединяет, это определённая такая идентичность «человек, который здесь вырос». Когда он, как бы ты говоришь, Центр... человек едет, я там, не знаю, на Советскую площадь... Или, я не знаю, там, у «Чайки», это там, на какой-то остановке, несмотря на то, что там этого магазина уже нет в помине... Ну, то есть, объединяет меня с жителями Саранска наличие таких определённых ассоциаций с различными местами притяжения в городе. Исторических названий там, как пример, можно привести, я не знаю, там, магазин «Чайка», магазин «Полёт», такие ориентиры, которые мало что говорят людям, только что приехавшим в город, но для коренного жителя привязаны к конкретному месту (ФГ-2, Пётр, 20 лет, родился в Саранске).*

Подобные высказывания характеризуют «примордиальность» саранской идентичности как закрытость для посторонних, отсутствие на массовом уровне ожиданий контакта с приезжими, несмотря на состоявшиеся в 2018 г. в городе матчи чемпионата мира по футболу. В этом отношении «примордиальный» компонент идентичности смыкается с периферийным.

Однако примордиальная идентичность, как подчёркивалось в дискуссии, не является препятствием для отъезда из Саранска молодёжи, у которой она трансформируется в специфическую самоидентификацию с транзитным городом, который «хочется покинуть»:

– *Это место, которое будет приятным для меня, когда я отсюда уеду и потом буду с теплотой вспоминать и, может быть, потом, под конец жизни я сюда вернусь... Более амбициозной молодёжи здесь делать не то что нечего, но она будет всегда стремиться покинуть его, чтобы реализовать свой потенциал (ФГ-2, Артём).*

Обсуждение на фокус-группах выявило преобладающее амбивалентное представление о Саранске как о «провинциальной столице» – городе, занимающем периферийное положение в российском социальном пространстве не только относительно федеральной столицы, но и относительно более крупных региональных центров. Информанты часто называют столицу республики «маленьким городом» именно в сравнении с крупнейшими городами и миллионниками, вероятно, под влиянием такой особенности российской урбанизации, как дефицит средних городов в качестве объектов для сравнения (в Мордовии, как «моноцентричной» республике, их нет вообще):

– *Это абсолютно провинциальный город. Вот говорили о социальном круге, вот если взять по площади города посмотреть... то Саранск, мне кажется, будет один из самых маленьких городов из столиц субъектов нашей родины. То есть площадь Саранска – это 80-81 квадратный километр, – равна*

приблизительно половине одного района города Саратова, о чём я и хочу сказать (ФГ-2, Павел).

Экономические аспекты «провинциальности» Саранска в интерпретации информантов включают негативные оценки качества городского управления и архитектурной среды, связанные с отмечаемой практически всеми информантами экономической «недоразвитостью»:

– Для меня Саранск – это прежде всего мои родители, мои друзья и, скажем так, город чистый, приятный, небольшой, в то же время экономически неразвитый. То есть небольшие зарплаты, которые заставляют всех знакомых уезжать отсюда (ФГ-1, Александр, 35 лет, родился в Саранске).

– Отсутствие выверенной современной политики в сфере облика наших улиц. Отсутствие дизайн-кода, отсутствие грамотного подхода к планированию улиц (ФГ-2, Пётр).

Говоря о культурной идентичности города, информанты чаще всего характеризовали её в таких категориях, как закрытость, консерватизм, повышенная чувствительность к мнению окружающих:

– Как на моё личное мнение, небольшая какая-то закрытость и консерватизм в большей мере свойственен, наверное, чем в более крупных городах. ... Я бы отметил для себя вот такие параметры. По сравнению с Нижним Новгородом, с Казанью, с Москвой. У нас более люди чуть-чуть закрытее и чуть консервативнее, как мне кажется (ФГ-1, Александр).

– Люди хотят придать себе значимости постоянно вот этой показухой, которая присутствует. ... Все хотят одеться аккуратно, красиво, иначе просто друг друга не поймут уже. Смотрят косо (ФГ-1, Иван).

В массовом опросе оценка центр-периферийного статуса города имеет отчётливую поколенческую специфику: так, среди горожан в первом поколении 41 % оценивает город в качестве «столичного» или «скорее столичного», в то время как в третьем поколении так считают всего 22 %, а к «провинциальным» или «скорее провинциальным» относит Саранск почти половина респондентов (47 %). Сходные оценки высказывали участники фокус-групп, которых раздражают неоправданные, по их мнению, претензии властей на столичность, и которые считают предпочтительным ограничить рост города и сконцентрироваться на качественном улучшении городской среды.

Таким образом, можно констатировать наличие в сознании городского населения определённой территориальной иерархии, в которую входят региональные административные центры разного уровня, а собственная республиканская «столица» занимает промежуточное положение между городами-райцентрами и административными центрами соседних субъектов РФ, которые являются крупнейшими городами и точками миграционного притяжения для населения республики (включая её центральный город).

Социальные проблемы, которые, по мнению респондентов, делают город непривлекательным для проживания, в большей степени соответствуют понятию внутренней периферии: общий уровень экономического развития города

большинство респондентов оценивают как «низкий» (45 %) или «очень низкий» (15 %), что соответствует их оценкам отдельных сфер городской экономики. Большая часть опрошенных отмечает также наличие экономических проблем (высокие цены, низкий уровень жизни населения, отсутствие развитой промышленности, сложные условия для развития малого и среднего бизнеса, безработица, дефицит рабочих мест с достойной зарплатой и т. п.) – 73 %, социальную незащищённость (низкие зарплаты, неразвитая система пособий, социальных льгот) – 57 %, а также недоступность и / или низкое качество медицинского обслуживания (40 %), низкое качество жилья и услуг ЖКХ (37 %).

Поэтому вполне ожидаемо опрос демонстрирует распространённость в городе установок на миграцию как индивидуальное решение социальных проблем: 20 % респондентов планируют сменить место жительства в основном на другой регион или более крупный город, включая Москву и Московскую область, а 25 % относят «стремление уехать» к числу наиболее распространённых характеристик населения Саранска.

Примечательно мнение, положительно воспринятое участниками фокус-групп, о необходимости ограничения размеров города и его реконструкции в направлении улучшения качества городской среды вместо экстенсивного роста:

– У нас маленький город, у нас есть желание там, как столица, стать великой, я не знаю на кого мы равняемся, на Москву или Питер, но это неоспоримо. Нужно, наоборот, брать своей уникальностью. Мы можем быть маленьким, уютным и таким, как сказать, компактным городочком. И у нас может быть за счёт этого своя привлекательность (ФГ-1, Алина).

Однако выбор экстенсивного или интенсивного пути реконструкции города предполагает разрешение потенциального конфликта интересов застройщиков, заинтересованных именно в инерционном экстенсивном сценарии, и городских сообществ, способных отстаивать свои интересы, что невозможно без развитых гражданских компонентов городской идентичности.

Опрос продемонстрировал низкую степень сформированности гражданских компонентов столичной идентичности жителей Саранска, к числу показателей которых отечественными социологами отнесены: осознание ответственности за состояние и развитие города, способность к совместным действиям для решения проблем, связанных с развитием городской среды, готовность объединяться ради достижения общих целей [14, с. 51-52].

Как можно заключить из распределения ответов, в наибольшей степени население Саранска чувствует ответственность за происходящее, за то, что происходит в их доме (в том числе многоквартирном) или дворе: 63 % ощущающих её «в полной мере» и «в значительной мере», в то время как за события в городе, как и за происходящее в стране, чувствуют ответственность около половины респондентов:

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Люди в разной степени чувствуют ответственность за то, что происходит вокруг них. Скажите, в какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит?», % (опрос населения г. Саранска. 2020, n=443)

	В полной мере	В значительной мере	В незначительной мере	Не чувствую ответственности	Затрудняюсь ответить
В нашей стране	14	31	24	18	14
В Вашем городе /селе	14	33	24	15	14
В доме, во дворе, где Вы живёте	25	38	18	7	12
У Вас на работе	37	23	8	5	28
В Вашей семье	77	15	3	1	3

На практике эта ответственность проявляется крайне редко, так как большинство опрошенных полагают, что развитие города зависит в наибольшей степени не от них, а от администрации городского округа (57 %) либо органов государственной власти республики (50 %). Только 26 % опрошенных считают, что оно в большей степени зависит от самих горожан, почти столько же, сколько возлагает ответственность на федеральные органы власти (22 %), и менее чем по 10 % возлагают ответственность на муниципальных депутатов, бизнес, НКО, т. е. субъекты гражданского общества и их партнёров.

Аналогичные негативные оценки уровня гражданской активности населения Саранска в сравнении с более крупными высказывались и на фокус-группах:

– На сегодняшний момент из всех проектов, которые я искала по Саранску, это в общем-то один такой активный. Я не считаю НКОшек. Потому что НКО-шки, они очень часто заточены под грант, да, грант получили, срок гранта прошёл – всё, процесс вот этот закончился. Но, если я сравниваю с городом Киров, городом Пермь, то там активности очень много. Вот, как люди сейчас любят говорить, с низов. Активность идёт с низов. Люди как-то благоустраивают пространство, причём необязательно около своего дома личного, а вот какое-то общественное (ФГ-1, Алина).

Резюмируя данные исследования, можно отметить, что Саранск в качестве административного центра Республики Мордовия демонстрирует пример траектории формирования социальной идентичности республиканской «столицы» главным образом на основе административного ресурса. В этом процессе жители республиканской столицы участвуют в большей степени в роли индивидуальных «потребителей» столичного статуса города и соответствующих социальных возможностей, материальных и духовных благ, чем граждан или носителей идеологии этнической государственности.

Заключение. В целом исследование показало, что низкая степень удовлетворённости качеством городской среды нейтрализует воздействие культурно-

символических механизмов политики республиканской идентичности, включая этнокультурные, и способствует формированию установок на миграцию за пределы республики. Результаты исследования демонстрируют доминирование центр-периферийного компонента столичной идентичности над остальными, в то время как гражданские компоненты развиты слабо, этнонациональные в основном сводятся к культурно-символическим репрезентациям и констатации полиэтничности региона, а «примордиальный» компонент идентичности чаще всего относится к отдельным городским локациям и смыкается с центр-периферийным.

Исследование ставит под сомнение обоснованность приписывания в современной России региональным «городам власти» функций «локомотивов модернизации» на основании концентрации в них основных финансово-экономических и человеческих ресурсов соответствующих регионов. Участники фокус-групп описывали столичный город Мордовии в качестве транзитного пункта на путях миграции с сельской периферии в более крупные города и агломерации, обсуждая в качестве альтернативы массовой миграции реконструкцию города на основе ограничения экстенсивного роста и развитие городской среды в соответствии с потребностями горожан. Однако достижение необходимого для смены приоритетов развития уровня зрелости гражданской идентичности ограничивается как инерцией сложившейся модели городской политики, так и миграционной привлекательностью и относительной близостью Москвы и столичного региона в качестве территорий, удобных для индивидуальной модернизации.

Список литературы

1. Alexander C. «A City is Not a Tree» // The Urban Design Reader. 2nd edition / Ed. by Michael Larice, Elizabeth Macdonald. London: Routledge, 660 p. Pp. 152-166. DOI: 10.4324/9780203094235.
2. Brdulak A., Brdulak H. Happy City – How to Plan and Create the Best Livable Area for the People. Warsaw: Springer, 2017. 318 p. DOI: 10.1007/978-3-319-49899-7.
3. Гейл Я. Города для людей / Ян Гейл; Изд. на русском языке; пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2012. 276 с.
4. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. М.: Новое издательство. 2011. 460 с.
5. Куренной В. А. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press. 2017. С. 14–29.
6. Суджич Д. Язык городов / Пер. с англ. М.: Strelka Press. 2020. 218 с.
7. Тёрборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2020. 472 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1787-1.
8. Холлис Л. Города вам на пользу: гений мегаполиса / Пер. с англ. М.: Strelka Press. 2015. 432 с.
9. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения человеческой жизни: Пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга. 2005. 576 с.

10. Роккан С., Урвин Д. В. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. № 6 (40). С. 117–132. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/40/08.pdf> (дата обращения: 25.07.2021).

11. Трейвиш А. И., Нефедова Т. Г. Столичность, центральность, размеры и соперничество городов в мире и в России // Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования. Сб. статей. Отв. ред. А. Г. Махрова. М.: Геогр. ф-т МГУ. 2021. С. 49–71. URL: http://www.eoross.ru/files/books2021/Sbornik_Perzik_2021.pdf (дата обращения: 25.07.2021).

12. Лексин В. Н. Города власти: административные центры России // Мир России. 2009. № 1. С. 3–33. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5127> (дата обращения: 25.07.2021).

13. Культурный ландшафт города Саранска (геоэкологические проблемы и ландшафтное планирование) / Науч. ред. и сост. А. А. Ямашкин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 2002. 159 с.

14. Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. «Городское молчание» в Москве: предпосылки и вовлечённость населения в практики гражданского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 48–65. DOI: 10.14515/monitoring.2015.6.04.

Авторская справка

БОГАТОВА Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия.

E-mail: bogatovaola@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5877-7910>

ДОЛГАЕВА Евгения Ивановна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия.

E-mail: ewgiv@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1256-7384>

UDC 316.35

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.22

STRUCTURE AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE SOCIAL IDENTITY OF THE CAPITAL OF THE REPUBLIC IN STRUCTURE OF RUSSIAN FEDERATION

O. A. Bogatova, E. I. Dolgaeva

National Research Mordovia State University, Saransk (Russia)

The research for this article was done with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-011-00588 «Construction of the social identity of the capitals of the republics in the structure of Russian Federation population (on the example of the Republic of Mordovia and the Udmurt Republic)».

Introduction. The purpose of the article consists in analysis of the structure of the capital identity in the regions within the Russian Federation on the example of the capital of Mordovia – Saransk.

Methods. Based on the data of qualitative (focus groups with citizens) and quantitative (mass survey of the city population) social studies, the authors identify the main components of the social identity.

ty of Saransk residents, assess their significance and transformation potential for the formation of a stable urban self-identification of the population.

Results. In order to identify the structural and functional features of the social identity of the population of the capitals of the republics within the Russian Federation, authors specify the main components and levels of the formation of the capital identity of the cities-administrative centers of the republics and estimate the degree of formation and contribution of individual components of the capital identity (ethno-national, civil, primordial, center-peripheral). The ambivalent perception of the citizens of Saransk as a «provincial capital», occupying a dominant position relative to the rest of the territory of the republic, but a peripheral status in the Russian social space relative to larger regional centers, is revealed.

Conclusion. Authors conclude that the dominance of the center-peripheral component of the capital's identity in Saransk over the rest, stating the impact of cultural and symbolic mechanisms of the republican identity policy, including ethno-cultural ones, is neutralized by a low degree of satisfaction with the quality of the urban environment and contribute to the formation of the «transit city» identification. As an alternative to the migration outflow, the possibility of switching from an extensive to an intensive model of urban environment development in accordance with the needs of citizens is problematic. Authors consider that the achievement of the level of maturity of civic identity necessary for changing the priorities of development is limited both by the inertia of the existing model of urban policy, and by the migration attractiveness and relative proximity of Moscow and the capital region as territories convenient for individual modernization.

Keywords: urban studies; capital city identity; urban identity; Saransk; Mordovia; region; republics in structure of the Russian Federation.

References

1. Alexander C. «A City is Not a Tree»// The Urban Design Reader. 2nd edition / Ed. by Michael Larice, Elizabeth Macdonald. London: Routledge. 660 p. P. 152-166. DOI: 10.4324/9780203094235.
2. Brdulak A., Brdulak H. Happy City – How to Plan and Create the Best Livable Area for the People. Warsaw: Springer. 2017. 318 p. DOI: 10.1007/978-3-319-49899-7.
3. Gehl J. Cities for people. Washington, Island Press. 288 p. (Russ. ed.: Gehl J. Goroda dlja ljudej. Moscow: Al'pina Publisher. 2012. 276 p.).
4. Gehl J., Svarre B. How to study public life. Washington, Island Press. 2000. 178 p.
5. Kurennoy V. A. *Sila slabyh svyazej. Gorozhanin i pravo na odinochestvo*. Gorozhanin. Chto my znaem o zhitele bol'shogo goroda? [Force of weak ties. The townspeople and the right to loneliness *Townspeople: that we know about the inhabitant of the big city*]. Moscow, Strelka Press. 2017. Pp. 14–29. (in Russian).
6. Sudjic D. The Language of Cities. London, Penguin Books Ltd., 2017. 230 p. (Russ. ed.: Sudjic D. Jazyk gorodov. Moscow, Strelka Press. 2020. 218 p.).
7. Therborn G. Cities of Power. The Urban, the National, the Popular, the Global. London: Verso, 2017. 408 p. (Russ. ed.: Therborn G. Goroda vlasti. Gorod, nacija, narod, global'nost'. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 2020. 472 p.). DOI: 10.17323/978-5-7598-1787-1.
8. Hollis L. *Cities Are Good for You: The Genius of the Metropolis*. New York, NY: Bloomsbury Press, 2013. 416 p. (Russ. ed.: Hollis L. *Goroda vam na pol'zu: genij megapolisa*. Moscow, Strelka Press. 2015. 432 p.).
9. Scott J. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven and London, Yale University Press, 1998. xiv + 445pp. (Russ. ed.: Scott J. *Blagimi namerenijami gosudarstva. Pochemu i kak provalilis' proekty uluchshenija chelovecheskoj zhizni*. Moscow, Universitetskaja kniga. 2005. 576 p.).

10. Rokkan S., Urwin D. The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism. Beverly Hills, London, Sage for the European Consortium for Political Research, 1982. 438 pp. (Russ. ed.: Rokkan S., Urwin D. Politika territorial' noj identichnosti. Issledovaniya po evropejskomu regionalizmu. Logos. 2003, no. 6 (40), pp. 117-132). Available at: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/40/08.pdf> (accessed 27 July 2021).

11. Leksin V. N. *Cities of Power: Administrative Centres of Russia*. Mir Rossii [Goroda vlasti: administrativnye centry Rossii. Universe of Russia. 2009. No. 18 (1) Pp. 3-33. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5127> (accessed 27 July 2021) (in Russian).

12. Trejvish A. I., Nefedova T. G. *The capitals, centrality, the sizes and rivalry of cities in the world and in Russia*. Geourbanistika i gradostroitel'stvo: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya [Stolichnost', central'nost', razmery i sopernichestvo gorodov v mire i v Rossii. Geourbanistics and town-planning: theoretical and applied researches]. Ed. A.G. Mahrova. Moscow: Geogr. f-t MGU, 2021. Pp. 49-71. Available at: http://www.ecoross.ru/files/books2021/Sbornik_Perzik_2021.pdf (accessed 27 July 2021) (in Russian).

13. Kul'turnyj landshaft goroda Saranska (geoekologicheskie problemy i landshaftnoe planirovanie) [Cultural landscape of a city of Saransk (geoenvironmental problems and landscape planning)] / Ed. A. A. Yamashkin. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta. 2002. 159 p. (in Russian).

14. Mersianova I. V., Korneeva I. E. «Gorodskoe molchanie» v Moskve: predposylki i vovlechenost' naseleniya v praktiki grazhdanskogo obshchestva [«City silence» in Moscow: prerequisites and public involvement in civil society practices]. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. № 6. Pp. 48-65. DOI: 10.14515/monitoring.2015.6.04 (in Russian).

Author's Bio

BOGATOVA Olga Anatolievna, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia.

E-mail: bogatovaoa@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5877-7910>

DOLGAEVA Evgenia Ivanovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia.

E-mail: ewgiv@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1256-7384>

Библиографическая ссылка

Богатова О. А., Долгаева Е. И. Структура и тенденции развития социальной идентичности столицы республики в составе Российской Федерации // SocioTime / Социальное время. 2021. № 4 (28). С. 22 – 38. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.22

УДК 001.8

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.39

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РЕАЛИЗОВАННЫХ ГРАНТОВЫХ ПРОЕКТОВ РФФИ

Н. А. Матвеева, М. А. Демин, А. И. Куляпин, Л. А. Никитина, Н. Н. Шпильная
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-20030, «Всероссийская научная конференция с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ».

Введение. Методологическое пространство современных гуманитарных исследований включает в себя множество подходов, концепций, теорий, идей. С одной стороны, их многообразие позволяет развивать тематику фундаментальных научных исследований в различных областях гуманитарного знания, с другой – методологическое пространство современных гуманитарных наук стоит перед вызовами нарастающих тенденций полипарадигмальности, междисциплинарности, межпредметности. В этих условиях особое значение приобретает определение магистральных линий, тематических и методологических трендов современных гуманитарных исследований.

Методы. Валидным методом решения этой задачи является анализ результатов фундаментальных гуманитарных исследований, поддержанных экспертным научным сообществом. В настоящей статье эта задача решается методом научной рефлексии содержания докладов Всероссийской научной конференции с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ», подготовленных по результатам реализованных грантовых проектов РФФИ (24 – 26 сентября 2020 года, г. Барнаул).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В результате проведённого анализа выявлен спектр фундаментальных проблем современных гуманитарных наук; представлено описание реализованных участниками конференции грантов РФФИ в области истории, лингвистики, литературоведения, психологии, педагогики, социологии; дана оценка их вклада в решение задачи построения единого методологического пространства современных гуманитарных исследований; определены направления развития методологического пространства современной гуманитарной науки.

Заключение. Теоретическая значимость исследования состоит в определении направлений трансформации современного методологического пространства гуманитарных наук. Полученные научные результаты имеют значительный потенциал практического использования и могут быть применены в процессах организации российской гуманитарной науки, международной интеграции науки в условиях глобализации и глокализации, экспертизы заявок на выполнение научных гуманитарных исследований и оценке их результатов, модернизации содержания гуманитарного образования и популяризации научного гуманитарного знания.

Ключевые слова: гуманитарные науки; фундаментальные гуманитарные исследования; фундаментальные проблемы гуманитарных наук; методологическое пространство; грантовые проекты РФФИ.

Введение. Методологическое пространство современных гуманитарных исследований включает в себя множество подходов, концепций, теорий, идей. С одной стороны, их многообразие позволяет развивать тематику и методику проведения фундаментальных и прикладных научных исследований в различных областях

гуманитарного знания, с другой – методологическое пространство современных гуманитарных наук не является, да и не должно быть единым, находясь перед вызовами нарастающих тенденций полипарадигмальности, междисциплинарности, межпредметности. Одним из способов разрешения данного противоречия является научная рефлексия, которая предполагает определение магистральных линий, тематических и методологических трендов современных гуманитарных исследований.

Несмотря на стремительно развивающиеся информационные технологии, наиболее содержательной формой научной рефлексии в сфере гуманитарных наук остаётся традиционная научная конференция. Она позволяет представить результаты исследований в контексте методологических и научно мировоззренческих позиций учёных, развернуть научную дискуссию, определить дальнейшие «точки роста» гуманитарной науки. Всероссийская научная конференция с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ», проведённая 24 – 26 сентября 2020 года на базе ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет» при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-011-20030\20, руководитель проекта – доктор социологических наук, профессор Н. А. Матвеева), относится к их числу.

Основными направлениями работы конференции стали:

- методологические и источниковедческие проблемы исторических исследований;

- историко-культурное наследие в парадигме устойчивого развития общества;

- методология и практика современных лингвистических исследований;

- современные стратегии и методы литературоведческих исследований;

- современные тенденции развития системы образования;

- актуальные проблемы развития личности в современном обществе.

Масштабность и качество проведённой в рамках конференции научной рефлексии многообразие современных теоретико-методологических подходов, проблематики и исследовательских стратегий научного познания, результатов современных исследований в области гуманитарных наук, поддержанных экспертным сообществом, позволили определить перспективную проблематику фундаментальных гуманитарных исследований и современные методологические подходы к изучению актуальных вопросов истории, лингвистики и литературоведения, социальной философии, социологии, психологии, педагогики, обозначить содержательные и организационные линии развития гуманитарных наук на современном этапе.

Цель настоящей статьи – проанализировать методологическое пространство современных гуманитарных исследований на основе научной рефлексии содержания докладов Всероссийской научной конференции с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ».

Методы. Анализ методологического пространства современных гуманитарных исследований построен на научной рефлексии содержания докладов научной

конференции, подготовленных по результатам реализованных грантовых проектов РФФИ [24].

На конференцию были представлены 142 доклада, из них 88 (62 %) подготовлены по результатам фундаментальных гуманитарных исследований, поддержанных грантами РФФИ. В конференции приняли участие представители 61 российской и зарубежной научной, образовательной, культурной и общественной организации из 19 субъектов и 7 Федеральных округов Российской Федерации: Центральный (Москва, Орехово-Зуево, Рязань); Северо-Западный (Великий Новгород, Санкт-Петербург); Южный (Волгоград); Уральский (Тюмень, Челябинск); Приволжский (Самара); Сибирский (Абакан, Барнаул, Бийск, Горно-Алтайск, Кемерово, Красноярск, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Томск); Дальневосточный (Улан-Удэ, Хабаровск). Зарубежный опыт гуманитарных исследований представлен работами учёных из Германии (Мюнхен), Китайской Народной Республики (Кайфен), Республики Азербайджан (Баку), Республики Беларусь (Витебск, Минск), Республики Казахстан (Караганда, Павлодар), Республики Кыргызстан (Бишкек).

Представленные на конференцию тексты 88 докладов и устных выступлений, подготовленных по результатам проведённых фундаментальных гуманитарных исследований при поддержке РФФИ, проанализированы с позиции актуальности проблематики и предлагаемых методологических подходов. Были использованы теоретические и эмпирические методы: анализ, синтез, сопоставление, обобщение, систематизация, анализ социальных документов. Таким образом, количественные и качественные характеристики единиц анализа и применение адекватных методов исследования позволяют достичь цели настоящей статьи.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Результаты проведённого анализа материалов конференции показывают, что современное методологическое пространство гуманитарных наук охватывает комплекс фундаментальных проблем:

- теоретические проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного наследия в парадигме устойчивого развития общества и территорий;
- синтез достижений новейших исследовательских стратегий, источниковой базы и методологического инструментария практик историописания, интеллектуальной и устной истории;
- проблемы обыденной лингвополитологии, лингвоперсонологии, функциональной и когнитивной лингвистики, неолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, транслатологии, судебной лингвистической экспертизы, лингвистической, автоматической обработки текстов, описания языков малочисленных народов;
- апробация современных подходов для разработки перспективных направлений филологической науки, таких как мифопоэтика, геопозитика, семиотика и др.;
- разработка единой методологической базы для решения задач современных литературоведческих исследований;

- концептуализация основных тенденций развития и системных характеристик образования: непрерывность, доступность, гуманитаризация, открытость, вербализация, децентрализация, цифровизация;
- теоретизация информационных управленческих потоков в системе образования и вопросы диагностики их последствий;
- проблемы формирования и развития психологической культуры и ценностно-смысловой сферы личности;
- методологические подходы к психолого-педагогическому исследованию проблем развития одарённости и образовательного потенциала детей, в том числе детей с ограниченными возможностями здоровья;
- концептуальные основания социологических и социально-философских исследований социального здоровья человека и общества;
- развитие теории формирования и функционирования исторической памяти молодёжи;
- проблемы построения современного гражданского общества и обеспечения социальной безопасности населения.

Большой блок материалов конференции посвящён методологическим и источниковедческим проблемам исторических исследований. Самарский исследователь О. Б. Леонтьева рассматривает, как методологические «повороты» в мировой исторической науке отразились в материалах современных российских диссертационных исследований (грант РФФИ № 14-01-00418а «Исследовательские стратегии и практики историков России на рубеже XX-XXI вв.»). На основе анализа докторских диссертаций по отечественной истории, защищённых в 1990–2010-е гг., сделан вывод, что инструментарий отечественной исторической науки существенно изменился вследствие «антропологического», «культурного» и ряда других «поворотов» [12, 24].

Новосибирский историк Е. И. Красильникова охарактеризовала основные итоги реализации междисциплинарного исследовательского проекта (грант РФФИ и АНО ЭИСИ № 19-011-31114 «Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX – нач. XXI в.))» [24]. Политика памяти, реализуемая в регионе посредством использования исторических символов и коммеморативных практик, исследуется автором как постепенно складывавшаяся и трансформировавшаяся в зависимости от различных условий и факторов система и как комплексный социокультурный феномен регуляции общественного сознания регионального социума.

Алтайский исследователь Е. Н. Беневаленская в докладе «Проблемы региональной идентичности в современном историографическом дискурсе» (грант РФФИ № 18-39-00047 «Историческое краеведение в региональном социокультурном ландшафте второй половины XX века») рассмотрела различные факторы, связанные с конструированием общегосударственной, национальной и региональной идентичности и исторической памяти [4, 6, 24]. Проведённая в исследовании разработка проблем формирования региональной идентичности на основе теоретико-методологических положений интеллектуальной истории повышает эвристиче-

ский потенциал исторических источников и позволяет дополнить существующую систему знаний о феномене советской провинции.

Историк и историограф М. А. Демин в ходе выполнения проекта (грант РФФИ №17-11-22005 «Историк в региональном социокультурном пространстве второй половины XX века») подготовил биографию известного сибирского историка и археолога А. П. Уманского, являющегося признанным в научном мире специалистом по телеутской проблематике [4, 5, 24]. Реализация проекта основывалась на междисциплинарном подходе с использованием современных теоретических разработок и методов социальной и интеллектуальной истории, исторической антропологии, гуманитарного науковедения. Применение биографического метода исторического исследования позволило установить неразрывную связь между жизнью и творчеством учёного.

Методологические проблемы интерпретации археологических источников рассматриваются исследователем А. А. Тишкиным на материале крупных курганов Алтая (грант РФФИ №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования») [24]. Основной методологический подход состоит в том, что в археологических памятниках нашла отражение существовавшая реальность, в том числе, не представленная в письменных и изобразительных источниках.

Ряд докладов конференции выполнен на материалах всеобщей истории. Проект В. С. Бойко «Афганистан в 1910 – 2010-е годы: проблемы и противоречия постколониальной модернизации в контексте взаимодействия внутренних и внешних факторов» (грант РГНФ № 15-01-00440) носит междисциплинарный характер с применением методов историко-политологического и социально-экономического анализа [4, 24]. В материалах В. А. Бармина, подготовленных по результатам проекта (грант РГНФ № 13-11-22005 «Советский Союз и великие державы в Синьцзяне в 1918 – 1949 гг.: столкновение региональных интересов», раскрывается основное содержание политического курса советского руководства в отношении Синьцзяна на завершающем этапе гражданской войны в Китае [4, 24]. В докладе Ю. Н. Цыряпкиной «Русскоязычные Узбекистана в 2000-е годы: этно-культурные процессы в условиях «национализирующегося» государства (на примере Ангрена и Ферганы)» [4, 24] рассматривается процесс изменения этнокультурных маркеров русскоязычного населения в узбекских городах Ангрена и Фергана в условиях суверенизации.

Ряд докладов посвящён выявлению, анализу и публикации новых исторических источников. П. А. Афанасьев в ходе выполнения проекта (грант РФФИ № 19-09-00448 «Дневники и письма сибирского чиновника последней трети XIX в. Е. П. Клевакина» проделал огромную работу по изучению документального наследия [4, 8, 24]. Учёный обосновал тезис о том, что принципы передачи источника предполагают максимальное сохранение особенностей текста, что позволяет охарактеризовать письменную культуру провинциального чиновника.

Формированию естественно-научного образа Алтайского края в трудах учёных, путешественников и чиновников рубежа XIX–XX вв. посвящён доклад К. А.

Пожарской (грант РФФИ № 17-11-22006 «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI вв.») [24]. На конкретных примерах делается заключение о том, что Алтайский регион чрезвычайно гетерогенен по своим природно-климатическим параметрам и весьма труден для сельскохозяйственного производства. В материалах А. Е. Кухаренко (грант РФФИ № 18-09-00439 «Алтайский историко-географический комплекс в XVIII – начале XX века (междисциплинарные исследования и разработка информационной web-платформы)» Алтай рассматривается как единая территориально-экономика-социально-антропогенно-природная система [24]. Историческая реконструкция проводится исследователем в совокупности с экономико-географическими, историко-экологическими, историко-географическими и пространственно-картографическими аспектами на пересечении предметного поля социогуманитарных и естественно-научных дисциплин.

Таким образом, методологическое пространство современных исторических исследований характеризуется многообразием теоретико-методологических подходов и источников о прошлом, использованием смежных с исторической наукой дисциплин, расширением предметного поля интеллектуальной истории, истории ментальностей и исторической антропологии, исторической когнитивистики, социокультурной и устной истории.

Анализ материалов конференции показывает, что исследовательские проекты, поддержанные РФФИ в области современной лингвистики, так же направлены на решение фундаментальных проблемных вопросов. Научную ценность приобретают проекты, вписывающиеся в контекст «новейшей лингвистики» [21, 24], вставшей перед необходимостью изменения своего методологического пространства за счёт расширения объектного поля, методологического фундамента и инструментария, позволяющего высветить полиаспектность языка как предмета изучения.

Поддерживаемые РФФИ проекты вписываются прежде всего в когнитивно-дискурсивную парадигму лингвистики, основанную на синтезе когниции и коммуникации [10, 24]. Перспективными в этом плане являются исследования, посвящённые анализу социальных сетей и диалоговых форматов интернет-среды, которые на сегодняшний день являются конгломератом дискурсивных практик и когнитивных сценариев, воплощающих повседневную речевую практику рядовых носителей языка, их обыденное языковое сознание. Форматы виртуального общения исследуются прежде всего с использованием методологии лингвоперсонологии, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Так, Н. Д. Голев и А. В. Иркова исследуют новый тип коммуникативной личности, формирующийся в социальных сетях и других виртуальных форматах общения (грант РФФИ № 20-412-420004p_a «Лингвистический мониторинг социальной напряжённости в Кузбассе») [24]. Н. В. Мельник и В. А. Голянская обращаются к изучению наивных лингвоперсонологических стратегий декодирования стратегий и тактик политической манипуляции, материалом для анализа при этом служат интернет-комментарии к новостной статье (грант РФФИ № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект») [3, 24]. Я. А. Дударева на материале сообщений в социальной сети «Инстаграм» производит лингвистиче-

ский анализ диктумной организации социальных сетей современных политиков (грант РФФИ № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ») [24]. Лингвокультурологический аспект исследования обыденной медиакommunikации как социоречевой сферы заявляется в проекте Н. Н. Шпильной (грант РФФИ № 20-012-00375 «Обыденный медийный дискурс: лингвокультурологический и лексикографический аспекты») [4, 24].

Общая антропоцентрическая направленность данных исследований коррелирует с тенденцией выхода за пределы лингвистического предметного круга в зону пересечения лингвистики и политологии, лингвистики и медиалогии. Реализация актуальных лингвистических исследований, несомненно, способствует синтезу и интеграции методологического инструментария лингвистики и смежных с ней дисциплин (обыденная лингвополитология, обыденная медиалингвистика). В плане реализации междисциплинарности как ключевой тенденции гуманитарного, в том числе и лингвистического знания, может быть выделен грантовый проект РФФИ № 19-013-00466 «Сравнительный анализ письменной речи лиц с алекситимией и без алекситимии», выполняемый коллективом клинических психологов и лингвистов [1, 24].

Прикладная направленность проектов РФФИ в области гуманитарных наук проявляется в синтезе теоретического и прикладного знания, где прикладное – это не «применение теории на практике», а самостоятельная исследовательская задача. К решению важной прикладной задачи по созданию компьютерной программы-классификатора, способной автоматически классифицировать подаваемые на вход интернет-тексты на русском языке на классы текстов с разной эмоциональной тональностью, обращаются исследователи Лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований Сибирского федерального университета (грант РФФИ № 19-012-00205 «Разработка классификатора русскоязычных интернет-текстов по критерию их тональности на основе модели эмоций "Куб Левхейма"») [9, 24].

Изменения методологического плана влекут за собой изменения в методах и приёмах анализа. Как следствие, на первый план выдвигаются методы, соответствующие объекту анализа. К ним относятся: интерпретация, концептуальный анализ, аксиологически ориентированный лингвистический анализ. В данное направление вписываются исследования Н. Б. Лебедевой и её учеников (грант РФФИ № 20-412-420005 «Концептуально-ценностный анализ эпистолярного и мемуарного наследия жителей Кузбасса», грант РГНФ № 12-04-00305а «Исследование народных мемуаров как жанра естественной письменной русской речи»), направленные на описание эпистолярного и мемуарного наследия жителей различных регионов России с использованием методологии аксиологической и концептуальной лингвистики, позволяющей выявить ценностные ориентиры, формирующие бытовое письмо рядовых носителей языка [4, 19, 24]. Как показывает анализ материалов конференции, на настоящем этапе развития лингвистической науки наиболее востребованными являются исследования, позволяющие критически оценить место предметного и метапредметного уровней лингвистической теории в контексте гносеологических построений гуманитарных наук.

В ходе реализации фундаментальных проектов РФФИ в области литературоведения в последние годы был намечен целый ряд перспективных сфер исследования. Одним из многообещающих направлений современной гуманитарной науки стала геопоэтика. Группа учёных АлтГПУ в 2016-2017 гг. реализовала проект (грант РФФИ № 16-14-22001 «Семиотика пространства в региональной литературе: особенности геопоэтики В. М. Шукшина»). Проведённое исследование показало наличие глубинной связи географических образов с мироощущением человека, его психологическими и поведенческими реакциями. Реконструкция географического пространства в прозе В. М. Шукшина и анализ его семиотического наполнения позволили выстроить координаты философско-мировоззренческих поисков писателя, создать ментальную географическую карту писателя [2, 4, 11, 24].

Органичным продолжением работы по изучению геопоэтики В. М. Шукшина стал следующий проект того же коллектива учёных – «Алтай в отечественной литературе XX–XXI вв.: культурно-туристический потенциал» (грант РФФИ № 18-412-220004). Комплексная методология исследования, базирующаяся на сочетании метода типологического анализа «алтайского текста» с инструментарием геопоэтического и мифопоэтического подходов, дала возможность выявить уникальность природного ландшафта Алтая в образах и мотивах региональной литературы, позволила раскрыть культурно-туристический потенциал художественной «карты» Алтая в целом [4, 13, 14, 24].

Другая группа филологов обратилась к новому направлению сравнительного литературоведения (компаративистики) – имагологии. Предметом имагологического исследования стала проблема «казахского текста» русской культуры (грант РГНФ № 16-14-22002 «Русская словесность на трансграничном пространстве России и Казахстана: процессы интеграции»). В коллективной монографии, объединившей работы российских и казахстанских учёных, дано точное и глубокое определение «казахского текста» русской культуры как культурного феномена, возникшего в условиях трансграничного соприкосновения двух культур [4, 15].

Заметным вкладом в развитие методологического пространства современного литературоведения стала антология «М. А. Булгаков: pro et contra» (грант РФФИ № 18-012-00374) [16]. Исследователю И. С. Урюпину удалось выявить в текстах М. А. Булгакова многочисленные параллели между настоящим и прошлым, которые составляют единый метатекст, скреплённый сквозными архетипическими мотивами [16, 24].

В историю и методологию литературоведения, несомненно, войдёт и первый экспериментальный опыт систематизации и аннотирования документальных травелогов, посвящённых путешествиям и различным поездкам россиян по Российской империи и миру с XVIII до начала XX вв. Проект реализован учёными Новосибирского государственного педагогического университета (грант РФФИ № 18-12-00050 «Издание научного труда «Русский травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель») и послужит серьёзным стимулом для дальнейшего изучения этого сложнейшего вида литературы, объединяющего различные жанры (дорожный журнал, научный отчёт об экспедициях, путевой дневник, путевые записки, эпистолярный, мемуары, очерк и пр.) [20, 24].

Результаты анализа материалов конференции показывают, что в методологическом пространстве современных литературоведческих исследований наблюдаются две доминирующие тенденции: с одной стороны, в качестве самостоятельных предметных областей изучения литературы выделяются мифопоэтика, геопозитика, семиотика, имагология, экография, с другой стороны, назрела необходимость разработки единой методологической базы современных литературоведческих исследований.

Ландшафт методологического пространства современных гуманитарных исследований в немалой степени определяют исследования в области педагогики, психологии и социологии. На конференции были обсуждены и концептуализированы основные тенденции развития системы образования: повышение качества образования на всех его этапах; непрерывность образования как основа современной концепции развития образовательных систем; усиление гуманитаризации содержания образования; ориентир на открытость и децентрализацию образования; соотношение теоретической и практической составляющих в профессиональном образовании; методологические основы выбора технологий обучения.

В проекте «Фундаментальные основы формирования математической грамотности для цифрового общества на начальном уровне образования» (грант РФФИ № 19-29-14152) авторы С. Д. Каракозов, С. А. Поликарпов, Н. И. Рыжова, Е. А. Седова исследуют вопросы сочетания традиционных и цифровых компетенций в математическом образовании [24]. В докладе Ж. К. Кинеспаева, Н. Д. Скосыревой, подготовленном по результатам научного проекта (грант РФФИ № 19-29-07366 мк «Междисциплинарный подход к профессиональному самоопределению сельской молодежи в условиях цифровизации экономики»), анализируется тема генетической связи между современными цифровыми технологиями и классическими философскими концепциями [24].

В докладах участников конференции Л. К. Синцовой, О. Л. Сытых, представивших результаты работы по проекту (грант РФФИ № 17-16-22504 «Проведение международной научной конференции «Культурно-антропологическая парадигма: практика реализации в условиях компетентностной модели образования»), развиваются идеи критической педагогики в философско-историческом аспекте [4, 24]. Авторы приходят к выводу о необходимости формирования постнеклассического типа научной рациональности, развития критического мышления у обучающихся. Р. Н. Афонина обосновывает принцип гуманитаризации как интегрирующего, системообразующего начала в условиях реализации компетентностного подхода к профессиональному образованию [24]. В докладе А. В. Тороповой, подготовленном по результатам научного проекта (грант РФФИ № 19-013-00171 «Музыкально-психологическая антропология: междисциплинарная область знания в музыкально-педагогическом образовании»), поднимается проблема преодоления «ускользающего смысла» профессиональной деятельности в условиях цивилизационных трансформаций общества [24].

В докладе Л. А. Никитиной (грант РФФИ № 17-46-221011 «Предшкольная подготовка детей: содержание, формы, проблемы и пути их решения») обоснована необходимость подготовки педагога к работе с детьми предшкольного возраста,

раскрыты содержание, формы и методы магистерской подготовки по этому направлению [4, 24]. В докладе С. И. Поздеевой (грант РФФИ № 18-013-01125/А «Модель управления научно-образовательной деятельностью в классическом исследовательском университете (магистратура)») анализируются особенности профессиональной деятельности преподавателя магистратуры, отличающие её от деятельности школьного учителя и преподавателя, работающего с бакалаврами [24]. Исследователи Ж. К. Кениспаев, А. С. Фролов, В. В. Маркин чётко артикулировали потребность в специалистах, обладающих системным целостным мышлением, и необходимость пересмотра содержания и технологий высшего образования с позиции системного подхода [24].

Одной из новых тем гуманитарных исследований, возникших на пересечении социологии образования и менеджмента, является проблема управления информационными потоками в образовании, инициированная в видео-докладе А. М. Осипова. За этой корректной формулировкой стоит явление, которое касается и очень беспокоит всех субъектов образования – это «бумажный прессинг» и бюрократологии в образовании [18, 23, 24].

Междисциплинарный подход широко используется специалистами в области исследования фундаментальных проблем формирования и развития психологической культуры и ценностно-смысловой сферы личности. Проблемы развития одарённости детей, детей с ограниченными возможностями здоровья нашли отражение в докладах О. Г. Холодковой, Г. Л. Парфеновой по результатам реализованных проектов (грант РФФИ № 19-413-220005 «Научно-методологическое обоснование и разработка модели системы управления работой с одарёнными детьми в регионе»), М. В. Сурниной, Н. А. Чушевой (грант РФФИ № 16-16-22012 «Изучение актуальных образовательных потребностей и определение спектра образовательных услуг обучающимся с ограниченными возможностями здоровья, проживающим в отдалённых районах Алтайского края, в рамках реализации ФГОС») [4, 24].

Н. А. Матвеева и другие алтайские социологи представили результаты проекта (грант РФФИ № 17-13-22008 «Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодёжи»), которые содержат концептуальные основания комплексного социологического исследования социального здоровья, его отражения в исторической памяти, ценностных ориентаций и повседневных практиках молодёжи [4, 17, 22, 24]. Проблеме методологических подходов к социологическому анализу функционирования и формирования исторической памяти молодёжи были посвящены доклады В. В. Кулиша, С. Г. Абрамкиной, подготовленные по результатам реализации проекта (грант РГНФ № 14-13-22008/14 «Региональные особенности функционирования исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ») [4, 24].

Обобщая содержание докладов участников конференции, следует выделить ряд проблем развития личности в обществе, которые носят фундаментальный характер, но требуют разработки прикладных механизмов решения [24]:

- нивелирования негативного влияния СМИ и социальных сетей на развитие личности и социальное здоровье детей и молодёжи (Н. А. Пахтусова, Н. В. Уварина, Н. В. Тумбаева и др.);

- диагностики социального здоровья и выявления критериев соответствия социального здоровья человека и общества (Н. А. Матвеева и др.);
- формирования гражданского общества и гражданской культуры личности (Э. И. Забнева и др.);
- сохранения и воспроизводства исторической памяти молодёжи как фактора формирования социальной безопасности населения (В. В. Кулиш и др.);
- психолого-педагогического сопровождения и социальной поддержки одарённых детей и подростков (О. Г. Холодкова, Г. Л. Парфенова и др.);
- интеграции и развития детей с ОВЗ в инклюзивном образовательном пространстве (М. В. Сурнина, Н. А. Чуешева и др.);
- проблемы жизненного самоопределения личности в единстве поведенческого и мировоззренческого аспектов (И. Н. Протасова, А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская и др.).

Участники конференции акцентировали внимание на междисциплинарном характере выявленных проблем, необходимости их исследования и решения в пространстве интеграции научных, образовательных и общественных организаций, федеральных и региональных органов государственной власти.

Таким образом, анализ содержания докладов Всероссийской научной конференции с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ» (24 – 26 сентября 2020 г., г. Барнаул), подготовленных по результатам реализованных грантовых проектов РФФИ, указывает на расширение предметной области современной гуманитарной науки, появление и институционализацию новых областей гуманитарного знания. Конкретно это проявляется в следующих направлениях развития современного методологического пространства гуманитарной науки:

- обоснована необходимость создания единой теории сохранения и трансляции историко-культурного наследия;
- определена задача разработки содержания понятия «культурное наследие» в междисциплинарном пространстве;
- музеефикация историко-культурного наследия выделена как самостоятельный объект гуманитарных исследований;
- охарактеризованы различные аспекты взаимовлияния и трансформаций профессиональной историографии, моделей исторической памяти и разных форм идентичности;
- проведена научная рефлексия многообразия теоретико-методологических подходов и источников о прошлом, и способов достижения консенсуса в их использовании;
- обозначено предметное пространство интеллектуальной истории, «новой социокультурной истории», истории ментальностей и исторической антропологии, исторической когнитивистики, социальной и устной истории;
- обоснован эвристический потенциал применения биографического метода исторического исследования, использования смежных с исторической наукой дисциплин и проведения сравнительно-исторических исследований;

- доказана востребованность исследований, позволяющих критически оценить место лингвистической теории (её предметный и метапредметный уровни) в контексте гносеологических построений гуманитарных наук;

- определена перспектива лингвокультурологических и лингвоперсонологических исследований, вписанных в фундаментальную эпистемологическую парадигму лингвистического знания «Человек (я – субъект / объект) – Общество (культура) – Мир (миры)»;

- выделены наиболее перспективные направления в изучении отечественной литературы: мифопоэтика, геопоэтика, семиотика, имагология, экография;

- обоснована необходимость разработки единой методологической базы современных литературоведческих исследований;

- подчеркнута значимость сопоставительных исследований состояния и функционирования систем образования в условиях глобального информационного общества;

- актуализирована тематика социальных исследований последствий принимаемых управленческих решений и проявлений бюрократологии в системе образования;

- определены различные аспекты психолого-педагогических исследований проблем социализации одарённых детей, молодёжи и детей с ограниченными возможностями здоровья;

- получила своё дальнейшее развитие теория функционирования исторической памяти в направлении исследования проблем сохранения и воспроизводства семейной исторической памяти;

- обоснован приоритет междисциплинарных исследований социального здоровья человека и общества, идентичности личности в условиях цифровизации и кризиса эмоционально-волевой и ценностно-смысловой сферы жизнедеятельности человека.

Заключение. Полученные научные результаты имеют значительный потенциал практического использования. В частности, знание о направлениях трансформации современного методологического пространства гуманитарных наук может быть использовано:

- *в процессе организации российской науки* для определения содержательных и организационных линий развития гуманитарных наук на современном этапе и в перспективе; сохранения научных традиций в условиях глобализации научного знания, дальнейшего развития научных школ гуманитарных исследований;

- *в процессе экспертизы заявок* на выполнение научных исследований и оценке результатов исследований, осуществлённых при поддержке государственных научных фондов; для совершенствования единых требований и критериев оценки актуальности тематики, валидности методологической базы, качества научных результатов современных гуманитарных исследований; определения единых подходов к научной рефлексии проектов гуманитарных исследований, выполненных на междисциплинарном уровне и в полипарадигмальном пространстве;

- *в процессе международной интеграции науки* для продвижения тематических и методологических трендов современной гуманитарной науки и создания

интернациональных научных коллективов для реализации фундаментальных и прикладных гуманитарных исследований в условиях глобализации и глокализации науки;

- *в процессе популяризации научного знания* для реализации международных, национальных и региональных гуманитарных просветительских программ, направленных на повышение человеческого и культурного капитала социальных общностей, территорий и стран;

- *в процессе коммерциализации гуманитарной науки* для моделирования современных социокультурных явлений и процессов, создания результатов интеллектуальной деятельности и привлечения инвестиций для их внедрения в социальную и культурную сферы и менеджмент реального сектора экономики и бизнеса;

- *в процессе развития системы общего и профессионального образования* для модернизации содержания гуманитарных предметов и дисциплин, направленных на формирование общекультурных компетенций обучающихся, обеспечения единства содержания и технологий современного образования с позиции развития системного мышления и гуманистической направленности будущих специалистов;

- *в процессе управления системой образования* для совершенствования института независимой оценки качества образования с позиции обеспечения социальных функций образования и сохранения антропоцентричности и культуроцентричности системы обучения и воспитания в условиях становления нового технологического уклада, цифровизации всех сфер общества.

Список литературы

1. Галкина С. Ф., Ласовская Т. Ю., Шпильная Н. Н. Языковая личность алекситимтика (вербально-семантический и лингвокогнитивный уровни) // Культура и текст. 2019. № 4. С. 151–161.
2. Геопоэтика В. М. Шукшина: коллективная монография / науч. ред. А. И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ. 2017. 176 с.
3. Голянская В. А., Мельник Н. В. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ // Филология и человек. 2019. № 3. С. 29–41.
4. Грантовые проекты РФФИ в Алтайском государственном педагогическом университете: справочник / под науч. ред. Н. А. Матвеевой; сост. О. А. Бокова. Барнаул: АлтГПУ. 2020. 198 с.
5. Демин М. А. Алексей Павлович Уманский: путь в науку. Монография. Барнаул: АлтГПУ. 2018. 404 с.
6. Donovan Victoria. Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia / Victoria Donovan. – Ithaca, N.Y.; London: Cornell University Press. 2019. 241 p.
7. Информация в управлении образованием: теоретические проблемы / Под ред. А. М. Осипова, П. А. Бояджиевой. – СПб.: РГПУ. 2019. URL: <http://www.novsu.ru/file/1566571>.
8. Клевакин Е. П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае: сборник документов: в 2 т. / изд. подгот. П. А. Афанасьев. Барнаул. 2017. 420 с.
9. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Маликова А. В. Типология и комбинаторика вербальных маркеров различных эмоциональных тональностей в интернет-текстах на русском языке // Вестник ТГУ. 2019. № 448. С. 48–58. DOI: 10.17223/15617793/448/6.
10. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Язык и наука конца XX века. М. : РГУ. 1995. С. 144–238.
11. Куляпин А. И. Семиотика художественного пространства В. М. Шукшина: монография. Барнаул: АлтГПУ. 2016. 160 с.

12. Леонтьева О. Б., Репина Л. П. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России / Историки в поисках новых перспектив: коллективная монография / под общ. ред. З. А. Чеканцевой. Москва: Аквилон. 2019. С. 274–317.
13. Литературная мифология Алтая: коллективная монография / науч. ред. Е. А. Худенко. Барнаул: АлтГПУ. 2019. 178 с.
14. Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена: словарь / под общ. ред. Е. А. Худенко. Барнаул: АлтГПУ. 2018. 178 с.
15. Литературное транзграничье: русская словесность в России и Казахстане: коллективная монография / отв. ред. В. И. Габдуллина. Барнаул: АлтГПУ. 2017. 290 с.
16. М. А. Булгаков: pro et contra. Личность и творчество М. А. Булгакова в оценках литературоведов, критиков, философов, социологов, искусствоведов: антология / Сост. О. В. Богданова. СПб.: РХГА. 2019. 992 с.
17. Матвеева Н. А. Социальное здоровье молодёжи: постановка проблемы и стратегия исследовательского проекта // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 5. С. 146–158. Режим доступа: <http://en.vestnik.nspu.ru/article/2453>.
18. Осипов А. М., Матвеева Н. А., Бояджиева П. А., Воронцов Я. А. Российское образование в бумажной пучине: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 60–70. DOI: 10.31857/S013216250008798-0.
19. Рабенко Т. Г. Инвариантные и варианты признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка») // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 6–14.
20. Русский травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель / под ред. Т. И. Печерской; составители: А. А. Богодерова [и др.]. Новосибирск: Немо Пресс. 2018. 829 с.
21. Серебренникова Е. Ф. «Новейшая» лингвистика: к проблеме отграничения в поле современной лингвистики. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/noveyshaya-lingvistika-k-probleme-otgranicheniya-v-pole-sovremennoy-lingvistiki>.
22. Социальное здоровье в исторической памяти, ценностных ориентациях и повседневных практиках молодёжи: коллективная монография / под ред. Н. А. Матвеевой. Барнаул: АлтГПУ. 2018. 192 с.
23. Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании. Великий Новгород: коллективная монография / под ред. А. М. Осипова. Великий Новгород: ООО «Типография «Виконт». 2020. 351 с.
24. Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, г. Барнаул, 24–26 сентября 2020 года / науч. ред. Н.А. Матвеева; отв. ред. Т. П. Сухотерина. Барнаул: АлтГПУ. 2020. 532 с.

Авторская справка

МАТВЕЕВА Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе и инновационной деятельности, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия.

E-mail: matveeva_n_a@mail.ru

ДЕМИН Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры литературоведения, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия.

E-mail: mademin52@mail.ru

КУЛЯПИН Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия.

E-mail: ovremena@yandex.ru

НИКИТИНА Любовь Андреевна, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и методики начального образования, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия.

E-mail: nikitina.fnk@rambler.ru

ШПИЛЬНАЯ Надежда Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия.
E-mail: venata85@mail.ru

UDC 001.8

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.39

METHODOLOGICAL SPACE OF MODERN HUMANITARIAN RESEARCH: ON THE RESULTS OF THE IMPLEMENTED RFBR GRANT PROJECTS

N. A. Matveeva, M. A. Demin, A. I. Kulyapin, L. A. Nikitina, N. N. Shpilnaya
Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)

The article was prepared with the financial support of the RFBR, project No. 20-011-20030, «All-Russian scientific conference with international participation» Fundamental problems of the humanities: experience and prospects for the development of research projects of the RFBR».

Introduction. The methodological space of modern humanitarian studies includes many approaches, concepts, theories and ideas. On the one hand, their diversity makes it possible to develop the topics of basic scientific research in various fields of humanitarian knowledge, on the other hand, the methodological space of modern humanities faces the challenges of the growing trends of polyparadigmality, interdisciplinarity and intersubject characteristic of the science. Under these conditions, the definition of the main lines, thematic and methodological trends of modern humanitarian research is of particular importance.

Methods. A valid method for solving this problem is to analyze the results of basic humanitarian research, supported by the expert scientific community. In this article, this problem is solved by the method of scientific reflection on the content of the reports of the All-Russian Scientific Conference with international participation "Fundamental Problems of the Humanities: Experience and Prospects for the Development of RFBR Research Projects", prepared based on the results of implemented RFBR grant projects (September 24-26, 2020, Barnaul).

Results. As a result of the analysis, a spectrum of basic problems of modern humanities was revealed; a description of the RFBR grants implemented by the conference participants in the field of history, linguistics, literary criticism, psychology, pedagogy and sociology is presented; the assessment of their contribution to the solution of the problem of building a unified methodological space of modern humanitarian research is given and directions of development of the methodological space of modern humanitarian science are determined.

Conclusion. The theoretical significance of the research is to determine the directions of transformation of the modern methodological space of the humanities. The obtained scientific results have significant potential for practical use and can be used in the processes of organizing Russian humanities, international integration of science in the context of globalization and glocalization, examination of applications for scientific research in the humanities and assessment of their results, modernization of the content of humanitarian education and the popularization of scientific humanitarian knowledge.

Keywords: humanities; basic humanitarian research; basic problems of the humanities; methodological space; RFBR grant projects.

References

1. Galkina S. F., Lasovskaya T. Yu., Shpilnaya N. N. Language personality of alexithymia (verbal-semantic and linguocognitive levels) // Culture and text. 2019. No. 4. Pp. 151–161.
2. Geopoetics V. M. Shukshin: a collective monograph / scientific ed. A. I. Kulyapin. Barnaul: AltSPU. 2017. 176 p.
3. Golyanskaya V. A., Melnik N. V. Strategies and tactics of political manipulation in the media // Philology and man. 2019. No. 3. Pp. 29–41.
4. Grant projects of the RFBR in the Altai State Pedagogical University: handbook / scientific ed. by N. A. Matveeva; comp. O. A. Bokova. Barnaul: AltSPU. 2020. 198 p.
5. Demin M. A. Alexey Pavlovich Umansky: the way to science. monograph. - Barnaul: AltSPU. 2018. 404 p.
6. Donovan Victoria. Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia / Victoria Donovan. – Ithaca, N.Y.; London: Cornell University Press. 2019. 241 p.
7. Information in education management: theoretical problems / Edited by A. M. Osipova, P. A. Boyadzhieva. - St. Petersburg: RSPU, 2019. URL: <http://www.novsu.ru/file/1566571>.
8. Klevakin E. P. Notes of a provincial official of the second half of the XIX century: Memoirs and stories about life and service in the Urals and Altai: a collection of documents: in 2 vols. / edited by P. A. Afanasyev. Barnaul. 2017. 420 p.
9. Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Malikova A. V. Typology and combinatorics of verbal markers of various emotional tonalities in Internet texts in Russian // Bulletin of TSU. 2019. No. 448. Pp. 48–58. DOI: 10.17223/15617793/448/6.
10. Kubryakova E. S. The evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century (the experience of paradigmatic analysis) / Language and science of the late twentieth century. M.: RSUH. 1995. Pp. 144–238.
11. Kulyapin A. I. Semiotics of artistic space V. M. Shukshin: monograph. - Barnaul: AltGPU. 2016. 160 p.
12. Leontieva O. B., Repina L. P. «Memorial turn» and «The history of memory» in Russia / Historians in search of new perspectives: collective monograph / edited by Z. A. Chekantseva. Moscow: Aquilon. 2019. Pp. 274–317.
13. Literary mythology of Altai: collective monograph / scientific ed. by E. A. Khudenko. Barnaul: AltSPU. 2019. 178 p.
14. Literary and tourist Altai: Topos - myths - names: dictionary / under the general editorship of E. A. Khudenko. Barnaul: AltSPU. 2018. 178 p.
15. Literary transborder: Russian literature in Russia and Kazakhstan: collective monograph / ed. by V. I. Gabdullina. Barnaul: AltSPU. 2017. 290 p.
16. M. A. Bulgakov: pro et contra. The personality and creativity of M. A. Bulgakov in the assessments of literary critics, critics, philosophers, sociologists, art critics: an anthology / Comp. O. V. Bogdanova. St. Petersburg: RHGA. 2019. 992 p.
17. Matveeva N. A. Social health of youth: problem statement and research project strategy // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2017. Vol. 7. No. 5. Pp. 146–158. <http://en.vestnik.nspu.ru/article/2453>.
18. Osipov A. M., Matveeva N. A., Boyadzhieva P. A., Vorontsov Ya. A. Russian education in the paper abyss: the experience of sociological analysis. Sociological research. 2020. No. 3. Pp. 60–70. DOI: 10.31857/S013216250008798-0.
19. Rabenko T. G. Invariant and variant signs of genres of natural written speech (based on the material of genres «personal diary», «personal letter», «personal note») // Genres of speech. 2020. № 1 (25). Pp. 6–14.
20. Russian travelogue of the XVIII – early XX centuries: an annotated index / edited by T. I. Pecherskaya; compiled by A. A. Bogoderova [et al.]. Novosibirsk: Nemo Press. 2018. 829 p.
21. Serebrennikova E. F. «Modern» linguistics: on the problem of differentiation in the field of modern linguistics. <https://cyberleninka.ru/article/n/noveyshaya-lingvistika-k-probleme-otgranicheniya-v-pole-sovremennoy-lingvistiki>.
22. Social health in historical memory, value orientations and everyday practices of youth: a collective monograph / edited by N. A. Matveeva. Barnaul: AltGPU. 2018. 192 p.

23. School in the paper abyss: the crisis of information flows in education Veliky Novgorod: a collective monograph / ed. by A.M. Osipov. Veliky Novgorod: OOO «Printing house «Viscount». 2020. 351 p.

24. Fundamental problems of the humanities: experience and prospects for the development of RFBR research projects: materials of the All-Russian scientific Conference with international participation, Barnaul, September 24–26, 2020 / scientific ed. N.A. Matveeva; ed. T.P. Sukhoterina. - Barnaul: AltSPU. 2020. 532 p.

Author's Bio

MATVEEVA Natalia Aleksandrovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and Innovations, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

E-mail: matveeva_n_a@mail.ru

DEMİN Mikhail Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

E-mail: mademin52@mail.ru

KULYAPIN Alexandr Ivanovich, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Literature, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

E-mail: ovremena@yandex.ru

NIKITINA Lyubov Andreevna, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Primary Education, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

E-mail: nikitina.fnk@rambler.ru

SHPILNAYA Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

E-mail: venata85@mail.ru

Библиографическая ссылка

Матвеева Н. А., Демин М. А., Куляпин А. И., Никитина Л. А., Шпильная Н. Н. Методологическое пространство современных гуманитарных исследований: по результатам реализованных грантовых проектов РФФИ // SocioTime / Социальное время. 2021. № 4 (28). С. 39 – 55. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.39

УДК 39

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.56

МУСУЛЬМАНЕ БАШКОРТОСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО И РЕГУЛЯРНЫЕ ЧЛЕНЫ ОБЩИН

Р. М. Мухаметзянова-Дуггал, А. Н. Кляшев, Р. Р. Мухамадеева

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания ИЭИ УФИЦ РАН «Традиционные религии и новые религиозные движения на Южном Урале и в Приуралье: вопросы функционирования, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений» № АААА-А21-121012290084-6.

Введение. В данной работе выявляется и проводится сравнительный анализ спектра демографических признаков и религиозно-общественных взглядов представителей двух главных подгрупп, составляющих современные мусульманские религиозные общины, – регулярных членов и духовенства (имамов).

Методы. Эмпирические материалы, используемые в данной статье, были собраны с использованием метода социологии – интервьюированием с использованием анкет закрытого типа; авторами применялись индуктивная стратегия, а также методы измерения, сравнения, анализа и синтеза.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Выявлено, что среди представителей духовенства отсутствуют строители, военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов и работники СМИ; представители духовенства более активно выступают за сотрудничество религиозных объединений с государственными органами власти. Респондентами определяются сферы взаимодействия государственных и религиозных институтов: духовно-нравственное воспитание людей, благотворительность, культура и образование. Определение приоритетных направлений государственно-религиозных отношений совпадает у духовенства и регулярных членов. Проблема распространения нетрадиционных религий в большей степени беспокоит мусульманское духовенство, чем регулярных членов общин; связана она, по мнению одной пятой части респондентов, с усилением конфликтности в современном российском обществе. В то же время большая часть опрошенных считает, что ограничений для распространения религиозного мировоззрения быть не должно, прозелитизм не является проблемой, а мировоззренческий выбор – частное дело каждого. Подавляющее большинство как духовенства, так и регулярных верующих определяют Россию как особую цивилизацию.

Заключение. Мусульманские религиозные объединения Башкортостана стремятся активно влиять на различные сферы общественной жизни граждан, при этом духовенство в данном вопросе более инициативно; значительная часть имамов и регулярных членов общин поддерживает принцип светскости и положительно оценивает политику государства в отношении религиозных объединений. Духовенство и рядовые верующие – регулярные члены мусульманских общин Башкортостана демонстрируют единство поликультурного пространства современной России.

Ключевые слова: регулярные члены религиозных общин; ислам; Республика Башкортостан; демографические признаки; религиозно-политические взгляды.

Введение. На сегодняшний день Республика Башкортостан представляет собой поликонфессиональный субъект Российской Федерации, на территории которого происходит возникновение и развитие обширного ряда религиозных

организаций. Разнообразные стороны реализации их деятельности приобретают всё большую значимость на федеральном и на региональном уровнях [1], [8], [12], [13]; сферах политики [5], [6]; школьного образования [9]; конфессиональных [2], [11] и этноконфессиональных отношений [4]. В республике представлено около 20 различных религий, деноминаций и религиозных групп. Из них наиболее крупными и многочисленными являются ислам и православие, их объединения составляют более 90 % от общего количества религиозных организаций: около 70 % – мусульманские, 20 % – православные. Протестантские формирования (баптисты, адвентисты, пятидесятники, мормоны и др.) и прочие верования (старообрядцы, буддизм, языческие верования) – около 10 % [3].

В 2020-2021 гг. в рамках тех исследований (AAAA-A18-118042390021-3 «Религии и духовная жизнь в поликультурном пространстве Южного Урала», и AAAA-A21-121012290084-6 «Традиционные религии и новые религиозные движения на Южном Урале и в Приуралье: вопросы функционирования, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений», Институтом этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленным структурным подразделением Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИЭИ УФИЦ РАН)) было осуществлено исследование регулярных членов мусульманских религиозных общин, принадлежащих к двум религиозным организациям, функционирующим на территории Республики Башкортостан: Центральному духовному управлению мусульман России (ЦДУМ России) и Духовному управлению мусульман Республики Башкортостан (ДУМ РБ). Под регулярными членами мы подразумеваем верующих с высокими показателями религиозного поведения и участия в религиозной жизни, численность которых в России, по данным Института социально-политических исследований РАН, составляет около 10 % [10].

Для регулярных членов мусульманских общин характерна реализация следующих аспектов религиозных практик: еженедельное пятничное посещение мечети; стремление к постоянной реализации в своей жизни пяти столпов ислама – шахады (свидетельства о вере в Единого Бога Аллаха и посланническую миссию пророка Мухаммеда), намаза (ежедневного молитвенного цикла из пяти обязательных молитв), уразы (поста), милостыни обязательной (закята) и добровольной (садаки), хаджа (паломничества, связанного с посещением Мекки в определённое время). Для регулярных членов мусульманских общин является также обязательной реализация конфессиональных морально-нравственных установок в повседневной жизни (в семье, на работе, среди друзей и знакомых).

Религиозные общины, на наш взгляд, состоят из двух основных подгрупп, благодаря деятельности которых сама община является устойчивым сообществом – это собственно регулярные члены общины и духовенство (в данном случае – имамы – главы мусульманских общин махалля).

Эмпирический материал, полученный ИЭИ УФИЦ РАН в 2020-2021 гг. в мусульманских общинах Республики Башкортостан, позволил реализовать **цель данного исследования** – выявление и сравнительный анализ спектра демографиче-

ских признаков и религиозно-общественных взглядов представителей этих двух главных подгрупп, составляющих современные мусульманские религиозные общины.

Задачи исследования – выявление и сравнительный анализ социально-демографических характеристик, а также представлений, касающихся государственно-конфессиональных отношений, религиозной политики и месте России в современном цивилизационном обществе, у регулярных членов мусульманских религиозных общин Республики Башкортостан.

Объект исследования – две подгруппы регулярных членов мусульманских общин Республики Башкортостан (собственно регулярные члены и духовенство – имамы); *предмет* – некоторые их демографические признаки и религиозно-общественные взгляды.

Методы. Информация о демографических признаках и религиозно-политических взглядах регулярных членов мусульманских общин Республики Башкортостан была получена методами социологии – опросами верующих посредством анкетирования. Опросы проводились с использованием анкет закрытого типа.

В работе проводится сопоставление двух основных подгрупп мусульманских религиозных общин Башкортостана – собственно регулярных членов общин и духовенства – между собой по ряду параметров, касающихся социально-демографических характеристик, представлений респондентов о некоторых аспектах государственно-конфессиональных отношений, религиозной политики и месте России в системе локальных цивилизаций.

На эмпирическом уровне исследования применялись также общенаучные методы измерения и сравнения. Принципиальным планом исследования была выбрана индуктивная стратегия, реализация которой предполагает обобщение эмпирического материала как модели объяснения исследуемого феномена; методы анализа и синтеза использовались в целях теоретического обобщения эмпирических данных.

Исследование основано на материалах полевых исследований, проведенных отделом религиоведения ИЭИ УНЦ РАН в городах Уфа, Стерлитамак, Салават, Сибай, а также в населённых пунктах сельского типа Бирского, Благовещенского, Белорецкого, Учалинского и других районов Республики Башкортостан; всего было опрошено 273 респондента; количество ответивших на различные вопросы, содержащиеся в анкете, вариабельно; рассматриваемые в работе подгруппы распределены в выборочной совокупности следующим образом: 82,4 % составляют регулярные члены мусульманских религиозных общин (верующие); 17,6 % – духовенство (имамы).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Среди всех опрошенных представителей духовенства 97,7 % составляют мужчины, женщины – только 2,3 %. Наблюдается связь между полом и принадлежностью к лицам духовенства: чаще всего имамами являются мужчины. Объясняется это тем фактом, что, согласно нормам ислама, только мужчины могут быть общественно

активными, а значит, и занимать руководящие должности, в частности и в сфере управления религией.

Среди представителей духовенства нет респондентов в возрасте до 30 лет; 18,4 % опрошенных – представители духовенства в возрасте от 31 до 40 лет; 23,7 % – от 41 до 50 лет; 23,7 % – от 51 до 60 лет; четверть опрошенных – представители мусульманства в возрасте от 61 до 70 лет; старше 70 лет – 2,6 %. Средний возраст верующих составил 47 лет, духовенства – почти 54 года (53,6 года). Результаты исследования демонстрируют, что представители духовенства чаще всего старше верующих. Среди духовенства, в отличие от верующих, отсутствуют лица с начальным и незаконченным средним образованием (меньше 10 классов).

Подавляющее большинство респондентов – 91,1 % составили верующие, рождённые в России; только 8,9 % от всех опрошенных родились в других странах – Азербайджане, Казахстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане; эти данные наглядно демонстрируют, что российский ислам является отечественной религией. Менее половины респондентов родились в сельской местности. Так, только 37,3 % опрошенных являются уроженцами города, остальные респонденты – городские жители, в том числе 4,4 % опрошенных родились в посёлках городского типа, 29,7 % – в сёлах, 28,5 % – в деревнях. Чуть меньше половины имамов – 43,2 % проживают в городе; 57,8 % опрошенных представителей духовенства отметили, что проживают в посёлках городского типа, сёлах или деревнях. Для духовенства имеет место тенденция к перемещению в города.

Как мусульманское духовенство, так и регулярные члены мусульманских религиозных общин в большинстве являются женатыми или замужними в зарегистрированном браке – около 67,2 % опрошенных верующих, чуть больше 88,6 % опрошенных представителей мусульманского духовенства отметили, что состоят в официально оформленных семейных отношениях. Среди представителей духовенства нет неженатых или незамужних респондентов, находящихся в том числе в незарегистрированном браке, а также холостых, то есть в браке не состоящих.

Среди всех опрошенных верующих большую часть – 19,7 % опрошенных верующих занимают респонденты, являющиеся пенсионерами; менее многочисленна группа квалифицированных специалистов, составивших 17,2 % от всех опрошенных верующих; далее – 15,5 % опрошенных верующих являются безработными; 8,4 % – предпринимателями; 7,9 % – служащими; 6,9 % – квалифицированными рабочими; 5,4 % – домохозяйками(ами); 4,4 % – руководителями отдела, группы, проекта, бригады; 6,4 % отметили, что занимают другую должность. Среди опрошенных представителей духовенства наиболее многочисленна группа пенсионеров – 29,5% опрошенных представителей духовенства, затем группа руководителей и служащих, составивших 22,8 % и 20,5 % соответственно от опрошенных представителей духовенства, далее – по 6,8 % являются безработными и предпринимателями.

Среди всех респондентов в выборке в строительной сфере заняты 9,1 %: среди верующих этот показатель составляет 10,9 %, среди духовенства – 0 %. В производстве заняты 15,7 % респондентов, из них: верующих – 17,6 %, имамов – 6,3 %. В образовании, спорте, культуре и науке работают 18,3 % респондентов, из них: 18,8 % представлено верующими, 15,6 % – имамами. В медицине задействованы 6,6 % от-

ветивших, из них: 7,3 % – верующие, 3,1 % – представители духовенства. Бизнесом и торговлей занимаются 11,7 % респондентов, из которых 12,1 % представляют верующих, 9,4 % – имамов. Представителей силовых ведомств в выборке 0,5 %: среди верующих военных и правоохранителей – 0,6 %, среди имамов таковых 0 %. В масс-медиа работают также 0,5 % респондентов: среди верующих их соответственно 0,6 %, среди духовенства – 0 %. Государственными и муниципальными служащими являются 5,1 % опрошенных: среди верующих их 4,2 %, среди имамов – 9,4 %. Позицию «другая» (имеется в виду сфера занятости) выбрали 32,0 % респондентов, из них: 27,3 % верующих и 56,3 % духовенства. Таким образом, мы видим, что более половины имамов (56,3 %) выбрали позицию «другие» – вероятнее всего, тех, для кого религиозная деятельность является основной и единственной сферой занятости; на втором месте по численности – представители духовенства, являющиеся государственными и муниципальными служащими (9,4 %); среди представителей духовенства отсутствуют строители, военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов и работники СМИ.

Как показали данные опросов духовенства и регулярных членов мусульманских объединений, подавляющее большинство верующих (духовенство – 94,6 %, регулярные члены – 79,8 %) признают желательным сотрудничество религиозных организаций с государством. Вместе с тем среди опрошенных мусульман есть и сторонники принципа светскости, считающие, что религиозные организации должны работать только в сфере удовлетворения религиозных потребностей верующих (35,5 % духовенства, 42,5 % регулярных членов) или вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь (15,6 % духовенства, 12,2 % регулярных членов).

Отметим, что рассмотренные в статье аспекты в масштабах населения России, которое было поделено на 4 группы – последователи православия, ислама, внеконфессионально-религиозные лица и атеисты, исследовались в рамках общероссийского опроса Институтом социологии РАН в 2014-2015 гг. Согласно результатам данного института, 30 % россиян (28 % православных, 24 % мусульман, 46 % внеконфессиональных верующих, 42 % атеистов) являются сторонниками крайнего принципа светскости [2].

Среди сфер, в которых деятельность религиозных организаций могла бы быть наиболее позитивной, мусульманское духовенство и верующие Башкортостана на первое место поставили духовно-нравственное воспитание людей (94,7 % – духовенство, 89,7 % – регулярные члены); на второе место – милосердие и благотворительность (73,7 % – духовенство, 71,6 % – регулярные члены); на третье – разрешение межнациональных разногласий (63,2 % – духовенство, 60,8 % – регулярные члены); на четвёртое – сохранение культурного наследия (60,5 % духовенства) и сохранение культурного наследия и образование у регулярных членов (55,7 %).

Изучение оценки государственной конфессиональной политики на федеральном уровне верующими республики показало, что более чем половина опрошенных как духовенства (91,1 %), так и регулярных членов (64 %) считают её позитивной, нейтральной или терпимой.

Стратегическое развитие страны отражают ответы на вопросы из пары суждений: «Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьётся западный

образ жизни» и «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны». Понимание России как особой цивилизации характерно для 93,9 % представителей духовенства и 83,4 % регулярных членов, лишь 6,1 % священнослужителей и 16,6 % регулярных членов поддерживают идею о том, что РФ должна следовать правилам западных стран. В упомянутом исследовании Института социологии РАН особо подчёркивается, что в 2005 – 2015 гг. две трети россиян демонстрируют понимание России как особой цивилизации [7].

Проблема миссионерства и прозелитизма, рассматриваемая как деятельность по распространению и обращению в ту или иную религию лиц исповедующих другую религию, в том числе в регионах, для народов которых данная религия не является традиционной, также рассмотрена в ходе исследования. Согласно мнению духовенства и верующих – регулярных членов религиозных организаций (72,9 %), препятствий для распространения религиозного мировоззрения быть не должно, а мировоззренческий выбор – личное дело каждого. В то же время 20 % респондентов придерживаются точки зрения, согласно которой распространение нетрадиционных религий связано с усилением конфликтности. Большую обеспокоенность этой проблемой демонстрируют представители духовенства – 28,2 %, по сравнению с регулярными членами – 18,1 %.

Заключение. Таким образом, мусульманские религиозные объединения Республики Башкортостан всё более активно стремятся влиять на различные сферы общественной жизни граждан и тем самым выходят «за церковные стены и ограду». При этом духовенство в данном вопросе более активно, согласно опросу 94,6 % его представителей (79,8 % регулярных членов общин) высказались, что сотрудничество религиозных объединений с государственными органами власти желательно. Определяются сферы взаимодействия государственных и религиозных институтов – это духовно-нравственное воспитание людей, милосердие и благотворительность, сфера культуры и сохранения культурного наследия, а также образование. При этом шкала приоритетных направлений государственно-религиозных отношений совпадает у духовенства и регулярных членов. Значительная часть мусульман – духовенство и регулярные члены общин – поддерживают принцип светскости и, в целом, положительно оценивают политику государства в отношении религиозных объединений.

Что касается понимания России как особой цивилизации, ответы респондентов отражают осознание верующими единства поликультурного пространства современной России. Духовенство по сравнению с регулярными членами демонстрирует более высокие показатели в данном вопросе, что вполне закономерно и отражает историко-культурные особенности положения мусульманского духовенства в Башкортостане, где, как известно, после учреждения в 1788 г. Екатериной II Оренбургского магометанского духовного собрания имамы приобрели особый статус, а в дореволюционный период они были наиболее активной и образованной частью религиозных деятелей.

Список литературы

1. Государственно-церковные отношения в России: Курс лекций. Ч. 1, 2 / Отв. ред. Ф. Г. Овсиенко, Н. А. Трофимчук. М.: РАГС. 1995. 170 с.
2. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Ред. кол.: М. П. Мchedlov (отв. ред.), Ю. А. Гаврилов, В. В. Горбунов и др. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Культурная революция. 2009. 400 с.
3. Информация о религиозной ситуации и государственно-конфессиональных отношениях на территории Республики Башкортостан на 01.01.2021 г. [Электронный ресурс] / Глава Республики Башкортостан – URL: <https://glavarb.ru/rus/administration/sovetpogosudarstvenno-konfessionalnim-otnosheniyampriprezidenterb/> (дата обращения 06.09.2021).
4. Кляшев А. Н. Непротестантские религиозные объединения Республики Башкортостан // Известия Уфимского научного центра РАН. Уфа. 2011. № 2. С. 56–63.
5. Мухаметзянова-Дугтал Р. М. Модель государственной политики в современной России // Вестник Московского государственного университета. Сер.: История и политические науки. М. 2011. № 2. С. 220–225.
6. Мухаметзянова-Дугтал Р. М., Кляшев А. Н. Религиозные меньшинства России: теоретико-правовой и социальный аспекты // Вестник Башкирского университета. Уфа. 2010. № 3. С. 776–881.
7. Мchedlova M. M. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110–118.
8. Мировой опыт государственно-церковных отношений. М.: РАГС. 1999. 263 с.
9. Надыршин Т. М. Основы религиозных культур и светской этики в городской школе (по материалам г. Уфы) // Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России: Тез. докл. Москва, 2–5 июля 2013 г. М. 2013. С. 287.
10. Синелина Ю. Ю. Новые тенденции в религиозном сознании и поведении россиян // Вестник московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 81–82.
11. Хабибуллина З. Р. Социальный портрет мусульманского духовенства Башкортостана в начале XXI века // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. / Редкол.: В. А. Тишков и др. Петрозаводск. 2011. С. 148.
12. Юнусова А. Б. Национальная политика и этноконфессиональные процессы в Башкортостане в контексте «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2010 года» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 10 ноября 2011 г.). Уфа. 2011. С. 20–27.
13. Юнусова А. Б. Современные религиоведческие исследования в Башкирии (по материалам Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (2009–2013 гг.)) // Материалы III Международной научно-практической конференции «Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований» (North Charleston, USA, 13–14 марта 2014 г.). CreateSpace 4900 LaCross Road, North Charleston, SC, USA. 2014. Т. 1. С. 18–39.

Авторская справка

МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГТАЛ Регина Массаровна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.
E-mail: mdregm@yandex.ru

КЛЯШЕВ Александр Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленного структурного

подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.

E-mail: ak1168@mail.ru

МУХАМАДЕЕВА Регина Равиловна, младший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия.

E-mail: _murr_@list.ru

UDC 39

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.56

MUSLIMS OF BASHKORTOSTAN AT THE MODERN STAGE: MUSLIM SPIRITS AND REGULAR COMMUNITIES

R. M. Mukhametzhanova-Duggal, A. N. Klyashev, R. R. Mukhamadeeva

R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa (Russia)

Article is prepared within the IEI UFIC RAS state task «Traditional religions and new religious movements in South Ural and in Cisural area: issues of functioning, state and confessional and interfaith relations» No. AAAA-A21-121012290084-6.

Introduction. This work identifies and comparatively analyzes the spectrum of demographic characteristics and religious and social views of representatives of the two main subgroups that make up modern Muslim religious communities - regular members and clergy (imams).

Methods. The empirical materials used in this article were collected using the method of sociology - interviewing using closed questionnaires; the authors used an inductive strategy, as well as methods of measurement, comparison, analysis and synthesis.

Results. It was revealed that among the representatives of the clergy there are no builders, military personnel, law enforcement officers and media workers; representatives of the clergy are more actively advocating cooperation between religious associations and state authorities. The respondents define the spheres of interaction between state and religious institutions: spiritual and moral education of people, charity, culture and education. The definition of the priority areas of state-religious relations is the same for the clergy and regular members. The problem of the spread of non-traditional religions worries the Muslim clergy more than the regular members of the communities; it is connected, in the opinion of one fifth of the respondents, with the intensification of conflicts in modern Russian society. At the same time, most of the respondents believe that there should be no restrictions on the spread of religious worldview, proselytism is not a problem, and ideological choice is a private matter for everyone. The overwhelming majority of both clergy and regular believers define Russia as a special civilization.

Conclusion. Muslim religious associations of Bashkortostan strive to actively influence various spheres of public life of citizens, while the clergy are more proactive in this matter; a significant part of imams and regular members of communities support the principle of secularism and positively assess the state's policy

Kongress etnografov i antropologov Rossii: Tezisy dokladov. Petrozavodsk, 4–8 iyulya 2011 g. Petrozavodsk. 2011. P. 148.

12. Junusova A.B. The national policy and ethno-confessional processes in the Republic of Bashkortostan in the context of the «Russian National Security Strategy until 2010» [Natsional'naya politika i etnokontsional'nye protsessy v Bashkortostane v kontekste «Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2010 goda»]. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ufa, 10 noyabrya 2011 g.). Ufa. 2011. Pp. 20–27.

13. Junusova A. B. Modern Religious Studies in Bashkiria (based on the Institute of Ethnological Studies named R.G. Kuzeev Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences (2009–2013) [Sovremennyye religiovedcheskie issledovaniya v Bashkirii (po materialam Instituta etnologicheskikh issledovaniy im. R. G. Kuzeeva Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN (2009–2013 gg.))].

Author's Bio

MUKHAMETZYANOVA-DUGGAL Regina Massarovna, Doctor of Political Science, Chief Researcher of the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

E-mail: mdregm@yandex.ru

KLYASHEV Alexander Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Research of the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

E-mail: ak1168@mail.ru

MUKHAMADEEVA Regina Ravilevna, junior researcher of the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies - Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

E-mail: _murr_@list.ru

Библиографическая ссылка

Мухаметзянова-Дуггал Р. М., Кляшев А. Н., Мухамадеева Р. Р. Мусульмане Башкортостана на современном этапе: мусульманское духовенство и регулярные члены общин // SocioTime / Социальное время. 2021. № 4 (28). С. 56 – 65.

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.56

УДК 316

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.66

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ КНР И КПК (2013 – 2021 ГГ.)

Н. Б. Помозова*Российский государственный гуманитарный университет, Москва (Россия)*

Введение. В статье анализируются некоторые социологические тенденции динамики кадровой политики руководства КНР и КПК, которые, в свою очередь, позволяют сделать выводы об изменении социально-политических приоритетов страны. В условиях замедляющегося экономического роста, а также в контексте стоящих перед руководством КНР задач, в том числе сохранения политической стабильности внутри страны и закреплении её лидерства на международной арене, в качестве основы государственной и партийной кадровой политики был выбран принцип меритократии, который, согласно представлениям западных социологов, и является залогом успешного развития общества.

Методы. Основу исследования составляют анализ биографических и социологических данных, а также методология, предложенная Д. Бэллом, М. Вебером, К. Дэвисом, У. Муром, Т. Парсонсом.

Основные идеи, полученные результаты и их обсуждение. Переход от технократии к меритократии, усилившийся с приходом к власти Председателя КНР, Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, выглядит логичным в условиях произошедшего в XX в. экономического и технологического скачка Китая и его очевидного намерения занять лидирующие позиции на международной арене. Новый статус КНР предполагает необходимость не только грамотного управления, но и важность осмысления происходящих с Китаем перемен, что обуславливает назначение на руководящие государственные и партийные посты преимущественно людей с гуманитарным образованием, полученным в ведущих китайских и зарубежных вузах. Повышенное внимание к качеству человеческого капитала как в стране в целом, так и среди членов КПК и её руководства, свидетельствует о стремлении элиты на практике разделять общие ценности с народом, с одной стороны, и повысить эффективность работы партийных кадров, их соответствие стоящим перед страной задачам – с другой.

Заключение. Анализ тенденций динамики кадровой политики КНР показал, что стремительное развитие Китая и продиктованные им новые задачи как в области внутренней (поддержание легитимности КПК), так и внешней (международное лидерство) политики, обусловили выбор меритократии в качестве принципа функционирования государственной и партийной кадровой политики.

Ключевые слова: КНР; КПК; меритократия; социология человеческого капитала; кадровая политика.

Введение. Успехи развития Китая в XXI в. обуславливают повышенный интерес международного научно-экспертного сообщества к различным аспектам трансформационных процессов в КНР. Образование, профессиональная подготовка и опыт работы китайской правящей элиты являются важнейшими индикаторами социально-экономических и политических трансформаций в стране. Изучая тенденции кадровых изменений на руководящих постах КНР с точки зрения их профессиональных качеств, можно сделать выводы о приоритетах политического курса Китая. Данной теме посвящены многие работы зарубежных авторов, среди которых Чэн Ли, А. Брар, Н. Грюнберг, К. Вэслинг и др. Между тем, явно не хватает отечественных социологических исследований тенденций современной кадровой политики руководящей элиты КНР, а также членов КПК.

Социологическим аспектам теории меритократии посвящён ряд работ таких учёных, как М. Янг, Т. Парсонс, Д. Белл, К. Дэвис, У. Мур и других.

Так, автор теории структурного функционализма Т. Парсонс [15] представляет общество как совокупность разделяющих его структур, каждая из которых наделена определённым функционалом. Индивиды, вступающие во взаимодействие в рамках этих структур, наделены ролями и статусами. Общество меритократии рассматривается учёным как общество, в котором правящая элита имеет свой статус благодаря талантам, умственным способностям и достижениям, а не получает его по праву рождения. В современном Китае такой подход рассматривается как основополагающий в области государственной и партийной кадровой политики, что продиктовано необходимостью поступательного развития страны, управления ею в условиях неизбежного замедления экономического роста и сохранением политической стабильности.

Методы. Помимо анализа теоретических трудов зарубежных авторов, посвящённых проблеме меритократии, был применён метод анализа биографических, а также социологических данных. Для исследования заявленной проблематики была использована методология Д. Бэлла, М. Вебера, К. Дэвиса, У. Мура, Т. Парсонса.

Основные идеи, полученные результаты и их обсуждение. В начале 1980-х гг. под руководством Дэн Сяопина количество членов КПК насчитывало около 40 млн. человек [7]. В этот период было принято решение наделить партию новой легитимностью посредством назначений на руководящие посты людей различных сословий и рода занятий. Начиная с конца 1990-х – начала 2000-х гг. в кадровой политике руководящих партийных органов Китая возобладала тенденция назначения технократов на ключевые посты. Так, состав руководящих кадров во времена правления третьего и четвёртого поколения лидеров Китая характеризовался преобладанием инженеров, ставших политиками. Генеральный секретарь ЦК КПК (1989–2002 гг.), Председатель КНР (1993–2003 гг.) Цзянь Цзиньминь, Премьер-министр КНР Ли Пэн (1988–1998 гг.), Премьер Госсовета КНР (1998–2003 гг.), член ПК ПБ ЦК КПК (1992–2002 гг.) Чжу Жунцзи, Генеральный секретарь ЦК КПК (2002–2012 гг.), Председатель КНР (2003–2013 гг.) Ху Цзиньтао, Премьер-министр КНР (2003–2013 гг.), член ПК ПБ ЦК КПК Вэнь Цзябао, Заместитель Председателя КНР (2003–2008 гг.), член ПК ПБ ЦК КПК (2002–2007 гг.) Цзэн Цинхун – все они по образованию инженеры. Из семи членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 15-го созыва (1997–2002 гг.) шестеро имели инженерное образование, один работал архитектором. Эта тенденция была характерна и для 16 созыва (2002–2007 гг.), все члены ПК ПБ ЦК КПК которого были инженерами по образованию [10; с. 1-2].

В декабре 2003 г. впервые с момента образования КНР прошла конференция, организованная ЦК КПК и Госсоветом, посвящённая кадровой политике, на которой Председатель Ху Цзиньтао выступил с речью и обратил внимание на то, что человеческий капитал является стратегически важной основой развития КПК и государства в целом [5]. По итогам конференции была принята стратегия по усилению Китая посредством развития человеческого капитала, где совершенствование кадровой политики рассматривалось не только с позиции повышения конку-

рентоспособности Китая на международной арене, но и в качестве консолидирующего фактора руководства КПК [28].

Переход формирования политической элиты из представителей преимущественно различных рабочих профессий в начале 1980-х гг. к технократам в конце 1990-х – начале 2000-х гг. означал взятие курса на активное экономическое и технологическое развитие страны. Показательно исследование американского эксперта в области элитологии Китая Чэн Ли о тенденциях изменений кадрового состава руководителей провинций КНР [Ibid.], которых учёный рассматривает в качестве будущих ключевых кадров Республики в различных областях. Чэн Ли отмечает три важных тренда, которыми характеризовалась кадровая политика на уровне руководства провинций в начале 2000-х гг. Во-первых, в сравнении с началом 1980-х гг., повысился общий уровень образованности – число руководителей провинций КНР, имеющих среднее специальное образование, выросло с 20 % до 98 %. Во-вторых, несмотря на то что количество кадров с инженерным и естественно-научным образованием продолжало доминировать, инженеров стало меньше. Так, в 1997 г. 70 % провинциальных партийных секретарей были технократами (то есть людьми с высшим инженерным образованием и соответствующим опытом работы). Эта же тенденция была характерна и для губернаторов провинций. В период с 2001 по 2003 гг. количество инженеров среди руководителей провинций уменьшилось с 62,9 % до 37,1 %. При этом увеличилось количество экономистов и представителей гуманитарных наук. В-третьих, к 2003 г. значительно увеличилось количество кадров, получивших образование за рубежом (преимущественно США и страны Европы) – такие кадры присутствовали в составе каждой администрации провинциального уровня.

Ещё одно исследование Чэн Ли, посвящённое кадрам, получившим высшее образование за рубежом и занимавшим руководящие посты в КНР, сфокусировано на человеческом капитале, имеющем зарубежное образование. В качестве фокус-группы были выбраны члены ЦК КПК 16-го созыва (2002 – 2007 гг.), руководство 28 министерств Госсовета (министры, заместители министров и помощники министров), руководство 31 провинции Китая (секретари КПК и их заместители, а также губернаторы и их заместители). На основании социологических данных автор делает вывод о том, что процент людей с высшим образованием, полученным за рубежом, среди представителей руководства министерств и провинций мал. Такие кадры находят применение на руководящих постах образовательных, научных структур, аналитических центров, организаций, связанных с международными отношениями и международной торговлей. Наиболее популярным на тот период направлением для получения дополнительного образования за рубежом являлись США (43,9 %), Великобритания (19,7 %), Франция (6,1 %), Германия (6,1 %) и Япония (6,1 %). Чэн Ли резюмирует, что несмотря на риторику Ху Цзиньтао и высказывания о необходимости инвестировать в подготовку, трудоустройство и эффективное использование талантов, в том числе из числа тех, кто получил образование за рубежом, такие кадры среди высшего руководства КПК составили только 4,5 % [9].

Представления американского социолога Д. Бэлла о прогрессирующем обществе неразрывно связано с понятием меритократии, которая рассматривается учёным как возможность побороть бюрократию и эволюционировать к более совершенной форме общества. Для этого необходимо создать равные возможности для реализации талантов без привилегий классового характера, что сказалось бы на развитии общества позитивно [2; с. 30–68].

Современный американский философский подход к меритократии нашёл отражение в монографии профессора Гарвардского университета М. Санделя «Тирания меритократии. Что стало с общим благом?» [17], который рассматривает личный академический и профессиональный успех с точки зрения моральных ценностей. По мнению учёного, меритократия, воспринимаемая в качестве блага и вектора созидательного развития общества, не учитывает интересы той части социума, которая обладает меньшими доходами и статусом в отсутствии моральной поддержки, так как общество понимает такое положение дел как неудачу и их личную вину.

Такой подход отчасти перекликается с идеями классика британской социологии М. Янга, который, собственно, ввёл термин «меритократия» в научный оборот. Социолог, наряду с достоинствами данной модели развития общества, видит и некоторые недостатки. В частности, по мнению учёного, к недостаткам относится дискриминация тех, кто не имеет талантов и не отличается выдающимися способностями, знаниями и умением их применять на практике [17].

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 г. внимание к образованию в Китае в целом усилилось [3]. М. Огунниран отмечает, что, начиная с 18-го съезда КПК, Си выдвинул целый ряд новых идей о реформе образования, призвав тех, кто работает в данной сфере, сконцентрироваться на 9 областях: работа под руководством партии; нравственное воспитание как фундамент образования; определение приоритетов развития образования; развитие образования в духе социализма; развитие образования с китайской спецификой; ориентация кадров на прогресс; углубление образовательной реформы и инноваций; достижение цели возрождения китайской нации; внимание к повышению квалификации учителей [14].

М. Вебер определял аффективные и ценностно-рациональные мотивы, а также веру в легитимность, как условия господства наравне с целерациональными мотивами. «Никакое господство, как показывает опыт, по своей воле не довольствуется только материальными или только аффективными, или только ценностно-рациональными мотивами как шансами на своё дальнейшее существование» [23; с. 32], что вполне приложимо и к ситуации в современном Китае. Уделяя внимание повышению качества образования в китайском обществе в целом, руководство страны делает ставку на упрочение своей легитимности, в том числе посредством общих с народом ценностей.

Си Цзиньпин неоднократно подчёркивал, что ключ к развитию Китая – это партия, кадры и таланты людей: «Соревнование за всеобъемлющую национальную мощь – это, по сути, соревнование за таланты» [26].

Такой подход, характеризующийся повышенным вниманием к уровню и качеству образования, получил отражение и в подборе партийных кадров, причём он стал характерен как для рядовых её членов, так и для высшего руководства.

Согласно теории К. Дэвиса и У. Мура, только наиболее способные и талантливые кадры должны наделяться управленческой функцией. И чем выше статус и ответственность у этой функции, тем жёстче должен быть отбор. Учёные рассматривают социальное неравенство (повышенное финансовое вознаграждение) как единственный способ, помимо физического принуждения, привлечь интеллектуально выдающихся, талантливых людей на наиболее важные должности. Другими словами, для успешного функционирования общества, его развития необходимо наличие социальных страт и соответствующей им оплаты труда [8].

Если в 2008 г. 41 % министров имел образование в области инженерии или естественных наук, то в 2013 г. это количество уменьшилось до 12 % [1]. Четверо из семи членов ПК ПБ ЦК КПК 19-го созыва имеют высшее образование в области социальных и гуманитарных наук. 45 из 203 членов ЦК КПК имеют степень Ph. D. (из них три члена ПБ и два члена ПК ПБ – Предатель КНР Си Цзиньпин и Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян). Большинство членов ЦК КПК по образованию юристы, экономисты и представители прочих гуманитарных наук, получившие высшее образование в лучших вузах Китая, только шесть из них получили дополнительное образование за рубежом [4].

В 1979 г. Си Цзиньпин окончил химико-технологический факультет университета Цинхуа, а в 2002 г. получил степень Ph. D. в Институте гуманитарных и социальных наук Университета Цинхуа по специальности «марксистская теория и идейно-политическое воспитание» [22]. Премьер-министр КНР Ли Кэцян в 1982 г. окончил юридический факультет Пекинского университета. Его научным руководителем был профессор Гун Жуйсян, один из немногих, получивших образование в Великобритании. В 1994 г. там же получил степень Ph. D. в области экономики [19] и считается самым высокообразованным Премьером Госсовета с момента основания КНР в 1949 г.

Член ПК ПБ ЦК КПК Ван Хунин имеет академический бэкграунд и репутацию одного из наиболее выдающихся современных интеллектуалов КНР. Он является одним из ведущих авторов целого ряда крупнейших политических концепций (в том числе «китайской мечты» и «Пояса и пути»). В 1981 г. защитил магистерскую диссертацию на факультете Международной политики Фуданьского университета. Хотя Ван не имеет дополнительного образования, полученного за рубежом, с августа 1988 г. по февраль 1989 г. работал в США в качестве приглашённого учёного [18].

Член ПБ ЦК КПК Лю Хэ, в зону ответственности которого входит ведение торговых сделок с США, в 1983 г. окончил экономический факультет Народного университета в Пекине и получил диплом в области управления производственной экономикой. В 1986 г. в этом же университете защитил магистерскую диссертацию. В 1995 г. получил степень M. D. в области публичного администрирования в Гарвардском университете [21].

По мнению Чэн Ли, и Ван Хунин, и Лю Хэ, имеющие академический бэкграунд и работавшие в аналитических центрах Китая, попали в ближайшее окружение Си Цзиньпина благодаря своим выдающимся способностям (они никогда не занимали руководящих должностей в провинциях) [10]. Кроме очевидной тенденции к меритократии, факт их появления в ряду «большой семёрки» свидетельствует о том, что Си готов привлекать к управлению Китаем кадры с опытом работы в ведущих аналитических центрах.

Несмотря на то, что остальные члены ПК ПБ ЦК КПК не имеют дополнительного образования, полученного за рубежом, все они – выпускники ведущих вузов Китая. Так, Секретарь Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины Чжао Лэцзи изучал философию в Пекинском университете, Председатель постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) Ли Чжаньшу изучал экономику и политические науки в университетах Харбина и Хэбэй, Заместитель Премьера Госсовета КНР Хань Чжэн обучался политологии в Фуданьском университете и международным отношениям и экономике (степень магистра) в Восточно-китайском педагогическом университете (Шанхай) [20].

С приходом к власти Си Цзиньпина в кадровой политике рядовых членов КПК также произошли изменения, позволяющие сделать некоторые выводы о тенденциях социально-политического развития Китая.

В период, когда Ху Цзиньтао занимал пост Генерального секретаря ЦК КПК (2002–2012 гг.), количество членов партии ежегодно росло примерно на 2,4 %, а в 2012 г. темпы роста составили 3,1 %, в результате чего за 10 лет количество членов партии увеличилось с 68,2 млн. до 85, 1 млн. человек. За первые пять лет нахождения Си Цзиньпина у власти эта тенденция изменилась – ежегодный прирост членов партии падал в среднем на 1 % [13]. Так, например, из 19 млн. заявок на вступление в КПК, поданных в 2019 г., в партию были приняты только 9 млн. человек [11]. Выступая перед членами Политбюро КПК в январе 2013 г., Си Цзиньпин призвал контролировать численность, улучшать качество кадров и эффективность их работы» [24]. На конференции по национальной организационной работе Си Цзиньпин подчеркнул: «Нам не нужно ни одного члена партии, которые не обладают достаточной квалификацией в политике, а преследуют лишь собственную выгоду» [25].

Наблюдатели отмечают, что это не только лозунги – по сравнению с эпохой четвёртого поколения китайских руководителей, действительно значительно усилились партийный контроль и количество взысканий за нарушение партийной дисциплины [28]; члены КПК теперь обязаны уделять больше времени обучению [5].

Результатом такой политики стало качественное изменение состава КПК. В период Ху Цзиньтао доля новых членов партии, имеющих хотя бы неполное высшее образование, составляла 31,6 %, а к 2020 г. – 41,3 %. В 2019 г. доля студентов вузов среди новых партийцев равнялась 36 %, а количество представителей рабочих профессий при этом стабильно снижается – с 41,5 % в 2007 г. до 34,8 % в 2019 г. [14]. В 2019 г. доля новых членов партии с высшим образованием составила 50,7 %, увеличившись на 10,7 % по сравнению с 2012 г. [11].

Закключение. Анализ некоторых тенденций развития кадровой политики на руководящих государственных и партийных постах в КНР в период пятого поколения китайских руководителей позволяет заключить следующее:

- во-первых, кадровая политика Си Цзиньпина демонстрирует поворот к меритократии, которая рассматривается многими западными социологами (Т. Парсонс, Д. Белл, К. Дэвис, У. Мур) как необходимое условие созидательного и успешного развития общества;

- во-вторых, если в начале 1980-х гг. в кадровой политике Китая превалировала тенденция назначения на руководящие посты представителей различных сословий и профессий, то к концу 1990-х на ключевых должностях стали превалировать технократы – люди с инженерным образованием и соответствующим опытом работы, что было обусловлено курсом страны на экономическое и технологическое развитие. Начиная с 2013 г., в госаппарате КНР, а также в КПК, в том числе на высших руководящих постах (Постоянный комитет Политбюро), стали преобладать кадры с гуманитарным образованием. И эти изменения оправдали себя, что подтверждается стремительным развитием Китая во многих областях и появившейся в этой связи необходимостью эти изменения теоретически осмысливать, что является прерогативой представителей гуманитарных профессий;

- в-третьих, хотя этот курс разработал не Си Цзиньпин (с 2001 по 2003 гг. пропорция инженеров и гуманитариев среди руководителей провинций КНР увеличивалась в пользу последних), тем не менее, начиная с 2013 г. он его значительно укрепил. Так, ПК ПБ ЦК КПК 15-го и 16-го созывов практически полностью состоял из профессиональных инженеров, в то время как в его нынешнем составе превалируют представители гуманитарных профессий;

- в-четвёртых, несмотря на то, что количество кадров, получивших дополнительное образование за рубежом, среди представителей партийного и государственного руководства остаётся небольшим, в действующем составе ПК ПБ ЦК КПК один его член – Лю Хэ обучался в Гарварде, Ван Хунин имел опыт работы в качестве приглашённого учёного в Калифорнийском университете, а Ли Кэцян изучал юриспруденцию под научным руководством профессора Гун Жуйсяна, получившего образование в Великобритании;

- в-пятых, Си Цзиньпин уделяет повышенное внимание качеству образования не только членов КПК и её руководства, но и граждан КНР в целом, что позволит достичь ситуации, когда народные массы и правящая элита будут разделять общие ценности, то есть условия, согласно теории М. Вебера, необходимого для легитимизации такой элиты;

- в-шестых, начиная с 2013 г. количественно и качественно меняется состав членов КПК. При том что членство в партии остаётся необходимым условием для успешной карьеры и интерес к ней со стороны китайского общества стабильно высок, усиление контроля за дисциплиной и повышенные требования к новым членам привели к снижению их прироста приблизительно на 1 % в год. Особое внимание уделяется уровню образования членов КПК. Доля новых членов с высшим образованием в 2019 г. превысила половину новых членов КПК, в то время как количество представителей рабочих профессий постоянно снижается.

Список литературы

1. Aadil B. China's top two leaders have doctoral degrees. In CCP, education also decides political power. The Print. 23.06.2021. Available at: <https://theprint.in/opinion/eye-on-china/chinas-top-two-leaders-have-doctoral-degrees-in-ccp-education-also-decides-political-power/682617/> Accessed on: 13.07.2021.
2. Bell B. On meritocracy and equality \ National Affairs. № 48.2021. Pp. 29–68.
3. Cao Desheng. Xi calls on building China into education powerhouse. Available at: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201809/11/WS5b96c0eda31033b4f4655422.html>. Accessed on: 14.07.2021.
4. CCP Elite. China Datalab. Available at: <http://chinadatalab.ucsd.edu/elites/> Accessed on: 13.07.2021.
5. China daily. China strives to bolster human resources development. 21.12.2003. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/en/doc/2003-12/21/content_292190.htm Accessed on: 13.07.2021.
6. Huang Z. China's most popular app is a propaganda tool teaching Xi Jinping Thought. Available at: <https://www.scmp.com/tech/apps-social/article/2186037/chinas-most-popular-app-propaganda-tool-teaching-xi-jinping-thought>. Accessed on: 14.07.2021.
7. Joining China's Communist Party: how and why so many people do it, 'secret' members and expulsion. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3134071/why-do-so-many-people-join-communist-party-china>. Accessed on: 13.07.2021.
8. Kingsley D., Moore W. (1970 [1945]). «Some principles of stratification». American Sociological Review. 10 (2), 242–9.
9. Li C. China Leadership Monitor, No.16. The Status and Characteristics of Foreign-Educated. Returnees in the Chinese Leadership. 2005. 21 p.
10. Li C. China Leadership Monitor, No.8. Educational and Professional Backgrounds of Current Provincial Leaders. 19 p.
11. Li C., Xu L. Chinese Think Tanks: A New «Revolving Door» for Elite Recruitment. Available at: <https://www.chinausfocus.com/society-culture/chinese-think-tanks-a-new-revolving-door-for-elite-recruitment>. Accessed on: 13.07.2021.
12. Merics. Who is the CCP? China's Communist Party in infographics. Available at: <https://merics.org/en/short-analysis/who-ccp-chinas-communist-party-infographics>. Accessed on: 14.07.2021.
13. Neil T. Members Only: Recruitment Trends in the Chinese Communist Party. 15.07.2020. Available at: <https://macropolo.org/analysis/members-only-recruitment-trends-in-the-chinese-communist-party/>. Accessed on: 14.07.2021.
14. Ogunniran M. The opening-up of education in the new era: Communist Party of China (CCP) and the Central Committee. 13.05.2020. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00131857.2020.1762290>. Accessed on: 14.07.2021.
15. Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Prentice Hall; 1st edition. 1966. 120 p.
16. Sandel M. The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good? Farrar, Straus and Giroux. 288 p.
17. Young M. Looking Back on Meritocracy. 1994. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-923X.2006.00782.x> Accessed on: 14.07.2021.
18. Биография Ван Хунина. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E7%8E%8B%E6%B2%AA%E5%AE%81/2877069?fi=aladdin>. Дата доступа: 13.07.2021.
19. Биография Ли Кэяна. Режим доступа: <https://tass.ru/encyclopedia/person/li-kecyan>. Дата доступа: 13.07.2021.
20. Биография Ли Чжаньпу. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E9%9F%A9%E6%AD%A3/259072>. Дата доступа: 13.07.2021; Биография Чжао Лэцзи. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E8%B5%B5%E4%B9%90%E9%99%85/628206>. Дата доступа: 13.07.2021; Биография Хань Чжэна. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E9%9F%A9%E6%AD%A3/259072>. Дата доступа: 13.07.2021.
21. Биография Лю Хэ. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E5%88%98%E9%B9%A4/70324>. Дата доступа: 13.07.2021.
22. Биография Си Цзиньпина. Режим доступа: <https://tass.ru/encyclopedia/person/si-czinpın>. Дата доступа: 13.07.2021.

23. Вебер М. Типы господства // Личность. Культура. Общество. Вып. 1 (40). 2008. 31–47 с.
24. 习近平主持会议部署加强新形势下党员发展管理工作. Xijiping zhuchi huiyi bushu jiaqiang xin xingshi xia dangyuan fazhan guanli gongzuo. Си Цзиньпин чжучи хуэйи бупу цзяцян синь синши ся данюань фажжань гуанли гуңцзо. [Си Цзиньпин председательствовал на встрече с членами Политбюро КПК и обратил внимание на необходимость усиления развития и управления членами партии в новой ситуации]. Режим доступа: http://www.gov.cn/ldhd/2013-01/28/content_2321165.htm. Дата доступа: 14.07.2021.
25. 习近平在全国组织工作会议上的讲话. Xi Jinping zai quanguo zuzhi gongzuo huiyi shang de jianghua. Си цзиньпин цзай цюаньго цзучжи гуңцзо хуэйи шан дэ цзянхуа. [Выступление Си Цзиньпина на конференции по национальной организационной работе. 3.07.2018]. Режим доступа: <http://www.12371.cn/2018/09/17/ART11537150840597467.shtml>. Дата доступа: 14.07.2021.
26. 习近平就深化人才发展体制机制改革作出重要指示. Xi Jinping jiu shenhua rencai fazhan tizhi jizhi gaige zuochu chong yao zhishi. Си цзиньпин цзю шэньхуа жэньцай фажжань тичжи цзичжи гайтэ цзочу чун яо чжиши. [Си Цзиньпин дал важные поручения по углублению реформы системы и механизмов развития талантов]. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-05/06/c_1118820251.html. Accessed on: 14.07.2021.
27. 胡锦涛：我国将大力实施人才强国战略. Hu Jintao: wo guo jiang dali shishi rencai qiangguo zhanlue. Ху цзиньтао: во го цзян дали шиши жэньцай цянго чжаньлуэ. [Ху Цзиньтао: моя страна будет активно реализовывать стратегию укрепления страны талантами]. Режим доступа: <http://news.sina.com.cn/c/2003-12-20/23031390648s.shtml>. Дата доступа: 20.12.2003.
28. 赵乐际在十九届中央纪委五次全会上的工作报告. Zhao Yueji zai shijiu jie zhongyang jiwei wu ci quanhuishang de gongzuo baogao. Чжаоюэцзи цзай шицзю цзе чжунянь цзивэй у цы цюаньхуэй шан дэ гуңцзо баогэо. [Отчёт о работе Чжао Лэцзи на пятом пленарном заседании 19-й Центральной комиссии по проверке дисциплины]. Режим доступа: <https://www.ccdi.gov.cn/xxgk/hyzl/index.html>. Дата доступа: 14.07.2021.

Авторская справка

ПОМОЗОВА Наталья Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры Современного Востока Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
E-mail: promozova@mail.ru

UDC 316

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.66

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF THE HUMAN RESOURCES POLICY OF THE PRC AND THE CPC (2013 - 2021)

N. B. Pomozova

Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia)

Introduction. The article analyzes some sociological trends in the dynamics of the personnel policy of the leadership of the PRC and the CPC, which, in turn, make it possible to draw conclusions about the change in the country's socio-political priorities. In the context of slowing economic growth, as well as in the context of the tasks facing the leadership of the PRC, including the preservation of political stability within the country and the consolidation of its leadership in the international arena, the principle of meritocracy was chosen as the basis of the state and party HR policy, which is considered by Western sociologists, to be the key to the successful development of society.

Methods. The research is based on the analysis of biographical and sociological data, as well as the methodology proposed by D. Bell, M. Weber, K. Davis, W. Moore, T. Parsons.

Results. The transition from technocracy to meritocracy, intensified with the coming to power of the President of the PRC, General Secretary of the CPC Central Committee Xi Jinping, looks logical in the context of China's economic and technological leap and its apparent intention to take the lead in the international

arena. The new status of the PRC implies the need not only for competent management, but also the importance of understanding the changes taking place in China, which determines the appointment to leading state and party posts mainly of people with a liberal arts education received in leading Chinese and foreign universities. The increased attention to the quality of human capital both in the country as a whole, and among the members of the CPC and its leadership, testifies to the desire of the elite to share common values with the people, on the one hand, and to increase the efficiency of the work of party cadres, their compliance with the tasks facing the country, on the other hand.

Conclusion. An analysis of the trends in the dynamics of the PRC's HR policy showed that the rapid development of China and the new tasks dictated by it in the field of domestic (maintaining the CCP's legitimacy) and foreign (international leadership) politics, determined the choice of meritocracy as the principle of functioning of the state and party HR policy.

Keywords: PRC; CPC; meritocracy; sociology of human capital; human resources policy.

References

1. Aadil B. China's top two leaders have doctoral degrees. In CCP, education also decides political power. The Print. 23.06.2021. Available at: <https://theprint.in/opinion/eye-on-china/chinas-top-two-leaders-have-doctoral-degrees-in-ccp-education-also-decides-political-power/682617/> Accessed on: 13.07.2021.
2. Bell B. On meritocracy and equality \ National Affairs. № 48. 2021. Pp. 29–68.
3. Cao Desheng. Xi calls on building China into education powerhouse. Available at: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201809/11/WS5b96c0eda31033b4f4655422.html>. Accessed on: 14.07.2021.
4. CCP Elite. China Datalab. Available at: <http://chinadatalab.ucsd.edu/elites/> Accessed on: 13.07.2021.
5. China daily. China strives to bolster human resources development. 21.12.2003. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/en/doc/2003-12/21/content_292190.htm Accessed on: 13.07.2021.
6. Huang Z. China's most popular app is a propaganda tool teaching Xi Jinping Thought. Available at: <https://www.scmp.com/tech/apps-social/article/2186037/chinas-most-popular-app-propaganda-tool-teaching-xi-jinping-thought>. Accessed on: 14.07.2021.
7. Joining China's Communist Party: how and why so many people do it, 'secret' members and expulsion. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3134071/why-do-so-many-people-join-communist-party-china>. Accessed on: 13.07.2021.
8. Kingsley D., Moore W. (1970 [1945]). «Some principles of stratification». American Sociological Review, 10 (2), 242–9.
9. Li C. China Leadership Monitor, No.16. The Status and Characteristics of Foreign-Educated. Returnees in the Chinese Leadership. 2005. 21 p.
10. Li C. China Leadership Monitor, No.8. Educational and Professional Backgrounds of Current Provincial Leaders. 19 p.
11. Li C., Xu L. Chinese Think Tanks: A New «Revolving Door» for Elite Recruitment. Available at: <https://www.chinausfocus.com/society-culture/chinese-think-tanks-a-new-revolving-door-for-elite-recruitment>. Accessed on: 13.07.2021.
12. Merics. Who is the CCP? China's Communist Party in infographics. Available at: <https://merics.org/en/short-analysis/who-ccp-chinas-communist-party-infographics>. Accessed on: 14.07.2021.
13. Neil T. Members Only: Recruitment Trends in the Chinese Communist Party. 15.07.2020. Available at: <https://macropolo.org/analysis/members-only-recruitment-trends-in-the-chinese-communist-party/>. Accessed on: 14.07.2021.
14. Ogunniran M. The opening-up of education in the new era: Communist Party of China (CCP) and the Central Committee. 13.05.2020. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00131857.2020.1762290>. Accessed on: 14.07.2021.
15. Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Prentice Hall; 1st edition. 1966. 120 p.
16. Sandel M. The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good? Farrar, Straus and Giroux. 288 p.
17. Young M. Looking Back on Meritocracy. 1994. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-923X.2006.00782.x> Accessed on: 14.07.2021.

18. Biography of Wang Huning. Available at: <https://baike.baidu.com/item/%E7%8E%8B%E6%B2%AA%E5%AE%81/2877069?fr=aladdin>. Accessed on: 13.07.2021.
19. Biography of Li Keqiang. Available at: <https://tass.ru/encyclopedia/person/li-keqian>. Accessed on: 13.07.2021.
20. Biography of Li Zhanshu. Available at: <https://baike.baidu.com/item/%E9%9F%A9%E6%AD%A3/259072>. Дата доступа: 13.07.2021; Биография Чжао Лянци. Accessed on: <https://baike.baidu.com/item/%E8%B5%B5%E4%B9%90%E9%99%85/628206>. Дата доступа: 13.07.2021; Биография Хань Чжэна. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E9%9F%A9%E6%AD%A3/259072>. Дата доступа: 13.07.2021.
21. Biography of Liu He. Available at: <https://baike.baidu.com/item/%E5%88%98%E9%B9%A4/70324>. Accessed on: 13.07.2021.
22. Biography of Xi Jinping. Available at: <https://tass.ru/encyclopedia/person/si-czinpin>. Accessed on: 13.07.2021.
23. Weber M. Tipy gospodstva // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. Vyp. 1 (40). 2008. Pp. 31–47.
24. 习近平主持会议部署加强新形势下党员发展管理工作. Xi Jinping zhuchi huiyi bushu jiaqiang xin xingshi xia dangyuan fazhan guanli gongzuo. [Xi Jinping chaired a meeting with members of the CPC Politburo and drew attention to the need to strengthen the development and management of party members in the new situation]. Available at: http://www.gov.cn/ldhd/2013-01/28/content_2321165.htm. Accessed on: 14.07.2021.
25. 习近平在全国组织工作会议上的讲话. Xi Jinping zai quanguo zuzhi gongzuo huiyi shang de jianghua. [Xi Jinping's remarks at the National Organizational Work Conference. 3.07.2018]. Available at: <http://www.12371.cn/2018/09/17/ARTI1537150840597467.shtml>. Accessed on: 14.07.2021.
26. 习近平就深化人才发展体制机制改革作出重要指示. Xi Jinping jiu shenhua rencai fazhan tizhi jizhi gaige zuochu chong yao zhishi. [Xi Jinping gives important instructions to deepen the reform of the system and mechanisms for the development of talent]. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-05/06/c_1118820251.html. Accessed on: 14.07.2021.
27. 胡锦涛：我国将大力实施人才强国战略. Hu Jintao: wo guo jiang dali shishi rencai qiangguo zhanlue. [Hu Jintao: my country will actively pursue a strategy to strengthen the country with talents]. Available at: <http://news.sina.com.cn/c/2003-12-20/23031390648s.shtml>. Accessed on: 20.12.2003.
28. 赵乐际在十九届中央纪委五次全会上的工作报告. Zhaoyueji zai shijiu jie zhongyang jiwei wu ci quanhuishang de gongzuo baogao. [Report on the work of Zhao Leji at the fifth plenary meeting of the 19th Central Commission for Discipline Inspection]. Available at: <https://www.ccdi.gov.cn/xxgk/hyzl/index.html>. Accessed on: 14.07.2021.

Author's bio

POMOZOVA Natalia B. – Can. Sci. (Sociology), Assistant Professor of the Department of Contemporary East of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
E-mail: npomozova@mail.ru

Библиографическая ссылка

Помозова Н. Б. Социологический анализ динамики кадровой политики КНР и КПК (2013 – 2021 гг.) // SocioTime / Социальное время. 2021. № 4 (28). С. 66 – 76.
DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.6

ИСТОРИЯ

УДК 930

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.77

МЕТАНИЕ ПРИ ПОМОЩИ ПРАЩИ

Г. Н. оглы Буньямин

Азербайджанский университет туризма и менеджмента, Баку (Азербайджан)

Введение. Исследователи указывают, что люди впервые стали использовать различные виды оружия именно с целью самозащиты от диких животных, а не для того, чтобы охотиться на них, а также, что первым оружием были обычные каменные и деревянные дубинки. Мы также согласны с этим и считаем, что камень, брошенный древним человеком, чтобы защитить себя, был его первым оружием и инструментом. Рассматривая влияние человека на природу, Г. Ахмедов говорит, что человек отделяет себя от мира, в котором он был создан, и создаёт новый мир. Мы полностью согласны с этой идеей и полагаем, что в ходе этого процесса древним человеком было создано множество видов орудий труда, оружия, разработаны приёмы их использования с целью самозащиты и для охоты на диких животных. По нашему мнению, первым оружием были камни и обломки скал, которые люди бросали, чтобы отгонять животных от высоких гор и крутых обрывов.

Методы. В ходе исследования в Государственном историческом музее Нахчывана мы провели исследование двух камней разного размера, являющихся музейными экспонатами. Эти камни, которые определены и занесены в каталог сотрудниками музея под названием «каменные шары», имеют почти идеальную круглую форму и лишены каких-либо углублений или ручек.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Древние люди, изначально использовавшие каменные орудия для защиты от диких животных, затем, постепенно накапливая необходимые знания и умения, творчески обобщая имеющийся опыт и наблюдая, стали использовать их на охоте для откапывания съедобных корней, сбора плодов с деревьев. Одним из способов стало применение различных камней в качестве метательных снарядов. В научной литературе указывается, что праща изготавливалась древним населением Азербайджана из дерева и шкур животных. Средняя её часть, в которую помещался камень, была более широкой, а использовавшиеся для приведения её в действие концы – более длинными. По нашему мнению, найденные А. А. Мирзаде камни, принадлежащие к археологическим слоям от неолита до I тысячелетия до н. э. в Полутепе, являются снарядами от пращи. Исследователи указывают, что снарядами от пращи являются и камни, обнаруженные в Бейлаганском районе. Исходя из всего этого, мы можем прийти к мысли, что находящиеся в Нахичеванском государственном историческом музее камни – снаряды для пращи.

Заключение. Праща сыграла важную роль не только в военном деле, но и в возникновении и развитии различных игр. По нашему мнению, праща повлияла на возникновение камнемётных орудий.

Ключевые слова: праща; оружие; камни; древнее население; археология; снаряд.

Введение. Исследователи указывают, что люди впервые стали использовать различные виды оружия именно с целью самозащиты от диких животных, а не для того, чтобы охотиться на них, а также, что первым оружием были обычные каменные и деревянные дубинки [6, с. 16]. Мы так же согласны с этим и считаем, что камень, брошенный древним человеком, чтобы защитить себя, был его первым оружием и инструментом. Рассматривая влияние человека на природу, Г. Ахмедов говорит, что человек отделяет себя от мира, в котором он был создан, и создаёт новый мир [6, с. 4]. Мы полностью согласны с этой идеей, и полагаем, что в ходе этого процесса древним человеком было создано множество видов орудий труда, оружия, разработаны приёмы их использования с целью самозащиты и для охоты на диких животных. По нашему мнению, первым оружием были камни и обломки скал, которые люди бросали, чтобы отгонять животных от высоких гор и крутых обрывов.

Методы. Древние люди, изначально использовавшие каменные орудия для защиты от диких животных, затем, постепенно накапливая необходимые знания и умения, творчески обобщая имеющийся опыт и наблюдая, стали использовать их на охоте для откапывания съедобных корней, сбора плодов с деревьев. Одним из способов стало применение различных камней в качестве метательных снарядов. А. Х. Мустафаев в связи с этим указывает, что «праща – это простейшее метательное орудие, появившееся в древности. Круглая и овальная речная галька использовалась в качестве метательных снарядов к нему. Праща стала применяться для того, чтобы увеличить дистанцию полёта камней, которые ранее метались руками» [11, с. 4].

Археолог Г. Ахмедов отмечает, что «в эпоху мезолита появились два механических вида оружия – лук со стрелами и петля-копьеметалка» [6, с. 18]. А. Х. Мустафаев относит появление более сложного вида оружия – лука со стрелами к эпохе мезолита, а более простой в устройстве и применении пращи – к эпохе неолита. Но, по нашему мнению, ещё до появления копьеметалки древние люди метали камни с помощью петли, смогли убедиться в эффективности этого вида оружия и лишь позднее подошли к изобретению трёх механизмов – пращи, лука со стрелами и копьеметалки.

Очень интересно, что в относящейся к эпосу Деде Гогруд части этого дастана «Гантурал, сын Ганлы Годжа» упоминается это оружие [9, с. 112]. В части дастана «Басат убивает Тепегоза» также упоминаются каменётные орудия: «Я брошу в тебя камень пращой» [9, с. 133]. Эти два примера доказывают, что в древности употреблялись различные приспособления для метания камней. Таким образом, в эпоху мезолита древний человек изобрёл и начал использовать не два, как указывал Г. Ахмедов, а четыре вида оружия, работавшие на основе принципов простейших механизма. Из них первым и наиболее древним была праща, а на её основе созданы другие.

Археологические исследования указывают, что три вида оружия действовали на основе принципа простейших механизмов: «Охотник использует лук, натягивая его своими силами, копьеметалка «удлинняет» руку, придавая дополнительную энергию силе броска и позволяя метать копьё на большее расстояние» [6, с. 18].

Однако данный автор ничего не говорит о связи пращи и копьёметалки. На наш взгляд, камнемётное орудие появилась на основе пращи, а копьёметательное орудие – на основе ручной копьёметалки. Тот факт, что камнемётное орудие изготавливается более простым способом, чем копьёметательное, свидетельствует о том, что оно появилось раньше. Таким образом, первым механизмом, взятым на вооружение, была праща, вторым – копьёметалка, а последующим – лук со стрелами.

В толковом словаре Азербайджанского языка праща представляется как «древнее оружие, используемое для метания камней» [2, с. 36], а в турецком словаре праща – «состоящее из двух верёвок и тесьмы или сетки оружие для метания камней», что позволяет ясно представить, как выглядит данное оружие [16, с. 1257]. Интересно, что в обоих языках тем же словом называется и приспособление, используемое детьми для охоты на мелких птиц. [2, с. 36; 16, с. 1257]. По нашему мнению, в регионах Азербайджана дети используют для охоты и игр рогатку, происходящую от пращи – боевого и охотничьего оружия времён древности и средневековья, усовершенствованного и приспособленного для детей. Здесь же мы должны отметить, что упоминаемый в поэме «Семь красавиц» Низами Гянджеви самострел тоже использовался для охоты:

*«Шах, её насмешки слыша, гневом пламенел,
Он потребовал подобный ветру самострел.
И на тетиву свинцовый шарик положил.
В ухо шариком свинцовым зверю угодил.
С рёвом поднял зверь копытице к уху, на бегу,
Вырвать он хотел из уха жгучую серьгу.
Молнией, всё осветившей, выстрел шаха был.
Он копыто зверя к уху выстрелом пришил»* [12, с. 97].

Из слов Г. Ахмедова следует, что праща была одним из первых механизмов, изобретённых человеком. Мы также полагаем, что праща была одним из первых изобретений, в котором использовался принцип передачи энергии с помощью механических приспособлений. Мы не согласны с высказыванием Г. А. Ахмедова о том, что праща использовалась в эпоху мезолита [6, с. 18], и мнением А. Х. Мустафаева, относившего её появление к неолиту [11, с. 44], и считаем, что праща была изобретена и использовалась в ещё более отдалённые эпохи.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В научной литературе указывается, что праща изготавливалась древним населением Азербайджана из дерева и шкур животных. Средняя её часть, в которую помещался камень, была более широкой, а использовавшиеся для приведения её в действие концы – более длинными. При бросании концы удерживались одной или двумя руками, а снаряд, находившийся в средней части пращи, раскручивался стрелком над головой. В момент броска один конец пращи отпускался, и камень летел в цель. Камень летел на большую или меньшую дистанцию в зависимости от длины пращи и скорости её вращения [6, с. 18]. А. Х. Мустафаев отмечает, что «праща состояла из трёх частей: средней, в которую закладывали камень, и двух рукояток, длиной до одного метра; в древности пращу изготавливали из волокнистых частей растений, эластичной коры деревьев, а позднее – из нитей и кусков

ткани. Для метания пращу держали одной рукой, а второй закладывали камень и, сильно раскрутив над головой, запускали метательный снаряд в противника. В результате камень летел на большое расстояние и поражал цель» [11, с. 44].

И. Багиров так описывает принцип действия пращи: «Одна рукоятка пращи оборачивается вокруг запястья, а вторая крепко удерживается в ладони. В середину пращи вкладывается камень. Снаряд выпускается под углом в 45° в направлении цели» [3, с. 57]. Заметим, что если Г. Ахмедов и А. Х. Мустафаев указывали, что праща оборачивалась вокруг большого пальца руки, то И. Багиров отмечал, что она оборачивалась вокруг запястья. Мы считаем, что всё-таки праща оборачивалась вокруг запястья, поскольку вес камня и причиняемая им боль делают невозможным первый способ её использования, когда всё давление приходится на один большой палец руки.

Важное значение имеет тот факт, что камень из пращи запускался под углом в 45° – это обеспечивало меткость метания. С. А. Ахмедов и Ф. Б. Джафаров пишут: «Получившая широкое распространение праща состояла из сетки, в которую вкладывался камень. Дальность полёта этого снаряда зависела от длины пращи, скорости, с которой она вращалась, и веса камня» [7, с. 114]. Таким образом, дальность и точность выстрела из пращи зависела от следующих факторов: её длины, скорости вращения перед броском, веса камня и угла, под которым снаряд был выпущен из неё. Требуемая точность и дальность выстрела могли быть достигнуты только путём долгих и систематичных тренировок. Следовательно, использование пращи требовало тренировок более простых и лёгких, чем стрельба из лука со стрелами.

Как уже было отмечено выше, Г. Ахмедов считает, что требующие более серьёзных и длительных тренировок копьеметалка и лук со стрелами были изобретены во времена мезолита. К этому мы можем добавить своё соображение: более простая в использовании и изготовлении праща была, очевидно, изобретена в более отдалённые эпохи. И. Джафарзаде при этом указывает, что изображение пращи, которая использовалась обитателями Гобустана, на рисунке из Язылытапе под номером 33 на камне номер 13 не может быть точно датировано. Мысли, высказанные в исследованиях А. Солтанлы и А. Аджалова [14, с. 23-24; 15, с. 16; 1, с. 223-224] находят своё подтверждение в эпосе «Деде Горгуд», где также в пяти местах упоминается применение пращи.

Первым таким примером является упоминание пращи в части эпоса под названием «Разграбление дома Салура Газана». Здесь праща упоминается наряду со стрелой, причём выражается мысль, что праща по своим качествам даже превосходит её. Второй раз праща упоминается в той же части эпоса, причём указывается, что она состоит из рукояти и ложа, в которое вкладывается камень: «Гараджуг Чобан, храбрец из храбрецов, вложил в ложе пращи камень и, взяв её за рукоять, метнул его». Третий раз праща упоминается в сказании о Гараджуг чобане, который, после того как у него закончились камни, стал использовать в качестве метательных снарядов овец и коз [9, с. 39].

Э. Гёксу, основываясь на информации, почерпнутой из эпоса Китаби Деде Коркуд, указывает, что праща, при условии правильного и эффективного её использования, является весьма действенным оружием [5, с. 236]. Так, праща упоминается в сказании «Басат убивает Тепегеза» [9, с. 126]. Упоминание пращи

в данном отрывке – четвёртое. Пятым же является то место в сказании «Разорение дома Салур Газана», где говорится о том, из каких материалов изготавливалась праща в древности. В частности, указывается, что для этого использовались шкура и кожа телят и коз. Из кожи телёнка было изготовлено ложе пращи, а из шерсти коз – рукоятки пращи [3, с. 47]. Для нас представляет интерес и то, что о материале, использовавшемся для изготовления пращи, говорили С. А. Ахмедов и Ф. Б. Джафаров: «Как охотничья, так и боевая праща изготавливалась с использованием телячьей или бычьей кожи, эластичных волокон тутового дерева или ивы, волос женщин или лошадей, а также шерстяных нитей».

Исследователи указывают, что праща называлась в эпосе «сапанд», сетка, в которой помещался камень перед броском, – «айа», петля – «чатлаг удж», ручки – «гол», а снаряд, использовавшийся для метания, назывался «сапанташ» [7, с. 114]. Из приведённых цитат видно, что колыбель пращи делалась из кожи овец или телят, способной выдержать нагрузки при метании, рукоятка – из козьей шерсти, женских либо лошадиных волос, также способных выдержать нагрузки, или, в случае их отсутствия, – из гибких и эластичных частей таких растений, как тутовник или ива.

В ходе исследования в Государственном историческом музее Нахчывана мы провели исследование двух камней разного размера, которые являются музейными экспонатами. Эти камни определены и занесены в каталог сотрудниками музея под названием «каменные шары», имеют почти идеальную круглую форму и лишены каких-либо углублений или ручек. Кроме того, вес камня с маркировкой NDTM-11307, A7811 в музее составляет 1,705 кг, а вес камня с маркировкой NDTM-32264, A-11376 – 10,750 кг. Трудно представить, что тяжёлый 11-килограммовый камень использовался в качестве метательного снаряда, поскольку достаточно неудобно и тяжело было бы с ним бегать, преследуя добычу или сражаться с врагами. Археолог Г. Намазов также пишет, что в период энеолита (V-IV тысячелетия до н. э.) «круглые и яйцевидные» снаряды были распространённым оружием в Закавказье и особенно на территории вдоль Куры [6, с. 21].

По нашему мнению, найденные А. А. Мирзазаде камни в Полутепе, принадлежащие к археологическим слоям от неолита до I тысячелетия до н. э. являются снарядами от пращи [10, с. 126]. Исследователи указывают, что снарядами от пращи являются и камни, обнаруженные в Бейлаганском районе [7, с. 114]. Исходя из всего этого, мы можем прийти к мысли, что находящиеся в Нахичеванском государственном историческом музее камни – снаряды пращи. А. Х. Мустафаев указывает, что в военном деле древности и средневековья среди метательных снарядов, наряду со стрелами и дротиками, широкое распространение получили камни, применяемые при помощи пращи [11, с. 44]. Э. Гёксу, ссылаясь на свидетельства различных авторов, указывает, что праща получила широкое распространение в армиях Сельджуков, и наряду с отрядами лучников, копейщиков и др. существовали отряды прашников. Одновременно он указывает, что праща получила распространение в армиях других мусульманских тюркских государств и монгольской армии [5, с. 234]. О. Ш. Гёкйай также указывает, что праща широко использовалась в боевых действиях в качестве метательного орудия [8, с. 364].

Заключение. Праща сыграла важную роль не только в военном деле, но и в возникновении и развитии различных игр. По нашему мнению, праща повлияла на возникновение камнемётных орудий. С. Онуллаху упоминает использование в

Азербайджане похожего на другие каменётные орудия вооружения под названием «флахон» [13, с. 113]. По нашему мнению, и этот вид вооружений возник на основе пращи, а точнее – одной из разновидностей каменётного вооружения. Получивший широкое распространение в современных атлетических соревнованиях такой вид спорта, как метание молота, по нашему убеждению, тоже возник из камнеметания. Просто если в прассе есть две рукоятки, то в метании молота используется только одна. Другое сходство между ними проявляется в работе используемых механизмов. Так, при метании снарядов в обоих случаях осуществляется сначала их вращение, так что дальность дистанции зависит от его скорости, а для прицельного броска необходимо бросать снаряд под углом в 45^0 .

Принимая во внимание всё вышесказанное, мы делаем вывод о том, что используемая с древних времён на территории Азербайджана прасса прошла долгий путь развития, видоизменялась и совершенствовалась и, в конечном итоге, повлияла на используемые вплоть до наших дней различные виды оружия и спортивные снаряды.

Список литературы

1. Acalov A. «Dəli domrul boyunun kökləri və mifoloji simvolikası». / Azərbaycan filologiyası məsələləri. Bakı: Elm. 1983. I buraxılış. S. 222 – 236.
2. Аджалов А. «Корни и мифологическая символика сказания о Дели Домруле». Баку: Эльм. 1983. 1-й выпуск. Стр. 223–236 (на азерб. языке).
3. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti.: [4 cildə] / Tərtibçilər Ə. Orucov, B. Abdullayev, N. Rəhimzadə. Bakı: «Şərq-Qərb». C. 4. 2006. 712 s.
4. Толковый словарь азербайджанского языка в четырёх томах. / Составители А. Оруджов, Б. Абдуллаев, Н. Рахимзаде. Баку: «Шерг-Герб». Т. 4. 2006. 712 стр. (на азерб. языке).
5. Bağirov İ. Kitabı-Dədə Qorqud da fiziki və hərbi vətənpərvərlik tərbiyəsi məsələləri // Bakı: «Azərbaycan məktəbi» jurnalı. 1973. № 7. S. 55 – 60.
6. Багиров И. Вопросы физической и военной подготовки в «Китаби Деде Коркуд» // Баку: журнал «Азербайджан мектеби». 1973. № 7. Стр. 55 – 60 (на азерб. языке).
7. Cəfərzadə İ. M. Qobustan qayaüstü rəsmləri / İ.Cəfərzadə. Bakı: YNE «XXI». 1999. 321 s.
8. Джафарзаде И. М. Наскальные рисунки Гобустана / И. Джафарзаде. Баку: YNE «XXI». 1999. 321 стр. (на азерб. языке).
9. Erkan Göksu. Türk kültüründe silah / E. Göksu. – Ankara: Ötüken. 2. Basım. 2008. 478 s.
10. Эркан Гёксу Оружие в турецкой культуре / Э. Гёксу – Анкара: Отукен. 2. Басым. 2008. 478 стр. (на турецк. языке).
11. Əhmədov Q. M. Bu günə necə gəlib çıxmış / Q.Əhmədov. Bakı. Azərnaşr. 1989. 118 s.
12. Ахмедов Г. М. Как мы пришли к настоящему / Г. Ахмедов. Баку. Азернепр. 1989. 116 стр. (на азерб. языке).
13. Əhmədov, S. Ə. Azərbaycanın orta əsr silahları (arxeoloji materiallar əsasında) / S. Əhmədov, F. Səfərova. Bakı: Elm. 2005. 156 s.
14. Ахмедов Ш. А. Средневековое оружие Азербайджана (на основе археологических материалов) / С. Ахмедов, Ф. Сафарова. Баку. Эльм. 2005. 156 стр. (на азерб. языке).
15. Gökyay O. Ş. Dedem Korkudun kitabı / O.Ş.Gökyay. İstanbul, Kültür yayımları. 1973. 695 s.
16. Гёкйай О. Ш. Китаби Деде Коркуд / О. Ш. Гёкйай. Стамбул, Култур яйинлары. 1973. 695 стр. (на турецк. языке).
17. Kitabı - Dədə Qorqud. / Tərt. ed. S.Əlizadə. Bakı: Öndər. 2004. 376 s.
18. Китаби Деде Коркуд. / Сост. С. Ализаде. Баку: Ондер. 2004. 376 стр. (на азерб. языке).
19. Mirzəzadə, Ə. A. Tarix və zaman Muğan tarixinə dair araşdırma / Ə.Mirzəzadə. Bakı. «Elm və təhsil». 2017. 216 s.
20. Мирзазаде А. А. История и время. Исследования по истории Мугани / А. Мирзазаде. Баку. «Эльм ве техсил». 2017. 216 стр. (на азерб. языке).

11. Mustafayev A. H. Azərbaycanın maddi mədəniyyət tarixi (etnoqrafik materiallar əsasında tipoloji tədqiqat) / A. Mustafayev. Bakı: «Bakı Universiteti» nəşriyyatı. 2009. 420 s.
- A. X. Мустафаев. История материальной культуры Азербайджана (типологическое исследование на основе этнографического материала) / А. Мустафаев. Баку. «Баку университети». 2009. 420 стр. (на азерб. языке).
12. Nizami Gəncəvi. Yeddi gözəl / Nizami Gəncəvi. Bakı. Lider nəşriyyatı. 2004. 336 s.
- Низами Гянджеви Семь Красавиц / Низами Гянджеви. Баку. Изд-во «Лидер». 2004. 336 стр. (на азерб. языке).
13. Onullahi S. M. XIII–XVII əsrlərdə Təbriz şəhərinin tarixi / S. M. Onullahi. Bakı. Elm. 1982. 280 s.
- Онуллахи С. М. История города Тебриза в XIII–XVII веках / С. М. Онуллахи. Баку. Эльм. 1982. 280 стр. (на азерб. языке).
14. Sultanlı Ə. «Kitabi-Dədə Qorqud» və qədim yunan dastanları / Ə. Sultanlı. Bakı. Elm. 1999. 84 s.
- Султанлы А. «Китаби – Деде Коркуд» и древнегреческий эпос / А. Султанлы. Баку. Эльм. 1999. 84 стр. (на азерб. языке).
15. Təhmasib M. H. Azərbaycan xalq dastanları / M. H. Təhmasib. Bakı. Elm nəşriyyatı. 1972. 399 s.
- Тахмасиб М. Х. Азербайджанские народные дастаны / М. Х. Тахмасиб. Баку. Эльм. 1972. 399 стр. (на азерб. языке).
16. Türkçe sözlük. [2 ciltde] / Hazır. Hasan Eren. Ankara: Türk Tarih Kurumu basınevi. C. 2. Yeni baskı. 1988. 934 (1679) s.
- Турецкий словарь. (в 2-х томах) / Подгот. Хасан Эрен. Анкара: Изд-во. Организации турецкой культуры. 2-й том. Ени баскы. 1988. 932 (1679) стр. (на турецк. языке).

Авторская справка

БУНЬЯМИН Гамбарли Нагдали оглы, старший преподаватель, Азербайджанский университет туризма и менеджмента, Баку, Азербайджан.
E-mail: b.n.gemberli@gmail.com

UDC 930

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.77

THROWING WITH A SLING

G. N. oğlu Bunyamin

Azerbaijan University of Tourism and Management, Baku (Azerbaijan)

Introduction. Researchers point out that for the first time people began to use various types of weapons precisely for the purpose of self-defense from wild animals, and not to hunt them, and also that the first weapons were ordinary stone and wooden batons. We also agree with this and believe that the stone thrown by ancient man to protect himself was his first weapon and tool. Considering the influence of man on nature, G. Akhmedov says that man separates himself from the world in which he was created and creates a new world. We fully agree with this idea, and we believe that in the course of this process, ancient man created many types of tools, weapons, developed techniques for their use for self-defense and for hunting wild animals. In our opinion, the first weapons were rocks and fragments of rocks that people threw to drive animals away from high mountains and steep cliffs.

Methods. During the research at the Nakhchivan State Historical Museum, we conducted a study of two stones of different sizes, which are museum exhibits. These stones, which are identified and listed in the catalog by the museum staff under the name "stone balls", have an almost perfect round shape and are devoid of any recesses or handles.

Results. Ancient people, who initially used stone tools to protect themselves from wild animals, then, gradually accumulating the necessary knowledge and skills, creatively generalizing the existing experience and observing, began to use them for hunting, for digging up edible roots, collecting fruits from trees. One of the ways was the use of various stones as throwing projectiles. The scientific literature indicates that the sling

was made by the ancient population of Azerbaijan from wood and animal skins. The middle part of it, in which the stone was placed, was wider, and the ends used to bring it into action were longer. In our opinion, the stones found by A. A. Mirzazade belonging to the archaeological layers from the Neolithic to the I millennium BC in the Half-hearth are projectiles from a sling. The researchers point out that the stones found in the Beylagan district are also projectiles from the sling. Based on all this, we can come to the conclusion that the stones in the Nakhichevan State Historical Museum are sling shells.

Conclusion. The sling played an important role not only in military affairs, but also in the emergence and development of various games. In our opinion, the sling influenced the emergence of stone-throwing tools.

Keywords: Sling; weapons; stones; ancient population; archeology; snarad.

References

1. Ajalov A. «Roots and mythological symbolism of the legend of Delhi Domrul». Baku: Elm. 1983 1st issue pp. 223–236 (in Azerbaijani language).
2. Explanatory Dictionary of the Azerbaijani language.: [4 volumes] / compilers a. Orujov, B. Abdullayev, N. Rahimzadeh. Baku: «East-West». J. 4. 2006. 712 s.
3. Zire «Lost In Test Match Physical and military patriotic education issues in «Kitabi-Dede Gorgud» // Baku: «Azerbaijan school» magazine. 1973. № 7. S. 55–60
4. Zire «Lost In Test Match M. Gobustan rock paintings / I. Zire «lost in Test match. Baku. YNE «XXI». 1999. 321 s.
5. Report This Website Weapons in Turkish culture / E. It's geksu. Ankara: Ötüken. 2. Pressure. 2008. 478 s.
6. Ahmadov Q. M. How have we arrived today / Q. Ahmedov. Baku. Azernashr. 1989. 118 s.
7. Akhmedov S. The A. Medieval weapons of Azerbaijan (based on archaeological materials) / S. Ahmadov, F. Safarova. Baku. Science. 2005. 156 p.
8. The Book-Grandfather Was Scared. / Tart. ed. S. Eliza. Baku. Leader. 2004. 376 p.
9. Mirzazade A. A. Research on history and time of Mughan / Ö. Mirzazade. Baku. «Science and education». 2017. 216 P.s. (на азерб. языке).
10. Mustafayev A. H. History of material culture of Azerbaijan (typological research based on ethnographic materials) / A. Zire «lost in Test match. Baku. «Baku University» publishing house. 2009. 420 s.
11. Nizami Ganjavi. Seven Beauties / Nizami Ganjavi. Baku: Lider publishing house. 2004. 336 p.
12. Onullahi S. M. History of Tabriz in XIII–XVII centuries / S. M. The celebrity. Baku. Science. 1982. 280 p.
13. Sultan A. «Kitabi-Dede Gorgud» and ancient Greek epics / Ö. The Sultan. Baku: Science. 1999. 84 etc.
14. Tahmasib M. H. Azerbaijan folk epics / M. H. Tahmasib. Baku: science publishing house. 1972. 399 s.
15. Welcome to the Turkish dictionary. [in 2 volumes] / It's ready. Hasan Eren. Ankara: Press house of the Turkish Historical Society. C. 2. Reprint. 1988. 934 (1679) p.
16. The Book-Grandfather Was Scared. / Tart. ed. S. Eliza. Baku. Leader. 2004. 376 p.

Author's Bio

BUNYAMIN Gambarli Nagdali oqlu, Azerbaijan University of Tourism and Management, Baku, Azerbaijan.
E-mail: b.n.qemberli@gmail.com

Библиографическая ссылка

Буньямин Г. Н. оглы. Метание при помощи пращи // SocioTime / Социальное время. 2021. № 4 (28). С. 77 – 84. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.77

УДК 94(47).084.9

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.85

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА СЕРЕДИНЫ 50-Х ГГ. (ЧАСТЬ II)

Л. Г. Мокроусова, А. Н. Павлова

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)

Введение. Во второй половине XX в. произошли серьезные изменения политических настроений советского общества, связанные с процессом десталинизации, инициатором которого выступило руководство страны. Проблема массовых репрессий, реабилитации их жертв до настоящего времени остаётся одной из наиболее дискуссионных, а вопрос о смене советских моделей мифологии лишь начинает разрабатываться в отечественной науке. Вопрос о восприятии этих изменений в широких слоях населения СССР мало изучен в отличие от настроений партийно-правительственной и культурной элиты той эпохи.

Методы. Объектом исследования стали политические настроения советских граждан второй половины 1950-х гг., восстановленные по воспоминаниям современников и участников событий. Материалы были собраны в рамках анкетного опроса, проводившегося на протяжении нескольких лет преподавателями и студентами Поволжского государственного технологического университета среди жителей Республики Марий Эл и сопредельных регионов. Анализ источников проводился на основе междисциплинарного подхода с использованием методов исторических и социально-антропологических исследований.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Изучение материалов опроса свидетельствует, что политические настроения советских людей в провинции, включая детей и подростков, формировались под влиянием средств массовой информации, а также других официальных источников. Сложная ситуация в стране в 20 – 50-е гг. XX в. непосредственно отразилась в судьбах людей, поэтому семейная история стала важным источником формирования политических настроений. Советское провинциальное общество, за редким исключением, в середине 50-х гг. было далеко от политики, предпочитая не касаться острых проблем.

Заключение. Исследование политических настроений провинциального общества середины 50-х гг. XX в. позволило выявить источники и механизмы формирования общественного мнения.

Ключевые слова: советское общество; провинция; XX съезд КПСС; культ личности; десталинизация; реабилитация; Хрущёв.

Введение. Период так называемой «оттепели», неразрывно связанный с именем Н. С. Хрущёва, является одним из наиболее ярких этапов советской истории. В сознании современных людей он связан с такими понятиями, как десталинизация, реабилитация жертв массовых репрессий, а также первыми полётами в космос и «насаждением» кукурузы. Истоки этих представлений, тесно переплетающиеся с историческими мифами, уходят корнями в историческую память, сформировавшуюся у представителей старшего поколения под влиянием как личного опыта, так и различных источников, школьных учебников, художественных произведений. В рамках настоящей статьи предполагается раскрыть механизмы формирования общественного мнения о социально-политических процессах в советском обществе середины 50-х – начала 60-х гг. прошлого века, используя в качестве ос-

нового источника воспоминания современников событий, жителей провинциальных городов и деревень.

Интерес к социально-политической трансформации советского общества второй половины 50-х гг. прошлого века возник в период горбачёвской «перестройки». В конце прошлого века оценки хрущёвской «оттепели» имели ярко выраженный политический характер и принадлежали, по большей части, публицистам и политикам. Для 2000-х гг. характерной стала более взвешенная оценка тех событий, которые, как отметил А. С. Чернышев, начали восприниматься сугубо исторически [16, с. 25]. В это время расширяется круг исторических источников, в том числе за счёт введения в научный оборот ранее закрытых материалов. Тема доклада Н. С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС, а также реабилитации жертв сталинских репрессий в той или иной степени затрагивается всеми исследователями данного периода: Ю. В. Аксютиним [1], Р. Г. Пихоя [11, 12], А. В. Пыжиковым [13, 14] и др. Процесс либерализации советского политического режима современными историками рассматривается как непоследовательный [12, с. 340; 14, с. 416–433], что оказало непосредственное влияние и на общественное сознание.

Одним из важных источников изучения политических процессов в советском обществе второй половины XX в. становятся анкеты, которые были использованы Ю. В. Аксютиним [1, с. 19], но в большинстве случаев историки обращаются к интервью жертв сталинских репрессий и их близких, раскрывающим лишь одну из граней восприятия политической реальности. Другим направлением историографии последних лет стало изучение повседневной жизни советских людей, частично затрагивающее и проблему политических настроений советского общества [6, 7]. Изучение социально-политических настроений 50-х гг. прошлого века на основе воспоминаний простых людей, современников событий – сравнительно новое направление, которое реализуется на материалах различных регионов Российской Федерации, главным образом, молодыми авторами [2, 8, 10].

Исследование политических настроений советского общества и, прежде всего, провинциальной его части, предполагает привлечение дополнительных источников, раскрывающих механизмы формирования массового сознания. К числу таких источников относятся воспоминания рядовых участников событий, отражающие как жизненный опыт, так и рефлексию по поводу официальной трактовки событий. В течение семи лет (2013–2019 гг.) с привлечением студентов Поволжского государственного технологического университета был проведён опрос 168 респондентов старше 1950 года рождения – жителей Республики Марий Эл, Кировской и Нижегородской областей, Республик Чувашия и Татарстан, а также Краснодар, Курска, Саратовской области, Мурманска, Дальнего Востока (Находка, Хабаровск, Благовещенск), Донецка и Ташкента.

Среди участников опроса большую часть (64 %) составили те, кто родился до 1946 г. Респонденты более молодого возраста неплохо представляли этот период, так как учились в школе, получая информацию о происходившем от учителей и средств массовой информации. Многие впоследствии стремились осмыслить прошлое, опираясь на публицистические и мемуарные материалы.

Методы. При исследовании политических настроений советских граждан необходимо было соединение исторического и антропологического методологических подходов и обращение к таким методам, как сравнительный, типологический и системный и структурно-функциональный анализ, а также использование герменевтического метода, позволяющего интерпретировать текст через его понимание.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Центральным событием политической жизни страны второй половины 50-х гг., безусловно, явился XX съезд КПСС, на котором Н. С. Хрущёв выступил с докладом о культе личности Сталина, ставшим в сознании многих советских людей точкой отсчёта процесса десталинизации, а также началом формирования новых советских мифов [11, с. 101-102].

Осознание того, что подразумевается под понятиями «культ личности» и «десталинизация», ко многим респондентам пришло лишь в постсоветский период: «...так я понимаю это сейчас, тогда была слишком юна и неграмотна». Среди ответов встречались даже такие: «Выражение «культ личности Сталина» появилось практически сразу после смерти вождя» (*что не соответствует действительности* – Л. М., А. П.). Многие участники опроса признавались, что во второй половине 1950-х гг. подходили к этому вопросу формально, поверхностно, основываясь на официальных источниках того времени. Как отметил один из респондентов 1937 г. р., «...нам это объясняли по радио, и на учёбе. На заводе после работы собирали и читали письма ЦК». Основными источниками сведений о начавшемся процессе критики культа личности Сталина для многих советских людей были газеты и радио, с учётом возраста респондентов это также могли быть уроки истории в школе, разговоры родителей и случайно услышанные реплики, нередко «с большой оглядкой». Одна из участниц опроса 1928 г. р. отметила, что «...в это время работала секретарём райкома комсомола и сама проводила такие собрания», к сожалению, не разъяснив, как проходила подготовка к ним.

Культом личности толковали как «подчинение всего народа Сталину», «возвеличивание личности путём различной пропаганды», «подчинение, поклонение», «обычно соглашались с мнением партработников», «...что касается «осуждения культа личности», то это осуждение того, что сам Сталин всячески поощрял и поддерживал такое отношение к своей персоне». Понятие «десталинизация» определяли как «процесс разоблачения культа», «процесс преодоления культа личности и ликвидации политической и идеологической системы, созданной в СССР в период правления Сталина», «негативные высказывания о Сталине», «свободнее стали разговоры, люди немного расслабились».

Иногда встречаются развёрнутые ответы, отражающие процесс переосмысления событий прошлого под влиянием исторической публицистики более позднего времени: «...в 1956 г. в газете «Правда» впервые вышла статья с критикой культа личности Сталина; в статье говорилось, что культ личности Сталина сложился к концу жизни, до этого вождь сделал много для государства, в т. ч. победил фашизм. Репрессии объяснялись культом личности Сталина, но, несмотря на всё это, заслуг у него было намного больше, чем ошибок. 25 февраля 1956 г. 1-й секретарь ЦК КПСС Хрущёв выступил на утреннем закрытом заседании XX съезда КПСС с

докладом «О культе личности и его последствиях», где он осудил практику массовых репрессий в СССР и исключил из сталинского режима раскулачивание, а также политические репрессии начала 1930-х. Политическое поведение Сталина противопоставлялось «правильной» большевистской политике, которая в целом признавалась правомерной и отвечающей ленинским идеологическим принципам. Вся тяжесть вины за политические репрессии возлагалась на Сталина и его ближайшее окружение. XX съезд КПСС считается положившим конец сталинской эпохе и сделавшим обсуждение ряда общественных вопросов несколько более свободным, наступила хрущёвская оттепель».

Ряд участников опроса не мог даже точно вспомнить, когда началось осуждение культа личности Сталина, например: «...не сразу, а когда начали памятники убирать, примерно года через три после смерти» или «раньше все боялись говорить об этом, и впервые уже после смерти Хрущёва я услышала о том, что Сталин был жестокий террорист».

Лишь треть респондентов ответили на вопрос об эмоциях, связанных с разоблачением культа личности; у кого-то это вызывало непонимание, удивление, несправедливость, несогласие, так как «Сталин сделал могучую державу СССР, выиграл войну», «...осуждение тех, кто поставил вопросы в такой плоскости. Я считал, что нужно было поднимать так вопросы в то время, когда он был жив», «в голове не укладывалось, как «отец народов», выигравший войну, может осуждаться», «несправедливость к заслуженному лидеру». Подобное отношение к личности И. В. Сталина проистекает из особенностей самой истории страны, в которой, «следуя принципу минимума затрат энергии и самоорганизации, самой оптимальной, с точки зрения наименьших затрат энергии, формой, связанной с сохранением её наибольшей устойчивости, всегда оказывалась в итоге форма, ориентированная на внутреннюю жёсткость, унификацию, простоту и «закрытость» [17, с. 55-56]. Лишь единицы высказали «полное одобрение курса», «осуждение деяний, имевших место в годы культа».

Политические настроения людей отражает следующий ответ: «Непонимание, потрясение, даже раздражение (*вызваны осуждением культа личности – Л. М., А. П.*). Нам с детства прививали любовь к Сталину, а тут его объявляют чуть ли не врагом народа». Формировавшаяся на протяжении десятилетий установка массового сознания о Сталине как непогрешимом лидере, действовавшем в интересах всего общества, не могла быть быстро разрушена порой поверхностной критикой его действий. Можно даже говорить о сакрализации образа Сталина в сознании советских людей, связывавших с ним достижения социалистического общества. К подобным выводам пришла и М. Р. Зезина, отмечавшая, что значительная часть советского населения на подсознательном уровне искренне верила, что после смерти Сталина жизнь будет иной [3, с. 128].

Последующие размышления навели респондентов на весьма интересные выводы, которые находят отклик и в исторических исследованиях: «После смерти Сталина я не слышал про культ личности. Все удивлялись, как это получилось. Но потом я начал слышать, что сразу про культ личности не надо было говорить, потому что народ сразу разделился на две группы. Были сторонники Сталина и были

противники. Сразу от нас отошли Китай и другие коммунистические партии. Поэтому с этого момента начался развал СССР, и на сегодняшний день остались сторонники и противники Сталина». Среди советских провинциалов были люди, размышлявшие о геополитических последствиях развенчания культа личности и не всегда согласные с официальной точкой зрения.

Отношение к Сталину и его политике формировалось не только под влиянием официальной пропаганды, но и семьи, в которой росли респонденты, судеб родственников и знакомых. Один из опрошенных, 1950 г. р., вспоминал: «Моего деда Мерзлякова Илью Васильевича раскулачили. У него была молотилка и 3 лошади, конечно, и другой скот. Во время сплошной коллективизации у него всё забрали, только дом оставили. А другой дед, Копшин Гурьян Фёдорович, был красильщиком по Уралу и Западной Сибири. Он вынужден был уехать во избежание ареста из родных мест на юг Пермской области. Дед ещё до гражданской войны свои средства вложил в акции какого-то американского предприятия. У него было очень много облигаций, мы, помню, играли в детстве с этими пачками денег. Дед, похоже, не верил государству, что что-то можно вернуть, и нам давал играть. Так чего же не осуждать его (*Сталина – Л. М., А. П.*) правление – в то время был чересчур жёсткий контроль за жизнью людей». Тернистый жизненный путь старшего поколения, прошедшего через войны и коллективизацию, уже являлся основой рефлексии, в результате которой формировался особый взгляд на политическую реальность.

Как показали результаты опроса, лишь у трети респондентов с развенчанием культа личности Сталина ассоциируется XX съезд КПСС, остальные либо не ответили на этот вопрос, либо заявили, что данный съезд не вызывает никаких ассоциаций – «очередной съезд партии». Некоторые респонденты вообще не слышали о докладе Хрущёва: кто-то не интересовался, другие не поняли, о чём шла речь – это можно объяснить возрастом участников опроса. В ответах явно выражен и эмоциональный окрас, который хорошо прочитывался и в ответах на предыдущий вопрос: «Мы были в недоумении. Не понимали, как мог осуждаться сам Сталин, ведь все почитали его», «доклад был шокирующим для всех». В этом нет ничего удивительного: больше половины респондентов к рассматриваемому периоду были подростками или молодыми людьми, личностное становление которых пришлось на сталинскую эпоху. В вопросе об отношении к докладу респонденты разделились почти поровну, высказываясь либо крайне негативно: «отношение к этому докладу было капитально отрицательное», «всё, что приписал И. В. Сталину Н. Хрущёв – он рисовал с себя», либо полностью принимая его содержание: «мои родные приняли с пониманием», «многие тогда соглашались с мнением руководства».

На вопросы «Присутствовали ли вы на собрании, на котором зачитывался доклад Н. С. Хрущёва «О культе личности Сталина...»?» и «Какова была реакция присутствовавших на собрании?» большинство респондентов не дали ответ в силу возраста. Больше трети вообще не слышали о подобных собраниях, остальные узнали об этом от знакомых, родных, родителей, которые являлись членами партии. Некоторые были участниками комсомольских собраний, обычно в школе: «Я при-

существовал на комсомольском собрании, на котором зачитывался доклад Н. С. Хрущёва о культе личности Сталина. Реакция была бурная, т. к. нам подали Сталина не таким, каким он был, отцом народов, а чуть ли не врагом. Был шок и ужас» (респондент 1937 г. р.); «Да, в то время я была комсомолкой и присутствовала на комсомольском собрании, когда читали доклад Хрущёва на съезде. Реакция присутствовавших была неоднозначной, не все одобряли Хрущёва, и мы в том числе не одобряли, мы думали, что он зря так, хотел себя показать лучше, чем был Сталин» (респондент 1936 г. р.); «Вообще была гнетущая атмосфера. Мы были немножко и смущены, и как-то напуганы. Кто-то остался на своих прежних позициях, кто-то пересмотрел свои взгляды к вождю народа. Разные были мнения» (1941 г. р.). Подобная реакция была характерна и для тех, кто лично не присутствовал на собраниях, но слышал о докладе Н. С. Хрущёва, позднее эти воспоминания стали основой политических оценок: «Этот доклад зачитывали во всех партийных организациях. Какова реакция была, я не помню, но все очень удивились. Стало ясно, что всех руководителей государства, как он умрёт, сразу его начинают критиковать. Всех подряд: и Николая II, и Ленина, и Сталина, и Брежнева, и Хрущёва. Я считаю, это неправильно, потому что у каждого руководителя бывают ошибки, без ошибок это не руководство».

Один из респондентов 1933 г. р., лично участвовавший в партсобрании по докладу Н. С. Хрущёва, высказался следующим образом: «Подняли шум, мол, «разоблачили Сталина», на самом деле все в верхушке были участниками этих преступлений, и сам Хрущёв. Осуждение партии по-прежнему пресекалось, но эти мероприятия при Хрущёве были более скрытыми. При райкоме были дознаватели: узнавали, кто зачинщик и наказывали». Осуждение культа личности И. В. Сталина некоторые участники опроса, как и многие граждане СССР, рассматривали как начало дискредитации советской системы и формирования практики посмертного «очернения» партийных и государственных лидеров.

О таких событиях, как арест Л. П. Берия, снятие Г. Н. Маленкова с поста главы правительства и Г. К. Жукова – министра обороны, об «антипартийной группе» воспоминания сохранили лишь 9 % опрошенных. Обычно такие воспоминания переплетаются с информацией, полученной позднее из литературы и фильмов. Эти события воспринимали «как очищение руководства страны и партии от сталинистов (арест Берии, снятие Маленкова, «антипартийная группа») и борьбу за власть (снятие маршала Жукова с поста министра обороны)». Эмоционально события воспринимались по-разному: одни запомнились лучше, другие были осознаны, как значимые, много позже: «Я хорошо помню, когда арестовывали Берию, но про Жукова не так сильно помню. Про Берию хорошо помню. По радио по несколько раз передавали, что его расстреляли, говорили причины, что он состоял в антипартийной группе» (респондент 1938 г. р.).

«Берию объявили «врагом народа», об этом шумели все газеты и радио. Жукова уважали, было обидно. О снятии Маленкова сожалели, он начал хорошую политику. Всех их правительство объявило «антипартийной группой» (1939 г. р.) – подобного мнения придерживался целый ряд респондентов, связывая происходившие изменения с борьбой за власть в высших эшелонах. Хорошие отзывы со-

хранились о Маленкове, о его снятии с поста многие сожалели, особенно среди деревенских жителей, отмечавших, что их жизнь стала легче, хотя другие считали, что народ не понял политики Маленкова. «Маленков был человеком народным, добрым и мягким, из-за этого, как я думаю, его и убрали, сочли ненужным» (1935 г. р.).

Одному из участников опроса запомнилось отстранение В. М. Молотова и «...отправка (*его – Л. М., А. П.*) на перевоспитание в Монголию, что вызвало удивление, так как подоплёка событий простым людям была не известна» (1937 г. р., во время рассматриваемых событий – студент). Учитывая возраст респондентов, следует согласиться со следующим высказыванием: «Глубокого представления об этих событиях в школьном возрасте не было. Лишение отдельных государственных деятелей своих постов ассоциировалось с халатным отношением их к своим обязанностям, а арест и расстрел Берии – с преступлением». Молодые люди не вникали в политические вопросы, довольствуясь официальным объяснением, которое в условиях отсутствия альтернативных источников информации не подвергалось сомнению. В этом нет ничего удивительного. Т. В. Молчанова, исследовавшая политические настроения ленинградского студенчества в период десталинизации, пришла к выводу, что большая часть студентов была либо аполитична, либо с большой осторожностью высказывала свои мнения о политике [9, с. 144].

Иную реакцию вызвал вопрос о реабилитации – более половины опрошенных определили это понятие как «восстановление незаконно осуждённого человека в правах», «снятие с человека позорного названия «враг народа», «восстановление доброго имени», «восстановление утраченного доброго имени, восстановление в правах, репутации человека, невинно осуждённого», «официальное восстановление в прежних правах», «восстановление чести и репутации опороченного лица», «восстановление после репрессий», «восстановление доброго имени», «восстановление во всех гражданских правах невинно осуждённых». Реабилитация ассоциируется с именем Н. С. Хрущёва, когда в 1956-1957 гг. начали выпускать политических заключённых, позволили вернуться в родные места репрессированным лицам других национальностей. Лишь единицы связали понятие «реабилитация» с именем Брежнева или горбачёвской перестройкой, что объясняется наличием нескольких волн реабилитации: при Брежневе она сошла на нет, в период перестройки началась новая кампания по реабилитации, которая продолжилась при Ельцине. Для большинства участников опроса процессы реабилитации не были эмоционально окрашены, о них они узнали на уроках истории, слышали в школе, но для тех, кто слышал от родителей – это понятие ассоциировалось с историей семьи.

С практикой массовых репрессий столкнулись 20 % респондентов на примере своих семей или знакомых. Даже спустя десятилетия большинство предпочитало обходить эту тему стороной, что позволяет предполагать, что полученные показатели не в полной мере отражают статистику массовых репрессий. Обычно репрессии связаны в воспоминаниях с процессом раскулачивания зажиточных родственников, например, владевших масляным заводом (*разницы между раскулачиванием и национализацией респондент не видит – Л. М., А. П.*). В связи с этим можно привести следующую историю: «Тётя Варя рассказывала, что их семью выслали с ху-

тора из-под города Риги, при этом не разрешили взять личные вещи, везли людей в товарных вагонах и высадили в холодную погоду в поле без всяких средств существования. Дали только лопату и топор (в общем, каждый выживал, как мог). В дороге многие умерли от голода, болезней и холода». Подробности выселения не указаны, возможно, это событие было связано с началом коллективизации в прибалтийских республиках. Также среди респондентов были потомки спецпереселенцев, подвергшихся репрессиям по национальному признаку после Великой Отечественной войны, и священнослужителей.

Конкретных историй сохранилось немного. Вот некоторые из них: «В нашей семье мой дед Вас Петр Герасимов был в конце 1938 репрессирован как «враг народа» по ст. 58 – 8 «Совершение террористического акта». Его обвинили на основании справки, которую составил секретарь колхоза по документам, которые хранились в делах колхозников, о том, что он утаил от продналога полмешка зерна в 1922 году, когда был сильный неурожай зерновых. В семье деда было четверо детей (в т. ч. моя мама). Он был сослан в лагерь на 10 лет. Дело моего деда так и не было пересмотрено... Он умер в конце 1947 в лагере НКВД для политзаключённых»; «Репрессии был подвергнут дедушка, Иншаков Николай Иванович. На начало войны, на июнь 41-го года, он был строителем аэродрома в Литве. При нападении он был захвачен в плен. Всю войну он находился в плену в Германии, и освободили его только в 45-ом году. После освобождения он был осуждён ещё на 5 лет» (1941 г. р.).

Но чаще встречаются лишь краткие упоминания: «Был подвергнут мой отец (за частушку). Был арестован и больше о нём ничего не было слышно до 80-х» (респондент 1935 г. р.); «Дед был расстрелян как офицер Красной Армии. В семье это у нас не обсуждалось, бабушка запрещала» (1945 г. р.); «Мужа папиной сестры (имя не помню) забрали в 1937 году. Спустя много лет узнали, что сидел в тюрьме, где его и расстреляли» (1928 г. р.); «...репрессиям был подвергнут мой дедушка. Он занимался сельским хозяйством, все сельскохозяйственные продукты возил на лошадях в Казань, там продавал продукты и покупал ткани, одежду, обувь, затем открыл лавочку. Однажды в 1929 году, когда шёл первый наплыв коллективизации, начали нэповцев уничтожать. В марте приехали две подводы, кто-то сообщил, что дедушка – враг. Посадили на одну подводу и увезли в Йошкар-Олу, посадили в тюрьму, а маму – на другую подводу и увезли в Сибирь. Мама 30 лет прожила в Сибири, ей нельзя было сюда приехать, она считалась врагом народа. В августе 1937 года дедушку расстреляли и похоронили в общей могиле, там есть список, он десятый – Басов Михаил Константинович, 1866 года рождения» (респондент 1936 г. р.).

Закрытость информации о репрессиях способствовала появлению различных мифов, где правда соединялась с домыслами. Позднее, во второй половине 80-х гг., когда тема сталинских репрессий стала очень популярна в публицистике, некоторые пытались осмыслить воспоминания прошлого в новом ключе: «у моей подружки вернулся муж... во время репрессий массово забирали народ, по его словам, это был ад, люди умирали, была нехватка продовольствия, дикий голод забирал много жизней». О том, что на воспоминания накладывается более поздняя информация,

свидетельствует следующий сюжет, записанный о родственнике одного из респондентов: «Через 3 дня, простоял трое суток без воды и еды, в ящике, где нельзя было сесть, признал свою вину и его отпустили». Респондент 1942 г. р., скорее всего, озвучил какую-то семейную легенду, дополнив её позаимствованным из доступных источников описанием пыток, которые применяли к арестованным.

Даже среди тех, кто столкнулся с проблемой массовых репрессий, лишь единицы ответили на вопрос о том, как относились их родственники и знакомые, пережившие заключение, к Сталину и тем, кто сменил его в руководстве партии и государства. Бывшие заключённые предпочитали не рассказывать о пережитом и, вероятно, избегали бесед на политические темы. «Брат моего деда находился в ссылке и работал начальником сплавучастка. Никаких разговоров о Сталине не слышала». Некоторые пытались найти положительные стороны в политике правительства, например: «В 1956 г. сняли спецпереселение и разрешили выезжать в любой город Советского Союза, кроме места, где мы раньше жили (город Днепропетровск)»; «Отца через 9 месяцев оправдали; к Сталину относился хорошо, был благодарен за то, что оправдали»; «Был один в соседней деревне Хмеле, он 10 лет отсидел. Но он был на стороне партии. Я у него спросил: как ты выжил в лагере? Он сказал так: «Меня в лагерь посадили из-за языка, он же мне и помог выжить».

Возвращались, судя по воспоминаниям, немногие: «Из нескольких репрессированных вернулся в деревню один, рано умер». Среди вернувшихся из мест заключения немногие отваживались честно высказывать своё мнение о происходивших событиях: «Не помню точно, сколько он пробыл в колонии, но после приезда всю жизнь работал библиотекарем. К Сталину относился крайне негативно»; «Двое моих родственников отсидели по 10 лет и вернулись в период реабилитации. Они очень негативно относились к И. В. Сталину и периоду его правления». В произошедшем, судя по некоторым высказываниям, винили не только Сталина, но и людей из его окружения: «Среди родных был репрессирован в 1938 году отец моей жены, а реабилитирован в 1968. Из заключения он вернулся в 1942 году. К Сталину И. В., скорее всего, он относился нормально. Обида больше всего приходилась на тех, кто организовал процесс осуждения своих недругов». Судя по некоторым высказываниям, размах репрессий, связанная с ними практика доносительства инкриминировались не только Сталину или советскому государству, но и конкретным людям, пытавшимся таким путём осуществить личную месть или получить какую-либо выгоду.

Среди представителей старшего поколения, чьё детство и юность пришлось на период 1950-х гг., широко распространена рефлексия относительно событий той эпохи. Один из респондентов 1933 г. р. так определил ситуацию: «Народ обо всём происходящем во времена Сталина знал и понимал, потому что половина страны сидела в тюрьмах и была раскулачена в сталинские времена. И во время Хрущёва эта машина не остановилась – он был не лучше, чем Сталин. Осуждение культа личности – только слова». В 1950-е гг. подобное мнение вряд ли было массовым, как следует из ответов, тему репрессий в семьях старались не поднимать даже с началом реабилитации. Но благодаря критике культа личности в массовом сознании эпохи Сталина и Хрущёва чётко различаются: «Хрущёв – менее жесто-

кий правитель, чем Сталин. Во время его правления многие беспричинно посаженные при Сталине заключённые были выпущены из тюрем. Народ стал меньше бояться. Однако при нём велась активная антирелигиозная пропаганда» (1936 г. р.).

Осознание произошедших перемен в жизни общества пришло к советским людям не сразу, в провинции они были ещё менее очевидны, хотя и в крупных городах, включая такой культурный центр как Ленинград, даже студенческая молодёжь не стремилась к активным политическим действиям [9, с. 45]. Респонденты обычно вспоминали, что «... всё шло своим чередом», «особых изменений не произошло, так же все трудились, работали партийные, комсомольские, профсоюзные и пионерские организации». Но перемены ощущались где-то на психологическом уровне: «спала напряжённость в отношениях людей, меньше стали доносить». Многие отмечают, что жизнь людей в послесталинский период изменилась к лучшему: «... колхозы встали на ноги, началось их строительство, строительство ферм, да и самого посёлка»; не обошлось и без стереотипов относительно насаждения кукурузы, прочно связанной с аграрными преобразованиями Н. С. Хрущёва, а также противопоставления сталинского порядка реалиям последующей эпохи.

Заключение. Большая часть советских людей, живших во второй половине 1950-х гг., не сразу ощутила перемены, которые сейчас считаются эпохальными: критика культа личности Сталина, реабилитация и десталинизация. Провинциальное население СССР, особенно молодёжь и подростки, личностное становление которых пришлось на сталинскую эпоху, в основном придерживались мифа «о непогрешимости вождя». Политическая активность жителей провинциальных городов и сёл была невелика, их представления о происходящем в стране формировались на основе официальных источников, которым они привыкли безоговорочно доверять. Лишь собственный жизненный опыт и история семьи становились основой рефлексии, но, чаще уже спустя десятилетия, в зрелом возрасте, когда услышанное в детстве приобретало новый смысл.

Список литературы

1. Аксютин Ю. В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН. 2004. 622 с.
2. Батурина Ю. Ю. Общественно-политические настроения научно-педагогической интеллигенции Саратова и Сталинграда после XX съезда КПСС // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2 (18). С. 175–179.
3. Зезина М. Р. Шоковая терапия от 1953-го к 1956 г. // Отечественная история. 1995. № 2. С. 121–135.
4. Зубкова Е. Ю. Реформы Хрущёва: культуры политического действия // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 97–107.
5. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М. 2000. 229 с.
6. Лебина Н. Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 208 с.
7. Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Победа. 2015. 484 с.

8. Лейбович О. Л. Отзывы на доклад Н. С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» в Молотовской области. Март-апрель 1956 г. // Вестник архивиста. 2011. № 1. С. 254–269.
9. Молчанова Т. В. Политические настроения ленинградского студенчества в период десталинизации // Клио. 2013. № 8 (80). С. 144–145.
10. Осмачкин А. В. Образ И. В. Сталина в социально-политических представлениях советских людей Краснодарского и Ставропольского краёв в 1953–1956 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 4 (148). С. 64–68.
11. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. М.: АСТ. 2007. 715 с.
12. Пихоя Р. Г. Советский союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2000. 684 с.
13. Пыжиков А. В. Проблема культа личности в годы хрущёвской оттепели // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 47–57.
14. Пыжиков А. В. Хрущёвская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2002. 511 с.
15. Римский В. Л. Мифы о Сталине и культе личности в сознании российских граждан и элиты // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 97–105.
16. Чернышев А. С. Хрущёвская «оттепель». Современная историография (2000–2016 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 3. С. 24–31.
17. Палаев В. П. Синергетические свойства России: исторические истоки и историческая судьба // SocioTime. 2018. № 1 (13). С. 49–64.

Авторская справка

МОКРОУСОВА Л. Г., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и психологии, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия.
E-mail: MokrousovaL.G@volgatech.net

ПАВЛОВА А. Н., доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и психологии, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия.
E-mail: PavlovaAN@volgatech.net

UDC 94(47).084.9

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.85

THE POLITICAL MOODS OF THE SOVIET PROVINCIAL SOCIETY OF THE MIDDLE OF THE 1950s. (PART II)

M. G. Mokrousova, A. N. Pavlova
Povolzhskiy State Technical University

Introduction. In the second half of the twentieth century there were serious changes in the political mood of Soviet society associated with the process of de-Stalinization, initiated by the country's leadership. The problem of mass repressions and the rehabilitation of their victims remains one of the most debatable to date, and the question of changing Soviet models of mythology is only beginning to be developed in Russian domestic science. The question of the perception of these changes in the general population of the USSR has been little studied, in contrast to the moods of the party-government and cultural elites of that era.

Methods. The object of the study was the political mood of Soviet citizens of the second half of the 1950s, restored according to the memories of contemporaries and participants of the events. The materials were collected in the framework of a survey conducted for several years by teachers and students of the Volga State Technological University among residents of the Mari El Republic and neighboring regions. The

analysis of the sources was carried out on the basis of an interdisciplinary approach using the methods of historical and socio-anthropological research.

Results. The study of the survey materials shows that the political moods of the Soviet people in the province, including children and adolescents, was formed under the influence of the media, as well as other official sources. The difficult situation in the country in the 1920-1950s was directly reflected in the fate of people, so family history has become an important source of political mood formation. Soviet provincial society, with a few exceptions, in the mid-1950s was far from politics, preferring not to deal with acute problems.

Conclusion. The study of the political moods of the provincial society in the mid-1950s allowed to identify sources and mechanisms of public opinion formation.

Keywords: Soviet society; province; XX Congress of the CPSU; personality cult; de-Stalinization; rehabilitation; Khrushchev.

References

1. Aksyutin Yu.V. Khrushchevskaya «otpepel'» i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg. [Khrushchev's «thaw» and public sentiment in the USSR in 1953–1964] Moscow. ROSSPEN. 2004. 622 p.
2. Baturina Iu.Iu. Obshchestvenno-politicheskie nastroyeniia nauchno-pedagogicheskoi intelligentsii Saratova i Stalingrada posle XX s"ezda KPPSS [Socio-political sentiments of the scientific and pedagogical intelligentsia of Saratov and Stalingrad after the XX Congress of the CPSU] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Volgograd State University]. Seriya 4: Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia. 2010. No 2 (18). Pp. 175–179.
3. Zezina M. R. Shokovaia terapiia ot 1953-go k 1956 g. [Shock therapy from 1953 to 1956] // Otechestvennaia istoriia [National history]. 1995. No N 2. Pp. 121–135.
4. Zubkova E. Iu. Reformy Khrushcheva: kul'tury politicheskogo deistviia [Khrushchev's Reforms: Cultures of Political Action] // Svobodnaia mys' [Free thought]. No 1993. № 9. Pp. 97–107.
5. Zubkova E. Iu. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953. [Post-war Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow. 2000. 229 p.
6. Leбина N. B. Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul'tura. SSSR – otpepel' [Man and woman: body, fashion, culture. USSR – thaw]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. 208 p.
7. Leбина N. B. Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy. Destruktsiia bol'shogo stilia: Leningrad, 1950–1960-e gody [The daily routine of the era of space and corn. The destruction of the grand style: Leningrad, 1950–1960's]. St. Petersburg: Pobeda. 2015. 484 p.
8. Leibovich O. L. Otzyvy na доклад N.S. Khrushcheva «O kul'te lichnosti i ego posledstviakh' v Molotovskoi oblasti. Mart-aprel' 1956 g. [Feedback on the report by N. S. Khrushchev «On the personality cult and its consequences» in the Molotov region. March-April 1956] // Vestnik arkhivista [Archivist's bulletin]. 2011. No № 1. Pp. 254–269.
9. Molchanova T. V. Politicheskie nastroyeniia leningradskogo studenchestva v period destalinizatsii [The political mood of the Leningrad student in the period of de-Stalinization] // Klio [Clio]. 2013. No № 8 (80). Pp. 144–145.
10. Osmachkin A. V. Obraz I. V. Stalina v sotsial'no-politicheskikh predstavleniiakh sovetских liudei Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev v 1953–1956 gg. [The image of I.V. Stalin in the socio-political views of the Soviet people of the Krasnodar and Stavropol Territories in 1953–1956] // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofii, istoriia, sotsiologiia, iurisprudentsiia, politologiia, kul'turologiia [Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology]. 2014. No № 4 (148). Pp. 64–68.
11. Pikhoya R. G. Moskva. Kreml'. Vlast'. Sorok let posle voyny, 1945–1985 [Moscow. Kremlin. Power. Forty years after the war, 1945–1985]. Moscow, AST. 2007. 715 p.
12. Pikhoya R. G. Sovetskii soyuz: istoriya vlasti, 1945–1991 [Soviet Union: A History of Power, 1945–1991]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 2000. 684 p.
13. Pyzhikov A. V. Problema kul'ta lichnosti v gody khrushchevskoi otpepeli [The problem of the personality cult during the Khrushchev thaw] // Voprosy istorii [History questions]. 2003. No 4. Pp. 47–57.

14. Pyzhikov A. V. Khrushchevskaya «otpepel'» [Khrushchev's «thaw»]. Moscow, OLMA-PRESS. 2002. 511 p.
15. Rimskii V. L. Mify o Staline i kul'te lichnosti v soznanii rossiiskikh grazhdan i elity [Myths about Stalin and the personality cult in the minds of Russian citizens and the elite] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]. 2011. No 1. Pp. 97–105.
16. Chernyshev A. S. Khrushchevskaya «otpepel'». Sovremennaya istoriografiya (2000–2016 gg.) [Khrushchev's «thaw». Contemporary historiography (2000–2016)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science]. 2017. No 3. Pp. 24–31.
17. Shalaev V. P. Sinergeticheskie svoystva Rossi: istoricheskie istoki i istoricheskaya sud'ba [Synergetic Properties of Russia: Historical Origins and Historical Fate] // SocioTime. 2018. No 1 (13). Pp. 49–64.

Author's Bio

МОКРОУСОВА Л. Г., Cand. Sc. Sci., Docent of the Department of History and Psychology, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: MokrousovaLG@volgatech.net

ПАВЛОВА А. Н., Doctor of Historical sciences, Docent, the Head of the Department of History and Psychology, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: PavlovaAN@volgatech.net

Библиографическая ссылка

Мокроусова Л. Г., Павлова А. Н. Политические настроения советского провинциального общества середины 50-х гг. (часть II) // SocioTime / Социальное время. 2021. № 4 (28). С. 85 – 97. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.85

УДК 379/85

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.98

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В МАРИЙ ЭЛ

Н. М. Охотина*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)*

Введение. Данная статья посвящена истории туризма в Марий Эл. Современное состояние туризма в РМЭ проанализировано различными авторами достаточно подробно. Однако полной картины эволюции туризма и основных этапов его развития в Марий Эл нет.

Методы. При рассмотрении истории туризма в Марий Эл были использованы такие методы, как сравнительно-исторический, системно-структурного анализа и комплексного подхода.

Основные идеи исследования, полученные результаты и обсуждение. Предметом исследования являются этапы развития туризма в марийском крае. Автор путём группировки исторических событий в отдельные периоды провела периодизацию туризма в Республике Марий Эл. Особое внимание уделено предпосылкам становления и развития туристско-экскурсионной деятельности в марийском крае. Определено, что дореволюционный период во многом связан с развитием экскурсионного дела в рамках школьного образования. Главными особенностями развития туризма в советский период были массовость и социальный характер. Основные тенденции постсоветского периода развития туризма связаны с коммерциализацией туризма в целом и превращением Марий Эл в последние десятилетия в один из туристских центров России. Преимуществом туризма в РМЭ являются уникальные природные ресурсы и экологическая ситуация, а также духовная культура марийцев.

Заключение. Представленный материал помогает, на наш взгляд, рассмотреть сущность основных этапов формирования и развития туризма в Марий Эл, показать непосредственную связь с состоянием общества. Результаты исследования имеют значение для понимания современного состояния туризма в Республике Марий Эл.

Ключевые слова: история туризма; туризм; периоды; экскурсионное дело; социальный туризм; Марий Эл.

Введение. Туризм – это отрасль человеческих знаний, ознакомление с которой позволяет раскрыть спектр развития всех сторон жизни человечества [4, 17]. Изучение исторического опыта зарождения и развития туризма необходимо для научного осмысления теоретических и практических проблем, связанных с туристской индустрией, её развитием в современных условиях.

Периодизация истории туризма неоднократно предпринималась различными исследователями. Один из основных подходов к периодизации истории туризма, которые предпринимали учёные и практики российской туристской индустрии, копирует исторические этапы развития российского государства [1, 6]. История туризма в марийском крае также неразрывно связана с основными вехами истории Марий Эл и представлена тремя основными периодами: дореволюционным, советским и современным.

Методы. В данной статье были использованы следующие методы: сравнительно-исторический, метод системно-структурного анализа и комплексного подхода.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Дореволюционный период становления туризма был ознаменован этнографическим изучением марийского края и сбором краеведческого материала, а также про-

светительским периодом, связанным с экскурсионным делом и походами в рамках школьного образования.

Со второй половины XIX в. интерес к изучению марийцев заметно возрос. В 1845 г. в Петербурге было основано Русское Географическое общество (с 1938 г. – Всесоюзное географическое общество, ныне – Российское географическое общество) [11, 214]. Организованные данным обществом экспедиции развернули широкую планомерную деятельность по организации исследований всех народов страны, включая марийцев.

Широкий сбор краеведческого материала осуществляло Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, созданное в 1878 г. Корреспондентами общества была местная интеллигенция: учителя, земские служащие, священники из уездов, населённых марийцами – учитель Царевококшайского уездного училища Е. И. Селиверстов, смотритель народных училищ В. К. Магницкий, историк-краевед С. М. Михайлов, священники М. Кроковский, В. Громов, марийский просветитель В. Нурминский [9, 25]. В своих сообщениях обществу они присылали ценные этнографические данные, большая часть которых регулярно публиковалась в «Известиях» общества (1879–1922).

В 1870 году открылась Казанская учительская семинария в соответствии с Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев [5, 112]. Учащиеся профессиональных учебных заведений Казани – Инородческой школы и Земской школы для подготовки учительниц – регулярно участвовали в экскурсиях.

Краеведение во второй половине XIX века было связано с формированием земского школьного образования в марийском крае. Именно во второй половине XIX века открылись первые земские училища, и начальная школа приобрела поистине массовый народный характер. Земские учителя сыграли важную роль в обучении и распространении грамотности, а экскурсии, походы, путешествия стали применяться как способ обучения. К началу XX в. образовательные экскурсии становятся традиционными в рамках земского движения. Из их среды вышли известные марийские просветители, такие как Г. Я. Яковлев, М. С. Кроковский, С. А. Нурминский, И. Я. Моляров, Т. З. Удюрминский, П. И. Ерусланов и многие другие.

Предыстория туризма в марийском крае в начале XX века связана с такими популярными занятиями среди городского и сельского населения, как конные скачки, русская лапта, городки, борьба, катание на санках и лыжах.

Советский период становления туризма характеризуется активизацией краеведческого движения. После революционных событий 1917 г. активизируется изучение марийского народа. Это было связано с практической необходимостью коренного переустройства в марийском крае.

В 1917 г. в Царевококшайске (в нынешней Йошкар-Оле) была открыта русско-черемисская учительская семинария под руководством Л. Я. Мендиарова [2]. Кроме общепринятых дисциплин, изучались марийский язык, предметы краеведческого и этнографического циклов, были созданы специальные программы по истории марийской народности, этнографии мари и родоноведению, проводились экскурсии.

В 20-е гг. прошлого века центром исследовательской и собирательской работы по этнографии было созданное в 1923 г. Марийское областное общество краеведения, а также музеи гг. Краснококшайска (Йошкар-Ола) и Козьмодемьянска [7, 5]. В рамках деятельности данного Общества школьными кружками проводилось исследование родного края, в том числе путём экскурсионной работы. Но судьба краеведения была драматичной: последовал его фактический разгром на рубеже 1920–1930-х годов. Марийское общество краеведения прекратило своё существование.

Вторая половина 1930-х годов характеризовалась началом массового туристско-краеведческого движения школьников. На территории марийского края существовали только любительские туристические организации. Великая Отечественная война вопросы краеведения отодвинула на второй план. После войны происходит усиление историко-краеведческой работы.

Зарождение физкультурного движения начинается в 20-е гг., когда был создан Областной совет физической культуры Марийской автономной области – орган государственного руководства физкультурным движением [12, 199]. В 1925 году были созданы кантонные (районные) советы. В целях пропаганды и утверждения новых веяний в быту деревни широко использовались национальные праздники «Пеледыш пайрем», «Сабантуй» и другие.

В 1936 г. Областной совет физической культуры был преобразован в Комитет по делам физической культуры и спорта при Исполнительном комитете МАССР [3, 267]. В 1953 году Комитет по делам физкультуры передан в ведение Министерства здравоохранения МАССР, районные комитеты физкультуры объединены с районными отделами здравоохранения, но в 1954 году вновь был образован Комитет физкультуры и спорта при Совете Министров МАССР. В 1968 году создан Комитет по физической культуре и спорту МАССР, который в 1986 году преобразовали в Государственный комитет МАССР по физической культуре и спорту.

Таким образом, советский период (до 60-х гг. XX века) характеризуется широким вовлечением детей и подростков в рамках школьного образования в краеведческую и экскурсионную работу, зарождением массового физкультурного движения и самостоятельных туристских организаций. С 60-х годов XX века происходит организационное оформление туризма. В 1962 г. создан Марийский областной совет по туризму и экскурсиям на общественных началах, который возглавил В. Н. Русаков, старший преподаватель физвоспитания Марийского государственного педагогического института имени Н. К. Крупской [12, 203]. Основными целями и задачами этой общественной организации было развитие массового туризма в коллективах предприятий, организаций, школ, учебных заведений. В 1963 году нормативы на значок ГТО сдали более 5 тысяч человек.

Дальнейшее развитие туризма требовало наличия туристических баз, туристско-оздоровительных лагерей, создания проката туристического снаряжения и инвентаря, а также максимального расширения местной экскурсионной работы. Так, в 1963 году была создана Марийская туристическая база при совете по туризму, в Йошкар-Оле созданы Центральный клуб туристов, городские клубы туристов в Козьмодемьянске и Волжске.

В 1964 году создан штатный аппарат Марийского областного совета по туризму в количестве 3 человек, открылась туристическая база «Сура» в Горномарийском районе (д. Новая Слобода), в июне 1966 года открылась туристическая база «Яльчик», организована работа на туристической базе «Куяр». В последующие годы построены туристические базы: «Элнет», «Кокшайская», «Чевер Юл», «Сосновая роща». В столице республики открыт первый туркомплекс, объединивший гостиницу, ресторан, киноконцертный зал, турклуб.

В целях дальнейшего развития и совершенствования туристско-экскурсионного обслуживания населения республики были созданы туристские бюро в Йошкар-Оле, Козьмодемьянске, Волжске, Звенигове и посёлке Сернур. Председателем Областного совета по туризму и экскурсиям в этот период работал И. Т. Сидоркин (1971–1986 гг.). В те годы Центральный совет по туризму и экскурсиям вёл активную подготовку туристских кадров. Прошли подготовку В. А. Марышев, Н. С. Коляков, А. В. Белянчиков, Т. В. Чернов, В. Е. Суслов, ставшие затем руководителями спортивных секций и клубов.

В 1967 году с созданием Всесоюзного общества по туризму и экскурсиям было положено начало постепенному разделению массового самодеятельного и планового туризма. В 1970 году при Марийском областном совете профсоюзов создаётся сектор иностранного туризма. Основные направления деятельности данного сектора – организация поездок советских туристов, выезжающих по линии ВА «Интурист» и ИЦСПС (безвалютные группы), а также оказание помощи специалистам, выезжающим за рубеж от предприятий республики. Как правило, поездки в этот период были групповые, по 30–40 человек, в основном состоявшие из передовиков производства, заслуженных людей республики.

Ежегодно в 1970–1980 гг. направлялись за рубеж 800–1000 человек со всех районов республики. География выездов самая разнообразная, но в основном это страны социализма – Болгария, Румыния, Чехословакия, ГДР, Венгрия, Польша, а также Куба и Вьетнам. Путёвки выдавались на льготных условиях за счёт средств профкомов предприятий и организаций.

Другой линией развития туризма в республике в советский период был молодёжный. Бюро международного молодёжного туризма «Спутник» создано в 1972 году как отдел обкома ВЛКСМ. Услугами БММТ «Спутник» могли воспользоваться все категории молодёжи – учащиеся школ, ПТУ, студенты техникумов и вузов, рабочая и сельская молодёжь до 30 лет включительно.

Путёвки по линии БММТ «Спутник» использовались в качестве поощрения лучших представителей молодёжи, передовиков производства за счёт комсомольских и профсоюзных организаций. Особой популярностью пользовались международные молодёжные лагеря и центры, расположенные в самых разных уголках бывшего СССР. Это «Ноорус» в Эстонии, «Лесное озеро» в Латвии, «Спутник» в Сочи, «Золотое руно» в Тбилиси, «Ласточка» в Ереване, «Волгарь» в Костроме, «Волга» в Казани и другие [3, 270].

Сотни молодых жителей республики ежегодно выезжали за границу по линии БММТ «Спутник». В связи с тем, что в тот период Марийская автономия была для иностранных туристов закрытым регионом, в республику ежегодно приезжали

лишь 2 группы туристов из области Ваш Венгерской Народной Республики (ВНР). В ВНР в область Ваш также направлялись 2 группы марийских туристов по безвалютному обмену.

В 1985 году в городах МАССР имелись бюро путешествий и экскурсий. Объём услуг, оказанных туристскими экскурсионными организациями, составил в 1985 году более 5 млн. рублей. Активно развивалось туристско-краеведческое направление в виде, прежде всего, школьного туризма. Кроме того, с 1961 года Детско-юношеский центр «Роза ветров» являлся опорным учреждением, занимающимся детским туризмом. Дворец пионеров и школьников г. Йошкар-Олы, открытый в 1977 году, имел множество кружков и секций, в том числе туристской направленности.

Таким образом, с 60-х годов XX века происходит организационное оформление туризма в Республике Марий Эл. Именно в этот период создаётся материальная база туризма, развиваются различные его направления, в том числе детско-юношеский и молодёжный. При этом следует отметить социальный характер туризма советского периода, субсидируемого из средств профсоюзов и государства, а также чрезмерную его идеологизацию.

С середины 1980-х годов XX века туризм, как вид массового отдыха, претерпел существенные изменения. Со сменой в стране экономической политики в регионе и республике все туристские организации были преобразованы в предприятия различной организационно-правовой формы и формы собственности. Прекратил свою деятельность БММТ «Спутник».

В 1986 году сектор иностранного туризма преобразовали в отдел советского туризма областного совета профсоюзов, а в 1989 году отдел был ликвидирован и его работники переведены во вновь созданное агентство Госкоминтуриста СССР Йошкар-Олы, то есть вся организация туристических поездок была передана от профсоюзов государственному органу. Система социального туризма прекратила своё существование.

Новый этап развития туризма начинается с конца 1991 года, что было обусловлено распадом системы социального туризма. Дальнейшее развитие туризма в республике, как и в стране в целом, пошло по пути коммерциализации, значительно сократилась география внутреннего и въездного туризма. В начале 1990-х годов в Йошкар-Оле появились новые туристские фирмы «Матур» и «Южный берег», которые на сегодняшний день являются одними из старейших туроператоров. С середины 1990-х годов начала активизироваться деятельность по международному туризму. В городах РМЭ стали создаваться туристические фирмы, занимающиеся организацией турпоездок за рубеж.

В 1996 году образовано Министерство физической культуры, спорта и туризма РМЭ, а в 1998 году Областной совет по туризму и экскурсиям преобразовали в туристско-экскурсионное производственное предприятие «Маритурист», с 1997 года – ЗАО «Маритурист» [3, 270]. В целом 90-е годы XX века были достаточно сложными для развития туризма в РМЭ, который изначально ориентировался в основном на выезд.

Начало 2000-х годов связано с переориентацией туроператорских компаний на обслуживание граждан внутри России. Их деятельность на внутреннем туристском рынке заметно активизировалась, потребовались кадры для сферы гостеприимства и туризма. При факультете социальных технологий Марийского государственного технического университета (ныне – Поволжский государственный технологический университет) появилась специальность «Социально-культурный сервис и туризм», а в дальнейшем – направления «Туризм» и «Сервис».

С 2009 года действует Соглашение о взаимодействии в сфере туризма между Федеральным агентством по туризму и Правительством Республики Марий Эл, в соответствии с которым Правительство Республики Марий Эл и Ростуризм осуществляют согласованную политику в сфере внутреннего и международного туризма с целью создания благоприятных условий для устойчивого развития туризма как одной из отраслей экономики РФ [8].

С целью увеличения потока туристов и продвижения Республики Марий Эл – как привлекательного региона в 2013 году создан Комитет Республики Марий Эл по туризму, а с 2017 года Комитет реорганизован в Министерство молодёжной политики, спорта и туризма РМЭ.

В настоящее время туризм является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития республики. На территории Марий Эл действуют 39 турагентских и 9 туроператорских фирм. В 2015 году создан туристско-информационный центр на базе Музея истории города Йошкар-Олы, а в 2020 году – Центр развития туризма «Volgatech» на базе Поволжского государственного технологического университета. По итогам 2019 года туристический поток составил более 800 тысяч человек.

Важное значение в области развития туризма на региональном уровне имеет Распоряжение Правительства РМЭ от 31.05.2018 года № 330-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Республике Марий Эл на период до 2025 года» [10]. Целью данной Стратегии стало создание условий для развития внутреннего и въездного туризма в Республике Марий Эл с учётом обеспечения социально-экономической стабильности в регионе. В РМЭ развиваются такие туристские направления, как сельский, экологический, этнографический, детский и образовательный, социальный виды туризма. В настоящее время муниципальные программы, включающие подпрограммы «Туризм» и отдельные муниципальные программы по направлению «Туризм», действуют в Йошкар-Оле и Козьмодемьянске, а также в 11 муниципальных районах республики.

Основными проблемами в развитии туризма в РМЭ являются слабое развитие туристической инфраструктуры, низкий уровень предоставляемых туристских услуг, а также качество сервисных услуг на предприятиях гостиничной сферы и общественного питания [10].

В 2020 г. пандемия коронавируса COVID-19 остановила туристские потоки [6, 51]. Это также крайне негативно отразилось на туризме в РМЭ и привело к резкому сокращению туристского потока в 2020 году. Однако в 2021 году туристский потенциал набирает обороты. Это связано, в том числе с увеличением количества круизных теплоходов, причаливающих к Козьмодемьянску. Кроме того, отдельное

внимание уделяется развитию туризма в Моркинском районе РМЭ, где разработана дорожная карта туристских мероприятий. Основой турмаршрутов стали Шорунжинский этнокультурный комплекс и экологическая тропа «Карман курык».

В первом полугодии 2021 года количество туристов и экскурсантов, посетивших Марий Эл, составило более 220 тысяч. Туристический бизнес РМЭ участвовал в конкурсном отборе Федерального агентства по туризму на получение грантов для реализации инициатив в турсфере. Три проекта из Марий Эл стали победителями конкурса, получив в общей сумме 8,5 миллиона рублей.

В туристской отрасли Марий Эл работают 83 аккредитованных экскурсовода, среди которых 7 гидов-переводчиков со знанием английского и финского языков. В рамках участия Марий Эл в национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства» работа строится по трём основным направлениям: совершенствование управления в сфере туризма, повышение доступности туристских услуг и развитие туристской инфраструктуры.

Заключение. Таким образом, в истории туризма можно выделить три основных этапа: дореволюционный, советский и постсоветский (современный) периоды.

Предыстория туризма в дореволюционный период характеризуется зарождением массового физкультурного движения и краеведением, а также развитием экскурсионного дела в рамках школьного образования.

В советский период развитие туризма в марийском крае происходило на любительской основе, а с 60-х годов XX в. – на профессиональной основе, с появлением Областного совета по туризму и экскурсиям. При этом следует отметить, что именно в советский период были созданы материальная база и система социального туризма.

Постсоветский период в развитии туризма характеризуется разрушением прежней системы социального туризма и его коммерциализацией. Организационное оформление туризма в новых экономических условиях произошло с образованием Министерства физической культуры, спорта и туризма РМЭ в 1996 году (ныне – Министерство молодежной политики, спорта и туризма РМЭ). В последние годы туризм в Республике Марий Эл демонстрировал динамичное развитие, которое серьёзно приостановила пандемия COVID-19. Тем не менее Республика Марий Эл на современном этапе имеет значительный потенциал для развития культурного, познавательного, этнографического, событийного туризма. В первую половину 2021 года ситуация показала оптимистичные тенденции по восстановлению турпотока в РМЭ.

Список литературы

1. Долженко Г. П. История туризма в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации: 1696 г. – современность. Ростов-на-Дону: Феникс. 2010. Москва. МарТ. 2010. 301 с.
2. Иванов А. Г., Свечников С. К. История и культура народов Республики Марий Эл: информационно-просветительский сборник. Часть II. История края XIX века и культура народов XIX – XX столетий. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во. 2019. 256 с.
3. История Марийской АССР. Эпоха социализма (1917–1987). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 1987. Том 2. 326 с.
4. История туризма М.: Федеральное агентство по туризму. 2014. 256 с.
5. Киржаева В. П. Казанская учительская семинария в политико-правом и культурно-

образовательном контексте эпохи // История образования. 2003. № 2. С. 112–120.

6. Логунцова И. В. Индустрия туризма в условиях пандемии коронавируса: вызовы и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. С. 49–65.

7. Сепеев Г. А. Основные проблемы этнографических исследований в Марийском НИИ // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. – Вып. 5. Йошкар-Ола. 1981. С. 5–19.

8. Соглашение о взаимодействии в сфере туризма // Официальный сайт Правительства РМЭ. Режим доступа: <http://mari-el.gov.ru/minsport/Pages/main.aspx>.

9. Степанов А. Ф. Просветитель С. А. Нурминский (Историко-краеведческий очерк) Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во. 1989. 96 с.

10. Стратегии развития туризма в РМЭ // Официальный сайт Правительства РМЭ. Режим доступа: <http://mari-el.gov.ru/minsport/Pages/main.aspx>.

11. Токарев С. А. История русской этнографии (Доктябрьский период) / С. А. Токарев. М.: Наука. 1966. 453 с.

12. Энциклопедия Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Галерея. 2009. 872 с.

Авторская справка

ОХОТИНА Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия.

E-mail: OhotinaNM@volgatech.net

UDC 379/85

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.98

HISTORY OF TOURISM DEVELOPMENT IN MARI EL

N. M. Okhotina

Volga State Technological University, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. This article is devoted to the history of tourism in Mari El. The current state of tourism in the RME has been analyzed in sufficient detail by various authors. However, there is no complete picture of the evolution of tourism and the main stages of its development in Mari El.

Methods. When considering the history of tourism in Mari El, methods such as comparative historical, systemic and structural analysis and an integrated approach were used.

Results. The subject of the research is the stages of tourism development in the Mari Territory. The author, by grouping historical events in separate periods, carried out a periodization of tourism in the Republic of Mari El. Particular attention is paid to the prerequisites for the formation and development of tourist and excursion activities in the Mari Territory. It is determined that the pre-revolutionary period is largely associated with the development of excursion business in the framework of school education. The main features of the development of tourism in the Soviet period were mass and social character. The main trends in the post-Soviet period of tourism development are associated with the commercialization of tourism in general and the transformation of Mari El into one of the tourist centers of Russia in the last decade. The advantage of tourism in the RME is the unique natural resources and ecological situation, as well as the spiritual culture of the Mari.

Conclusion. The presented material helps, in our opinion, to consider the essence of the main stages of the formation and development of tourism in Mari El, to show a direct connection with the state of society. The research results are important for understanding the current state of tourism in the Republic of Mari El.

Keywords: history of tourism; tourism; periods; excursion business; social tourism; Mari El.

References

1. Dolzhenko G. P. Istorija turizma v Rossijskoj imperii, Sovetskom Souze i Rosijskoj Federacii: 1696 – sovremennost' [The history of tourism in the Russian Empire, the Soviet Union and the Russian Federation: 1696 – the present], Rostov-on-Don: Fenix, 2010; Moscow: Mart. 2010. 301 p.
2. Ivanov A. G., Svechnikov S. K. Istorija i kul'tura narodov Respubliki Marij El: informacionno-prosvetitel'skij sbornik [History and culture of the peoples of the Republic of Mari El: information and educational collection]. Chast'2. Istorija kraja. XIX veka i kul'tura narodov XIX – XX stoletij [The history of the 19th century region and the culture of the peoples of the 19th – 20th centuries]. Yoshkar-Ola: Marijsk. kn. izd-vo. 2019. 256 p.
3. Istorija Marijskoj ASSR. Epoha socializma [History of the Mari ASSR. The era of socialism (1917–1987)], Yoshkar-Ola: Marijsk. kn. izd-vo. 1987. T. 2. 326 p.
4. Istorija turizma [History of tourism], Moscow: Federal'noe agenstvo po turizmu. 2014. 256 p.
5. Kirzhakova V. P. Kazanskaja učitel'skaja seminaria v politiko-pravovom i kul'turno-obrazovatel'nom kontekste epohi [Kazan Teachers' Seminary in the Political Law and Cultural and Educational Context of the Epoch]. Istorija obrazovania [History of Education]. 2003. № 2. Pp. 112–120.
6. Loguncova I. V. Industria turizma v uslovijah pandemii koronovirusa: vizovi i perspektivi [The tourism industry in the context of the coronavirus pandemic: challenges and prospects] //Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnij vestnik. [Public Administration. Electronic bulletin]. 2020. № 80. Pp. 49–65.
7. Sepee G. A. Osnovnye problemi etnograficheskikh issledovanij v Marijskom NII [The main problems of ethnographic research in the Mari research institute]//Material'naja i duhovnaja kul'tura marijcev. AEMK. [The main problems of ethnographic research in the Mari research institute]. Vyp.5. Yoshkar-Ola. 1981. Pp. 5–19.
8. Soglashenie o vzaimodejstvii v sfere turizma // Ofitsial'nyj sajt Pravitel'stva RME [Official Website of the Mari El government]. Available at: <http://mari-el.gov.ru/minsport/Pages/main.aspx>.
9. Stepanov A. F. Prosvetitel' Nurminskij (Istoriko-kraevedcheskij ocherk) [Enlightener S. A. Nurminsky (Historical and Local Lore Essay)]. Yoshkar-Ola: Marijsk. kn. izd-vo. 1989. 96 p.
10. Strategia razvitia turizma v RME// Ofitsial'nyj sajt Pravitel'stva RME [Official Website of the Mari El government]. Available at: <http://mari-el.gov.ru/minsport/Pages/main.aspx>.
11. Tokarev S. A. Istorija russkoj etnografii (Dooktjabr'skij period). [History of Russian ethnography (pre-October period)]. Moscow: Nauka. 1966. 453 p.
12. Enciklopedija Respubliki Marij El [Encyclopedia of the Republic of Mari El]. Yoshkar-Ola: Galerea. 2009. P. 872.

Author's Bio

OKHOTINA Natalya Mikhaelovna, PhD in History, Associate Professor of Department of Service and Tourism, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: OhotinaNM@volgatech.net

Библиографическая ссылка

Охотина Н. М. История развития туризма в Марий Эл // SocioTime / Социальное время. 2021. № 4 (28). С. 98–106. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.98

УДК 338

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.107

СЛАВНЫЙ ПУТЬ ВАВИЛОВСКИХ ЧТЕНИЙ В МАРИЙ ЭЛ И РОССИИ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

В. П. Шалаев*Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола (Россия)*

Введение. В статье исследован феномен, рассмотрены основные исторические вехи развития Вавиловских чтений – Международной междисциплинарной научной конференции в Йошкар-Оле, работающей в направлении диалога наук, поколений и территорий. Вавиловские чтения связаны с именами двух выдающихся русских, советских учёных с мировым именем – братьев С. И. Вавилова, физика, и Н. И. Вавилова, генетика растений.

Методы. В качестве главных методов исследования выступил исторический подход, аналитический метод и метод научных обобщений.

Основные идеи, полученные результаты и их обсуждение. Вавиловские чтения возникли в Марий Эл в 1996 году как площадка научного диалога учёных различных наук и направлений в период непростых испытаний для российской науки. Их главной целью стало создание условий для поддержания научного диалога и сотрудничества учёных в период жесточайших деформаций отечественной науки и высшей школы в постсоветский период развития России. Другой принципиальной и не менее важной целью стало создание систематической площадки диалога поколений исследователей в науке. Вавиловские чтения изначально в своей деятельности сформулировали научно-просветительскую миссию, налаживание мировоззренческого диалога молодых и зрелых поколений учёных и исследователей в науке. Неотъемлемой частью чтений стал молодёжный сегмент конференции, в рамках которого налажен конкурс на лучшие научные доклады и материалы студентов и магистрантов по 15 научным секциям, включающим в себя гуманитарные, социальные, естественные и технические науки.

Чтения отличает проблемная ориентированность на исследование и решение судеб России и мира в условиях наступающей западной глобализации и общества потребления, а также темы безопасности человека и устойчивого развития общества в условиях глобальных трансформаций, национальной безопасности России в меняющемся мире. За годы научно-просветительской деятельности чтений на земле Марий Эл в них приняли участие более 10 тысяч учёных, исследователей, практиков из 11 стран мира. В разные годы участниками чтений были известные учёные из лидирующих академических институтов и высших учебных заведений РФ, государственные деятели России и Республики Марий Эл. В статье представлена уникальная тематическая история Вавиловских чтений в Йошкар-Оле. Отдельное место уделено описанию и пониманию содержания и результатов юбилейных 25-х Вавиловских чтений.

Заключение. За годы своего существования Вавиловские чтения стали своеобразным научным лицом Республики Марий Эл как в российском, так и международном пространстве научных идей, научного диалога и научного развития. Вавиловские чтения стали важным фактором научно-просвещения и критического осмысления актуальных процессов культурного и цивилизационного развития человека и общества в современном формате.

Ключевые слова: Международные Вавиловские чтения; научный форум; научный диалог; научное просвещение; научное служение.

Введение. 2 декабря 2021 года в Йошкар-Оле состоялись юбилейные 25 Вавиловские чтения. Чтения прошли по теме «БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ».

Вавиловские чтения в Йошкар-Оле связаны с именами двух выдающихся учёных и подвижников научного просвещения России – братьев, академиков Сергея Ивановича Вавилова и Николая Ивановича Вавилова. С. И. Вавилов, будущий Президент Академии Наук СССР, в качестве директора ФИАН АН СССР (Москва) и руководителя ГОИ (Ленинград) с группой учёных оптиков жил и работал в Йошкар-Оле в годы Великой Отечественной войны. Именно С. И. Вавилов стал «флагом» первых чтений в 1996 году. Затем, начиная с 8-х Вавиловских чтений, мы связываем нашу конференцию с именами обоих братьев – двух великих учёных и граждан России, чей вклад является достоянием всей её научной культуры и практики в качестве фундамента в области основных идей генетики и физики.

Вавиловские чтения, как научно-просветительский форум, за годы своего существования, без сомнения, стали своеобразным научным брендом Республики Марий Эл и феноменом российского и международного масштаба. Чтения неизменно посвящены актуальным вопросам развития России в глобальном мире, её национальной безопасности, безопасности человека и устойчивому развитию российского общества в период глобальных трансформаций современного мира. Чтения неизменно патриотичны, они посвящены миссии служения науке и научному просвещению в России. Результаты чтений не единожды востребовались государственными органами власти, в том числе Советом по национальной безопасности России.

Во многом благодаря инициативе чтений в Республике Марий Эл была учреждена Правительством РМЭ Государственная Премия имени С. И. Вавилова, вручаемая за наиболее значительный вклад в сфере технических наук и производства. Феномену чтений обязана своим существованием и стипендия имени С. И. Вавилова, учреждённая Учёным советом ПГТУ и вручаемая ежегодно лучшим студентам всех факультетов и институтов университета за достижения в области научных исследований. Всё это говорит о том, что Чтения своей деятельностью выступили важным фактором не только сохранения доброго имени братьев Вавиловых на земле Марий Эл, но и фактором, стимулирующим дальнейшее развитие науки.

Методы. В качестве главных методов исследования выступил исторический подход, аналитический метод и метод научных обобщений.

Основные идеи, полученные результаты и их обсуждение. Масштабны идея и сообщество Вавиловских чтений. Ежегодно в конференции принимают участие до 500 исследователей, работают до 15 научных секций в области социальных, гуманитарных, естественных и технических наук, круглые столы по актуальным проблемам развития человека, общества и науки. Всего за годы существования в Вавиловских чтениях приняли участие более 10 тысяч учёных, исследователей, преподавателей-практиков, студентов, магистрантов и аспирантов. На сегодня это один из самых массовых и популярных научных форумов Марий Эл и

России. Традиционно в нём принимают участие учёные и исследователи из многих городов России и зарубежных стран (Беларусия, Германия, США, Болгария, Словакия, Турция, Украина, Азербайджан, Киргизия и др.). В рамках чтений проходит традиционный конкурс докладов и материалов молодых исследователей.

К числу важнейших секретов, открытых наблюдательными исследователями истории чтений, можно отнести поразительную преданность этому движению многих известных современников из большой отечественной науки. К их числу можно отнести широкую плеяду гуманитариев и технарей, государственных деятелей Марий Эл и России, в равной мере неизменно год за годом подпитывающих своей энергией, творческими идеями, личным участием живительную палитру научного общения в Йошкар-Оле. Отдадим им должное перед лицом научной общности и назовём их имена.

Из Республики Марий Эл активное участие в истоках чтений и на путях их последующего развития приняли профессоры и известные учёные: **Ившин В. П., Ощепков Г. С., Грунин Ю. Б., Иванов В. А., Алибеков С. Я., Пчелин В. И., Котов М. М., Дмитриев С. В., Наводнов В. Г., Лаврентьев Б. Ф., Фурман Я. А., Демаков Ю. П., Липатов А. Т., Катков Н. С., Шалаева С. Л., Старыгина Н. Н., Глухов О. А., Соловьев В. С., Жукова Л. А., Ижуткин В. С., Швецов Н. М., Морова Н. Н., Марьин Г. С., Царегородцев Е. Н., Салихов М. Г., Сидоркина И. Г., Низова Л. М., Павлова А. Н., Котлов В. Г., Морозов М. Н., Лежнина Л. В., Сунгурова Е. В., Шабалин А. В., Никитина Т. Б.** (ПГТУ, МарГУ, МГПИ, МарНИИ); **Васин Н. И., Мухин В. И., Плынов Е. П.** (Йошкар-Олинские врачи и учёные) и другие деятели науки и высшей школы Марий Эл.

Из научных и вузовских центров России: профессоры **Аршинов В. И., Лепский В. Е., Розин В. М., Буданов В. Г.** (Институт философии РАН, Москва); **Астафьева О. Н., Делокаров К. Х.** (РАНХиГС, Москва); **Степанов Е. И.** (ИС РАН, Москва); **Гарбузов В. Н.** (Институт США и Канады РАН, Москва); **Вавилов Н. Ю., Полищук Р. Ф., Чернавский Д. С.** (Физический институт РАН, Москва); **Малинецкий Г. Г.** (Институт Прикладной математики, РАН, Москва); **Гавров С. Н.** (Финансовый университет, Москва); **Зеленов Л. А., Дахин А. В., Щуров В. А., Бекарев А. М., Кутырев В. А., Пак Г. С., Широкалова Г. С.** (ННГУ, НГАСУ, НГСХА, РАНХиГС, Н. Новгород); **Солонин Ю. Н., Бранский В. П., Стрельченко В. И., Грякалов А. А., Ильин В. И.** (СПбГУ, РГПУ, Санкт-Петербург); **Полутин С. В., Дадаева Т. М.** (МордГУ, Саранск); **Щелкунов М. Д., Шатунова Т. М., Солодухо Н. М., Беляев В. А., Салагаев А. Л., Сергеев С. А., Курашов В. А., Ершов А. Ю.** (КГТУ, К(П)ФУ, КНИТУ, КНИТУ-КАИ); **Войцехович В. Э.** (ТГУ, Тверь); **Григорьев С. И., Максимова С. Г., Дунец А. Н., Заусаева Н. Н.** (АГУ, Барнаул) и др. деятели российской науки и высшей школы.

Из зарубежных стран: профессоры **Рамтун Р., Мензо Д., Акоюн К.** (все – США); **Ведлер Б.** (Миттвайда, Германия); **Кочурко В. И., Зеленков А. И., Бабосов Е. М., Водопьянов П. А., Бурак П. М.** (НАН Беларуси, БГУ, БГТУ, Минск, БарГУ, Барановичи); **Илиева С., Проданов В., Атанасов П., Димитров Д. Й.**

(СГУ, НАН, Болгария, София, Болгария); **Левицка Я.** (ТГУ, Трнава, Словакия); **Тарароев Я. В.** (Харьков, Украина); **Аллахвердиев К., Билалов Б.** (Баку, Азербайджан); **Ибрагимов А., Перинчек М.** (Стамбул, Турция) и др.

Участниками чтений в разное время были государственные деятели России и Марий Эл: **Косачев К. И., Никонов В. А., Смолин О. Н.** (Москва); **Минаков Ю. А., Васютин М. З., Гаранин Л. А., Гаврилов Н. Н., Смирнова Л. Г., Мустаев Г. П., Швецова Г. Н., Кусакин А. В., Рассанов В. П.** и др. (Марий Эл). Неизменное внимание чтениям с момента их образования уделяли первые Президенты и Главы РМЭ **Кислицын В. А., Маркелов Л. И., Евстифеев А. А.**

Знаменательна тематика Вавиловских чтений. Она неизменно масштабна и актуальна, патриотична и посвящена сущностным проблемам развития современного российского общества в мире глобализации, общества потребления, деформации базовых социальных институтов человека и общества. Вспомним их в исторической последовательности.

Тематика Вавиловских чтений по годам:

1996 год. Первые Вавиловские чтения. «Диалог наук на рубеже XX–XXI веков и глобальные проблемы современности».

1997 год. Вторые Вавиловские чтения. «Диалог наук на рубеже XX–XXI веков и проблемы современного общественного развития».

1998 год. Третьи Вавиловские чтения. «Социум в преддверии XXI века: итоги пройденного пути, проблемы настоящего и контуры будущего».

2000 год. Четвёртые Вавиловские чтения. «Диалог науки и практики в поисках новой парадигмы общественного развития России в новом тысячелетии».

2001 год. Пятые Вавиловские чтения. «Мировое сообщество и Россия на путях модернизации».

2002 год. Шестые Вавиловские чтения. «Россия и мировое сообщество в поисках новых форм стабильности».

2003 год. Седьмые Вавиловские чтения. «Глобализация и проблемы национальной безопасности России в XXI веке».

2004 год. Восьмые Вавиловские чтения. «Мировоззрение и безопасность современного общества в фокусе научного знания и практики».

2005 год. Девятые Вавиловские чтения. «Безопасность человека, общества, природы в условиях глобализации как феномен науки и практики».

2006 год. Десятые Вавиловские чтения. «Потенциалы России в глобальном мире: проблема адаптации и развития».

2007 год. Одиннадцатые Вавиловские чтения. «Национальные проекты России как фактор её безопасности и устойчивого развития в глобальном мире».

2008 год. Двенадцатые Вавиловские чтения. «Национальные проекты России как фактор её безопасности в глобальном мире: научная экспертиза на самоорганизацию и адекватность».

2009 год. Тринадцатые Вавиловские чтения. «Региональные потенциалы России как фактор её самоорганизации и устойчивого развития в глобальном мире».

2010 год. Четырнадцатые Вавиловские чтения. «Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы развития».

2011 год. Пятнадцатые Вавиловские чтения. «Инновационные ресурсы и национальная безопасность в эпоху глобальных трансформаций».

2012 год. Шестнадцатые Вавиловские чтения. «Человек, общество, природа в эпоху глобальных трансформаций».

2013 год. Семнадцатые Вавиловские чтения. «Человек, общество, природа в эпоху глобальных трансформаций: безопасность и развитие».

2014 год. Восемнадцатые Вавиловские чтения. «Социально-гуманитарные и естественно-технические системы в пространстве глобальных трансформаций в современном мире и место в них России».

2015 год. Девятнадцатые Вавиловские чтения. «Национальная безопасность России в глобальном мире: состояние, вызовы, риски и механизмы устойчивого развития».

2016 год. Двадцатые Вавиловские чтения. «Россия в многовекторном мире: национальная безопасность, вызовы и ответы».

2017 год. Двадцать первые Вавиловские чтения. «Россия и мир: национальная безопасность, вызовы и ответы».

2018 год. Двадцать вторые Вавиловские чтения. «Глобализация и национальная безопасность: человек и общество в меняющемся мире».

2019 год. Двадцать третьи Вавиловские чтения. «Человек и общество перед вызовами глобальных трансформаций».

2020 год. Двадцать четвёртые Вавиловские чтения. «Безопасность человека и устойчивое развитие общества перед вызовами глобальных трансформаций».

Многие годы параллельно с Вавиловскими чтениями проводились, в качестве их неотъемлемой части, **всероссийские семинары по новому** для современной отечественной науки междисциплинарному **направлению «Социальная синергетика»**. Их вехи представлены в следующих темах (в исторической последовательности):

2001 год. Первый семинар. «Синергетика социальных коммуникаций в современном обществе».

2002 год. Второй семинар. «Социальная синергетика: предмет, актуальные проблемы, поиски, решения».

2003 год. Третий семинар. «Социальная синергетика: теоретические и практические аспекты».

2004 год. Четвёртый семинар. «Мировоззрение современного общества в условиях глобализации и постмодерна».

2005 год. Пятый семинар. «Социальная синергетика: безопасность и глобализация в парадигме современного научного знания и практики».

2006 год. Шестой семинар. «Социальная синергетика: стратегии развития России в глобальном мире».

В последние годы Вавиловские чтения ориентируются на исследование глобальных проблем современности, национальной безопасности, роли национальных проектов в устойчивом развитии страны, успешной адаптации России в глобальном мире, при сохранении и опоре на её базовые национальные потенциалы.

Мы бы к ним отнесли следующие:

- сохранение человеческого популяционного потенциала общества (проблема природно-ресурсного воспроизводства населения);
- сохранение образовательного потенциала общества (проблема интеллектуального ресурса общества);
- сохранение культурного потенциала общества (проблема духовно-культурного воспроизводства населения, сохранение духовного этического ядра нации);
- сохранение профессионального потенциала общества, прежде всего специалистов высшей квалификации (проблема профессионального ресурса общества);
- сохранение производственно-технического потенциала общества (проблема уровня и качества производственных мощностей);
- сохранение экономического потенциала общества как устойчивой системы связей и отношений внутри и между различными сферами общественной жизнедеятельности, прежде всего, сферами производства и потребления;
- сохранение природно-экологического потенциала общества как проблема его естественно-природного ресурса.

Вавиловские чтения носят общероссийский и международный форматы. Это их марка. Эти общероссийский и международный форматы поддержки были подтверждены и на Двадцать пятых Вавиловских чтениях в 2021 г.

На открытии чтений прозвучали приветственные адреса:

- Главы Республики Марий Эл **Евстифеева А. А.**;
- министра образования и науки Республики Марий Эл **Ревуцкой Л. А.**;
- министра социального развития Республики Марий Эл **Островской М. А.**;
- ректора ПГТУ **Петухова И. В.**;
- проректора по науке ПГТУ **Иванова Д. В.**;
- ректора Барановичского государственного университета (Беларусь) **Унсович А. Н.**;
- проректора по науке Белорусского государственного технологического университета (Минск, Беларусь) **Шетько С. В.**;
- представителей Института Философии РАН (Москва), докторов, профессоров **Аршинова В. И.**, **Лепского В. Е.**, **Буданова В. Г.**;
- представителя Физического института РАН (Москва) доктора, профессора **Полищук Р. Ф.**;
- директора Института философии и массовых коммуникаций К(П)ФУ (Казань) **Щелкунова М. Д.**;
- проректора по научной работе Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск) **Сенина П. В.**;

- проректора по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета **Дунец А. Н.**;
- декана философского факультета Софийского государственного университета (София, Болгария) **Корабельевой С.**;
- профессоров Софийского государственного университета (София, Болгария) **Илиевой С., Атанасова П., Проданова В.**;
- представителей Трнавского государственного университета (Трнава, Словакия) – декана факультета социальных наук **Михалика Я.**, профессора **Левицкой Я.**;
- представителей научного сообщества США, профессоров **Рамтуна Р., Акопяна К.**;
- профессора Университета г. Миттвайда (Германия) **Ведлер Б.**;
- представителей научного сообщества Азербайджана;
- представителей International Academy for Systems and Cybernetic Sciences;
- представителей Санкт-Петербургского государственного университета;
- представителей Нижегородского научного сообщества.

В рамках приветственной части состоялось широкое награждение старейших участников Вавиловских чтений и их наиболее активных организаторов и популяризаторов от лица Правительства Республики Марий Эл и ректората Поволжского государственного технологического университета. Всего было награждено 60 деятелей науки, учёных, преподавателей из крупнейших университетов России и Марий Эл, а также из США, Германии, Болгарии, Словакии, Беларуси, Украины, Азербайджана.

Июминкой 25 Вавиловских чтений традиционно стали Пленарные доклады чтений (в двух сессиях), отличающиеся высоким уровнем научного класса и актуальностью тем.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ 25 ВАВИЛОВСКИХ ЧТЕНИЙ:

1 сессия:

- «Трансформирующийся мир как вызов современному человеку и обществу». **Шалаев В. П.**, д-р филос. наук, профессор (ПГТУ, Йошкар-Ола).
- «Вера, сомнение, эмпатия». **Акопян К. З.**, д-р филос. наук, профессор (США).
- «Социогуманитарные основания совершенствования глобальной цифровой трансформации общества». **Лепский В. Е.**, д-р филос. наук, главный научный сотрудник (ИФ РАН, Москва).
- «Современная эволюция Искусственного Интеллекта: от слабого к сильно-му Искусственному Интеллекту (философско-антропологические вопросы)». **Войцехович В. Э.**, д-р филос. наук, профессор (ТГУ, Тверь).
- «Человек между философией и наукой: в чём угроза, в чём спасение?». **Дахин А. В.**, д-р филос. наук, профессор (Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Н. Новгород).
- «Микротаргетирование коммуникации и атомизация общества». **Атанасов Пламен.**, д-р, профессор (Софийский университет «Св. Кл. Охридски», София, Болгария).

- «Ценности России и ценности «другого» мира: общее и особенное». **Гавров С. Н.**, д-р филос. наук, профессор (Финансовый университет, Москва).

- «Самореализация человека как экзистенциальная ситуация». **Ильин В. И.**, д-р социол. наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург).

- «Социальная работа и социальные услуги в Словакии во время пандемии COVID». **Левицка Яна**, д-р философии, профессор (Университет Св. Кирилла и Мефодия, Трнава, Словакия).

- «Туристическая индустрия России в условиях пандемии». **Васина С. М.**, к-т истор. наук, доцент (ПГТУ, Йошкар-Ола).

2 сессия (Интегрированное пленарное заседание и круглый стол «Молодая наука»):

- «Некоторые физические мысли о человеке и обществе». **Полищук Р. Ф.**, д-р физ.-матем. наук, старший науч. сотрудник (ФИАН, Москва).

- «Мотивация учителей к работе в инклюзивном образовании в условиях пандемии КОВИД». **Илиева С.**, доктор философии, профессор, **Витанова В.**, доцент (Софийский университет, София, Болгария).

- «Доверие к источникам информации о коронавирусной пандемии (по материалам опроса студентов ПГТУ)». **Тюленев А. И.**, канд. социол. наук, доцент (ПГТУ, Йошкар-Ола).

- «Тезисы концепции динамического числового континуума». **Годарев-Лозовский М. Г.**, председатель Философского общества Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург).

- «Идеологические основы современного общества: социально-философские аспекты». **Хренков В. В.**, канд. филос. наук (ПГТУ, Йошкар-Ола).

- «Critical Point of View at the Field of Volunteering in Slovakia (Критический взгляд на волонтерство в Словакии)». **Вацекова Михаэлла** (ТГУ, Трнава, Словакия).

- «Universities in an intercultural learning space. A study by the DAAD. Matthias Otten Alexandra Scheitz». **Löffler Tomas** (Университет г. Митвайда, Германия).

- «Application of environmental justice in the coal region upper Nitra». **Hrabovský Erik** (Нитра, Словакия).

- «Теоретические подходы к пониманию туризма как социального института в обществе потребления». **Ефремова Д. В.** (ПГТУ, Йошкар-Ола).

Широкое российское и международное представительство чтений отражает статистика их участников.

Общая статистика 25-х Вавиловских чтений:

- всего участников – более 400, всего учреждений – 55;

- городов России – 17 (Йошкар-Ола, Казань, Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Барнаул, Тверь, Саранск, Саратов, Ханты-Мансийск, Екатеринбург, Уфа, Владивосток, Челябинск и др.). Городов зарубежных стран – 7;

- всего представители 8 стран: Россия, США, Болгария, Беларусь, Германия, Словакия, Азербайджан, Киргизия;

- состоялись Пленарное заседание (2 сессии), 12 секций, 1 круглый стол.

В рамках 25-х Вавиловских чтений прошёл традиционный конкурс лучших студенческих докладов и поступивших материалов молодых исследователей. Более 50 молодых исследователей, студентов, магистрантов и аспирантов, были награждены дипломами трёх степеней.

Заключение. Огромной благодарности заслуживает коллектив Факультета социальных технологий ПГТУ, который в условиях общественных трансформаций, начиная с 4-х чтений, подхватил флаг ответственности за них, стал главной организационной площадкой их проведения. И вот уже 25 лет!

Сегодня важно сказать слова благодарности и Поволжскому государственному технологическому университету, предоставившему свою площадку для проведения чтений, поддерживавшему и сохранившему добрую вавиловскую традицию служения науке и научному просвещению на земле Марий Эл!

Времена меняются. Оглянувшись на пройденный путь, можно поразиться, как много сделано. Вавиловские чтения в Марий Эл по-прежнему неизменно востребованы. Со временем они стали масштабным форумом диалога наук, регионов и поколений исследователей, важным научно-просветительским форумом современности в пространстве российской науки и образования. Причём, в значительной степени на основе общественной самоорганизации.

С нами неизменно присутствует позитивный товарищеский и научный дух Вавиловских чтений. Они всегда молоды, открыты новому, устремлены в будущее. На этом стояли и будут стоять! История продолжается.

Список литературы

1. <https://www.volgattech.net/news/FST/409062/>
2. <https://istina.ipmnet.ru/collections/148634441/>
3. <https://www.tuva.asia/news/ruregions/187-maryi.html>
4. https://go.mail.ru/search_images?fm=1&q=%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20%D0%B2%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B2%20%D0%B9%D0%BE%D1%88%D0%BA%D0%B0%D1%80-%D0%BE%D0%BB%D0%B5&frm=web
5. <https://www.km.ru/glavnoe/2005/11/26/arkhiv/ix-vavilovskie-chteniya-proshli-v-ioshkar-ole>
6. <https://www.km.ru/glavnoe/2005/11/26/arkhiv/ix-vavilovskie-chteniya-proshli-v-ioshkar-ole>
7. <https://regnum.ru/news/cultura/740940.html>
8. <https://lomonosov-msu.ru/rus/event/705/>
9. <https://mrl.mk.ru/articles/2016/12/14/v-yoshkarole-otkrylis-yubileynye-khkh-vavilovskie-chteniya.html>
10. https://ecodelo.org/1073-chetyrmdtsatye_vavilovskie_chteniya-
11. https://kpfu.ru/staff_files/F368701825/Vavilovskie_2015.pdf
12. <https://yoshkarola.bezformata.com/listnews/itogi-hhi-vavilovskih-chtenij/63481072/>
13. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012016358/
14. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012016358/
15. https://marsu.ru/education/units/fpp/detail.php?ELEMENT_ID=55387
16. <https://yola-poisk.ru/news/obrazovanie/xhii-vavilovskie-chteniya>
17. https://www.marimedia.ru/news/science_education/item/95198/

Авторская справка

ШАЛАЕВ Владимир Павлович, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий, Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия.

E-mail: shalaevp@volgatech.net

UDC 338

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.107

***THE GLORIOUS WAY OF VAVILOV READINGS
IN MARI EL AND RUSSIA: FROM ORIGINS TO MODERNITY***

V. P. Shalaev

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. The article examined the phenomenon, considered the main historical milestones of the development of the Vavilov readings, an international, interdisciplinary scientific conference in Yoshkar-Ola, working in the direction of dialogue of sciences, generations and territories. Vavilov readings are associated with the names of two prominent Russian, Soviet scientists with a world name, brothers S.I. Vavilov, physicist and N.I. Vavilov, plant genetics.

Methods. The main methods of research were the historical approach, the analytical method and the method of scientific generalizations.

Results. Vavilov readings arose in Mari El in 1996 as a platform for scientific dialogue between scientists of various sciences and directions during the period of difficult trials of Russian science. Their main goal was to create conditions for maintaining scientific dialogue and cooperation of scientists, during the period of brutal deformations of domestic science and higher school, in the post-Soviet period of Russian development. Another, fundamental, no less important goal, was the creation of a systematic platform for dialogue between generations of researchers in science. Vavilov readings, initially, in their activities formulated a scientific and educational mission, the establishment of a worldview dialogue of young and mature generations of scientists and researchers in science.

An integral part of the readings was the youth segment of the conference, which organized a competition for the best scientific reports and materials of students and undergraduates, in 15 scientific sections, including humanities, social, natural and technical sciences.

Reading is distinguished by a problematic focus on the study and solutions of the fate of Russia and the world in the context of the upcoming Western globalization and consumption society, the topic of human security and sustainable development of society in the context of global transformations, the topic of national security of Russia in a changing world. Over the years of scientific and educational activity of readings on the land of Mari El, more than 10 thousand scientists, researchers, practitioners from 11 countries of the world took part in them. In different years, well-known scientists of Russia from leading academic institutions and higher educational institutions of Russia, famous statesmen of Russia and the Republic of Mari El took part in them. The article presents the unique thematic history of the Vavilov readings in Yoshkar-Ola. A separate place is devoted to describing and understanding the content and results of the anniversary 25 Vavilov readings.

Conclusion. Over the years of its existence, the Vavilov readings have become a kind of scientific face of the Republic of Mari El both in the Russian and international space of scientific ideas, scientific dialogue and scientific development. Vavilov readings have become an important factor in the scientific and educational and critical understanding of the current processes of cultural and civilizational development of man and society in a modern format.

Keywords: international Vavilov readings; scientific forum; scientific dialogue; scientific enlightenment; scientific service.

References

1. <https://www.volgatech.net/news/FST/409062/>
2. <https://istina.ipmnet.ru/collections/148634441/>
3. <https://www.tuva.asia/news/ruregions/187-maryi.html>
4. https://go.mail.ru/search_images?fm=1&q=%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20%D0%B2%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B2%20%D0%B9%D0%BE%D1%88%D0%BA%D0%B0%D1%80-%D0%BE%D0%BB%D0%B5&frm=web
5. <https://www.km.ru/glavnoe/2005/11/26/arkhiv/ix-vavilovskie-chteniya-proshli-v-ioshkar-ole>
6. <https://www.km.ru/glavnoe/2005/11/26/arkhiv/ix-vavilovskie-chteniya-proshli-v-ioshkar-ole>
7. <https://regnum.ru/news/cultura/740940.html>
8. <https://lomonosov-msu.ru/rus/event/705/>
9. <https://mr1.mk.ru/articles/2016/12/14/v-yoshkarole-otkrylis-yubileynye-khkh-vavilovskie-chteniya.html>
10. https://ecodelo.org/1073-chetymadtsaty_vavilovskie_chteniya
11. https://kpfu.ru/staff_files/F368701825/Vavilovskie_2015.pdf
12. <https://yoshkarola.bezformata.com/listnews/itogi-hhi-vavilovskih-chtenij/63481072/>
13. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012016358/
14. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012016358/
15. https://marsu.ru/education/units/fpp/detail.php?ELEMENT_ID=55387
16. <https://yola-poisk.ru/news/obrazovanie/xhii-vavilovskie-chteniya>
17. https://www.marimedia.ru/news/science_education/item/95198/

Author's Bio

SHALAEV Vladimir Pavlovich, Doctor of Philosophy, professor, dean of faculty of social technologies, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: shalaevp@volgatech.net.

Библиографическая ссылка

Шалаев В. П. Славный путь Вавиловских чтений в Марий Эл и России: от истоков к современности // SocioTime / Социальное время. 2021. № 4 (28). С. 107 – 117.
DOI: 10.25686/2410-0773.2021.4.107

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ**Подвижник, созидатель отечественной науки****ЗЕЛЕНОВ ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ****(1933 – 2021)**

9 сентября 2021 г. в возрасте 88 лет ушёл из жизни выдающийся нижегородский философ, член Российского Философского Общества, доктор философских наук, профессор, почётный профессор Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ), заслуженный работник высшей школы РФ Зеленев Лев Александрович.

Л. А. Зеленев родился 19 июля 1933 г. в селе Сарлей Дальнеконстантиновского района Горьковской области. Окончил Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова (1956), аспирантуру Томского госуниверситета (1963). С 1963 г. он ассистент, ст. преподаватель, доцент кафедры философии Горьковского политехнического института; с 1969 г. – доцент, профессор, в 1991–2011 гг. – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, был также заведующим кафедрой эстетики и дизайна. В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию «Эстетическая объективация», в 1972 г. защитил докторскую диссертацию «Структура эстетической деятельности».

Сфера научных интересов – эстетика, дизайн, социальная философия, социология, философия науки и техники, теория и история культуры. Л. А. Зеленев – автор более 1 200 научных публикаций, в том числе 70 монографий. Основные монографические публикации: «Введение в общую методологию», Н. Новгород, 2002; «Историческая логика эстетики», Н. Новгород, 2002; «История и философия науки», Н. Новгород, 2004; «Система эстетики», Москва, 2004; «Философия», Н. Новгород, 2006; «Социология», Н. Новгород, 2006; «Антропология», Н. Новгород, 2006; «Эстетика», Н. Новгород, 2006; «Сумма методологии», Н. Новгород, 2007; «Система управленческой сферы общества», Н. Новгород, 2015; «Методологический потенциал философии», Н. Новгород, 2016; «Общая теория мировоззрения», Н. Новгород, 2017; «Закон гармонии мер», Москва, 2018; «Концепции Нижегородского философского клуба», Москва, 2018; «Философские школы Нижнего Новгорода (1958–2018) (философские мемуары)», Н. Новгород, 2019; «Закон взаимосвязи сфер общества», Москва, 2020.

Л. А. Зеленев – создатель научной школы «Методология человековедения», которая сформировалась на базе созданного им в 1969 г. Нижегородского философского клуба, организатор его еженедельных заседаний на протяжении 52 лет, а также 49 межрегиональных и международных симпозиумов (1972–2021).

В рамках созданной Львом Александровичем научной школы, по материалам организованных им симпозиумов и философского клуба, их участниками, членами и слушателями были защищены 188 диссертаций по философии (167 кандидатских

и 21 докторская). Особая роль в этих процессах, подчёркивающих масштаб личности Л. А. Зеленова, безусловно, принадлежит деятельности философских симпозиумов, через которые прошли тысячи учёных, исследователей, практиков, представляющих десятки университетов и научных академических институтов России. Значительная их часть – молодые исследователи, для которых они стали своеобразными площадками апробации и совершенствования научных идей, кристаллизации научных целей развития. Симпозиум и философский клуб стали настоящим народными школами философствования.

В 1991 г. по инициативе Л. А. Зеленова в Министерстве юстиции РСФСР было зарегистрировано общественное объединение «Общероссийская академия человековедения», где он был избран президентом. В 1992 г. на базе ННГАСУ создан диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям: 09.00.11 – «Социальная философия»; 09.00.08 – «Философия науки и техники»; 24.00.01 – «Теория и история культуры». Под председательством Л. А. Зеленова за 20 лет работы совета (1992–2012) были защищены 210 диссертаций – 60 докторских и 150 кандидатских. Можно сказать, что около 50 % докторов и кандидатов наук г. Нижнего Новгорода в области философии и культурологии защитили диссертации в совете, созданном Л. А. Зеленовым. Сюда с диссертациями на защиту ехали соискатели докторских и кандидатских степеней из Москвы, Ленинграда, Владивостока, Улан-Удэ, Астрахани, Смоленска, Владимира, Пензы, Киева, Перми, Йошкар-Олы, Костромы и других городов.

Лев Александрович был прекрасным лектором. Наряду с вузами, где он преподавал, его аудиторией были слушатели общества «Знание», а также созданного им двухгодичного Народного университета дизайна, подготовившего за время своего существования (1976–1992) 950 специалистов для промышленности области. Университет дизайна был отмечен премией Министерства образования СССР. В 1975 г. на IX Международном конгрессе ИКСИД (союз дизайнеров) в Москве, где присутствовали представители дизайна из 56 стран, Л. А. Зеленов выступил с 40-минутным докладом о разработанной им системе принципов дизайна, вызвавшем большой интерес иностранных коллег и благодарность отдела науки ЦК КПСС за то, что учёный отстоял честь отечественного дизайна. В 2010 г. Союз дизайнеров России и Министерство культуры РФ вручили Л. А. Зеленову медаль «За вклад в развитие отечественного дизайна». Л. А. Зеленов входит в список академиков Национальной академии дизайна.

Под руководством Льва Александровича разрабатывались планы социально-экономического развития многих городов страны. В 1978 г. по приглашению Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии М. П. Машерова Л. А. Зеленов прочитал вместе с коллегами курс лекций для высшего руководства Белоруссии по вопросам стратегии социально-экономического развития республики. И только трагическая смерть П. М. Машерова в 1980 г. помешала внедрить в жизнь предлагаемые программы во всей их полноте.

Л. А. Зеленов был автором разработки и внедрения проекта Нижегородской авторской академической школы (МАОУ № 186 «Авторская академическая школа»). Основанная в 1993 году, школа успешно работает в наши дни, её деятельность высоко оценена правительством РФ и правительством Нижегородской об-

ласти, она имеет статус федеральной и региональной экспериментальной площадки, а также высокий рейтинг среди родителей и учеников школы.

Основное значение вклада профессора Л. А. Зеленова в современную философию состоит, прежде всего, в том, что, опираясь на философские идеи К. Маркса, он развивал антропономические, человекомерные идеи философии общества, деятельности, социальных отношений, социальных институтов, что особенно актуально на фоне глобального распространения постмодернистских теорий методологического отказа от антропомерности социальной философии (Н. Луман и др.). В этом направлении им были разработаны оригинальные теоретико-методологические концепции всестороннего развития личности, всестороннего развития общества, всестороннего и гармоничного развития человеческой деятельности и самостоятельности. Оригинальные теоретико-методологические идеи использовались им для решения прикладных общественно значимых вопросов в сфере теории и практики промышленного дизайна, комплексного регионального развития, организации планирования городского развития, организации образования и воспитания, организации коллективной научной деятельности и др. Признание академическим сообществом выдающегося научного и практического вклада Л. А. Зеленова отмечено присуждением ему звания академика Петровской академии наук и искусств, а также Национальной академии дизайна.

Несомненно, Лев Александрович воплотил в себе ярчайший образ отечественного, советского и российского мыслителя, наставника, одновременно учёного и практика, талантливого и успешного организатора научной и учебной деятельности, подвижника, устремлённого к универсальности человека во всех его проявлениях, той универсальности, которая оказалась доступна ему на предоставленном судьбой жизненном пути на нижегородской земле.

Нет сомнения, что живительными корнями этой реализованности и масштаба личности Льва Александровича были благодатные истоки советской и мировой культуры и науки в их максимально возможной рациональной и моральной полноте, устремлённой к достижению и построению уникальной альтруистической и универсальной модели человека, культуры и общества.

Таким он был: неунывающий, жизнерадостный первооткрыватель, устремлённый к универсализму, неустанный служитель человеку и обществу, подвижник, которому ничто человеческое было не чуждо.

Льва Александровича всегда отличало внимательное, доброжелательное и уважительное отношение к людям, которые его окружали. Выражаем наше глубокое соболезнование родным, близким, коллегам и ученикам Льва Александровича Зеленова. Светлая ему память!

Дахин А. В., д. филос. н., проф., председатель Нижегородского Отделения Российского Философского Общества.

Пищик А. М., д. филос. н., проф., координатор Философского клуба Н. Новгорода.

Шалаев В. П., д. филос. н., проф., главный редактор международного журнала «SocioTime/Социальное время», Йошкар-Ола.

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЁМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «**SocioTime / Социальное время**» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200 – 250 слов), ключевые слова (5 – 10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4 – 1,0 авторского листа (16 – 40 тысяч знаков, включая пробелы) оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате A4. Подписные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегль 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегль 8,5): Ф.И.О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, Email.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация – краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction);*
- *Методы (Methods);*
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results);*
- *Заключение (Conclusion).*

Ключевые слова – основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение*: цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т.д.;

- *Методы исследования*: методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение*: изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение*: теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10 – 30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников – 3–5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. **Список материалов**, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**);

4. **Порядок рассмотрения рукописи**. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1 – 3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлекцией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала «SocioTime / Социальное время»: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

Email: sociotime@volgatech.net

Телефон редакции (главного редактора) 8(8362)68-60-40.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"SocioTime / Social Time" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. General information. The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200–250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5–10, font size 9);
- The manuscript 7–16 pages (16–40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;
- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;
- Information about the authors in Russian and English (font size 8,5): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and Email.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200–250 words) – summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;
- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);
- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5–10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;

- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;

- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;

- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10–30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3–5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;
- The manuscript;
- Recommendation of the supervisor (for students);
- Certificate on checking the article in the "AntiPlagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published);

4. **The review process and publication decision.** The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1–3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

Email: sociotime@volgatech.net

Tel. (Editor in Chief) 8(8362)68-60-40.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединённому каталогу. Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**).

ISSN 2410-0773

9 772410 077002 >